Алекс Вестфорд

ТАЙНЫЙ БЛЭКВУД

Дела инспектора Уитмора

ПЕРВЫЙ СЕЗОН

ДЕСЯТЬ РОМАНОВ

Алекс Вестфорд

Тайный Блэквуд. Дела инспектора Уитмора. Первый сезон. Книги 1–10

«Автор»
2026

Вестфорд А.

Тайный Блэквуд. Дела инспектора Уитмора. Первый сезон. Книги 1–10 / А. Вестфорд — «Автор», 2026

Десять классических детективов об инспекторе Артуре Уитморе и сержанте Томасе Риде. В английской провинции начала тридцатых годов у каждого дела своя загадка и развязка. Пока меняются места, свидетели и подозреваемые, одна история проходит через весь сезон. Что случилось с Элеонорой Вейл и почему её имя продолжало появляться в чужих бумагах? Полный первый сезон в одном томе, в авторском порядке.

© Вестфорд А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Тайный Блэквуд. Дела инспектора Уитмора. Первый сезон. Книги 1–10 5
Убийство в поместье Эшкрофт 6
Глава 1. Вызов после ужина 6
Глава 2. Люди за столом 11
Глава 3. Светлая фигура 18
Глава 4. Домики фонда 23
Глава 5. Чужая дверь 28
Глава 6. Письмо, которого не было 34
Глава 7. История с вырезанной страницей 39
Глава 8. Подписи жильцов 44
Глава 9. Второй посетитель 48
Глава 10. Понедельничная отправка 53
Глава 11. Пепел в решётке 58
Глава 12. Обратная сторона листка 63
Глава 13. Грач из бронзы 69
Глава 14. Цена молчания 74
Глава 15. Адрес для Элеоноры 79
Последний звонарь Сент-Брайда 84
Глава 1. Письмо до востребования 84
Глава 2. Свет под лестницей 90
Глава 3. Шесть верёвок 94
Глава 4. Книга Мэй Саттон 99
Глава 5. Поздний хор 105
Глава 6. Объявление на гвозде 111
Глава 7. Человек на дороге 116
Глава 8. Левый башмак 121
Глава 9. За что платили столяру 127
Глава 10. Конец репетиции 132
Глава 11. То, что услышала Марта 136
Глава 12. До разбитого стекла 140
Глава 13. Последний перебор 144
Глава 14. Одна свободная верёвка 149
Глава 15. Восемнадцатое ноября 153
Тень над Розовым коттеджем 157
Глава 1. Дом, который не освобождали 157
Глава 2. Два коричневых флакона 161
Глава 3. На правах гостя 165
Глава 4. Контора у моста 169
Глава 5. То, что осталось в бутылке 173
Глава 6. Ганна на фотографии 177
Глава 7. День возвращаемой посуды 182
Глава 8. Чужое право 186
Конец ознакомительного фрагмента. 187

Алекс Вестфорд
Тайный Блэквуд. Дела инспектора Уитмора. Первый сезон. Книги 1–10

Тайный Блэквуд. Дела инспектора Уитмора. Первый сезон. Книги 1–10

Алекс Вестфорд

Убийство в поместье Эшкрофт

Глава 1. Вызов после ужина

Уитмор не сразу понял, почему констебль повторяет слово «суббота».

По телефону трещало. В гостинице уже погасили свет над стойкой, и миссис Фелл держала лампу так, чтобы инспектор видел записную книжку. Сквозь шум он расслышал название поместья, фамилию врача и просьбу приехать с сержантом.

— Сегодня суббота, сэр, — опять сказал Прайс.

— Я знаю. Что именно произошло?

— Сэр Гидеон мёртв. Доктор говорит, его ударили по голове. И у них приготовлены вещи к отправке. Бумаги тоже. Я велел ничего не выносить, но секретарь говорит, что утром…

— Вы правильно сделали. Кто сейчас в комнате?

— Никто. Я у двери. Доктор в холле.

— Оставайтесь там. Рид будет с вами через двадцать минут.

Он положил трубку. Миссис Фелл не спросила, кто умер: стояла достаточно близко, чтобы услышать.

— Послать за машиной?

— За сержантом. Кажется, он ещё внизу.

Рид нашёлся в маленькой гостиной, где пытался разобраться с географией Блэквуда по выцветшей карте. Они приехали накануне для проверки нескольких краж со складов; инспектор рассчитывал уехать в понедельник. Сержант уже успел познакомиться с возчиком, владельцем гаража и мальчиком, разносившим вечернюю почту. Теперь он застёгивал пальто, одновременно спрашивая, потребуется ли фотограф.

— Потребуется, — сказал Уитмор. — Но сначала выясним, что там осталось фотографировать.

Миссис Фелл протянула ему шарф.

— Не принимайте всё, что вам там скажут, за семейное дело.

— Вы хорошо знали сэра Гидеона?

— Достаточно, чтобы он со мной больше не здоровался.

Она не улыбнулась. Уитмор поблагодарил за шарф. Хотел спросить, из-за чего они поссорились, но наверху хлопнула дверь: Рид уже бежал за пальто.

В машине пахло сырой кожей. Рид протёр стекло изнутри рукавом, посмотрел на карту и переложил её инспектору.

— Вы повороты называйте. Здесь дороги идут не туда, куда нарисованы.

— Дороги обычно никуда не спешат, сержант.

— Вот именно. А Прайс ждёт.

Уитмор прижал карту к коленям. На ней жёлтым кружком был обведён склад, ради которого они приехали в Блэквуд. Ещё полчаса назад инспектор думал, как успеть к понедельнику передать местным последние документы и выбраться отсюда. Теперь склад казался делом другого человека.

— Завтра напомните сообщить о задержке, — сказал он. — Пусть продолжат без нас. У них есть показания возчика.

— Записал.

Рид вывернул со двора. У аптеки стояли двое мужчин под одним зонтом; увидев автомобиль, они отступили к стене. Один кивнул сержанту.

— Уже знакомые?

— Человек из гаража. Второго не знаю.

— Вы со всеми знакомитесь?

— Только с теми, от кого зависит, заведётся ли машина утром.

Уитмор хотел заметить, что это разумнее многих иных знакомств, но сержант уже смотрел на дорогу. Отсвет витрины лёг на его лицо, и инспектору вдруг стало неловко за собственное желание разговаривать о пустяках. Рид был молод; в этом человеке он пока знал главным образом аккуратную книжку и привычку слишком быстро отвечать «понял». Сегодня ночью им предстояло узнать друг о друге больше.

На первом повороте автомобиль качнуло. Уитмор упёрся ладонью в сиденье.

— Простите, — сказал Рид. — Канаву залило.

— Я видел.

— Не удержались бы за дверь? Ручка барахлит.

Инспектор отпустил ручку, за которую как раз собирался взяться. Сержант не посмотрел на него. Вообще в Риде была спасительная способность не замечать вслух чужой неловкости.

Из кармана пальто выпал уголок гостиничного счёта. Уитмор сунул его обратно и ощупал жилет: книжка, часы, карандаш. Всё на месте. В молодости он проверял это перед каждым выходом; потом перестал, счёл суеверием. С некоторых пор снова начал.

Миссис Фелл завязала шарф так туго, что воротник давил под подбородком. Инспектор ослабил узел и подумал, не просить ли Рида сбавить. Не попросил. Тот и без него выбрал скорость поменьше.

Дождь размазывал свет фар по дороге. За рынком кончились дома; затем из темноты выступила стена с двумя каменными шарами на воротах. Один шар был расколот, и белый срез резко выделялся на мокром камне. Рид затормозил перед человеком с фонарём.

— Садовник, — сказал тот. — Норр. Мне велели открыть.

Он поднял фонарь, но, увидев полицейских, опустил его прежде, чем инспектор успел рассмотреть лицо.

— Кто велел?

— Мисс Эшкрофт. Потом констебль.

— Когда вы узнали о смерти хозяина?

— Минут двадцать назад. Я живу за оранжереей.

Уитмор записал фамилию. Пока машина проходила ворота, Норр отступил в сторону и прижался спиной к стене, будто боялся задеть её мокрым рукавом.

У дома горело слишком много окон. Свет на втором этаже оставался ровным, а внизу двигался: кто-то переносил лампы из комнаты в комнату. Перед дверью под дождём стоял раскрытый зонт, забытый так давно, что на шёлке образовалась лужица.

В холле их встретила женщина с узлом ключей на поясе. В её тёмном платье и прямой спине было что-то служебное, однако говорила она с достоинством человека, который ещё утром управлял этим домом.

— Миссис Марч. Экономка. Констебль просил всех остаться.

— Все остались?

— Кроме кухарки. Она у себя, с мигренью. Я её проверяла.

— Попросите её пока не уходить дальше своей комнаты.

Экономка кивнула. С лестницы спускалась молодая женщина в зелёном платье; придерживала перила двумя руками и смотрела на ступени. За ней шёл высокий мужчина с редкими светлыми волосами. Он нагнал её на последней ступеньке, но руку предложить не успел: она прошла прямо к инспектору.

— Вы будете спрашивать, кто его нашёл. Это я.

— Мисс Эшкрофт?

— Клара. Доктор сказал, что мне лучше прилечь. Я не могла.

Уитмор представился. Мужчина за её плечом назвал себя доктором Фенвиком и попросил несколько слов наедине.

Они отошли к камину. Огонь был почти погашен; среди золы лежала целая чёрная головня.

— Травма затылка, — сказал врач. — Мне незачем притворяться, будто я могу назвать минуту смерти. Когда меня позвали, помочь уже было нельзя.

— Когда вас позвали?

— Без двух минут девять. Я посмотрел на часы в столовой. Мы ждали хозяина.

— Кто «мы»?

— Его сестра, племянник, мистер Мерсер и я. Клара вышла за отцом. Услышали её крик.

— Тело передвигали?

— Я осмотрел голову, проверил пульс. Клара держала его за руку. Больше никто не прикасался, насколько я видел.

Из двери справа выглянул Прайс. Он был моложе, чем казался по телефону, с красными ушами и шеей, натёртой воротником.

— Комната здесь, сэр.

— Рид, начните с фамилий всех, кто в доме. Запишите, кто заходил сюда после обнаружения. Потом попросите их по одному рассказать о вечере. Без общих обсуждений.

— Понял.

Сержант снял мокрое пальто и положил его на спинку стула. Экономка тотчас забрала пальто: маленький, бессмысленный жест, который, вероятно, помогал ей ещё чувствовать себя хозяйкой положения.

Картографическая комната оказалась тёплой. Название не было прихотью: карты висели на стенах, лежали под стеклом длинного стола, торчали из широких ящиков. Уитмор остановился у порога и дал глазам привыкнуть к направленному свету настольной лампы.

Гидеон Эшкрофт сидел в высоком кресле между столом и окнами. Со стороны двери был виден затылок, закрытый серой прядью, и правое плечо, опустившееся ниже левого. Голова ушла к груди. С первого взгляда человек и в самом деле мог показаться спящим. Со второго — уже нет.

Инспектор обошёл кресло, осторожно выбирая место для ног. Слева от ножки стола блестело что-то маленькое. Он не наклонился сразу.

— Свет таким был, когда вы вошли? — спросил он Прайса.

— Да. Только доктор зажёг верхнюю люстру, а я потом выключил. Не знал, можно ли.

— Сейчас можно. Сначала скажите, где вы стояли.

Констебль показал. Уитмор попросил оставить дверь открытой и пригласил врача. При верхнем свете комната утратила домашний вид. Появились следы подошв у порога, грязный отпечаток пальца на стекле шкафа и тёмная полоса на воротнике мёртвого.

Фенвик повторил то, что уже сообщил, добавив: рана могла быть нанесена тяжёлым предметом с довольно узким краем. Инспектор не стал просить большей определённости.

— Вы лечили его?

— Несколько лет.

— Он мог потерять сознание и удариться при падении?

— При таком положении тела? Кресло стоит ровно, спинка цела. Я не вижу, обо что именно. Но окончательное заключение должен дать тот, кто будет производить исследование.

Доктор говорил без желания понравиться. Уитмор отметил это с благодарностью.

На столе стояли чашка, маленький чайник и блюдце с ломтиком лимона. Чашка была почти полной. Над чаем образовалась тусклая плёнка. Рядом лежал листок с загнутым уголком, прижатый чернильницей; несколько слов закрывало блюдце.

— Здесь ничего не убирали?

— Подноса уже не было, — сказал Прайс. — Я спросил. Секретарь сказала, унесла его раньше.

— Раньше чего?

— Я понял — раньше, чем нашли.

— Потом уточним.

Инспектор вытащил карандаш, но к листку не прикоснулся. Вначале требовалось сохранить положение предметов. На полке за столом ряд атласов завалился вправо. Слева их поддерживал бронзовый грач на квадратной подставке. Справа лежал один том, упавший обрезом к стене; возле него в пыли виднелся чистый четырёхугольник.

— У этого грача была пара?

Прайс посмотрел на полку так, словно увидел её впервые.

— Сейчас узнаю.

— Нет. Сначала запишите, что видим мы. Не надо пока подсказывать остальным, чего нам не хватает.

Он присел возле стола. Блестевший предмет оказался маленькой латунной скрепкой, а рядом, в тени, лежал неровный зелёный треугольник. Ткань была ворсистой. Уитмор попросил конверты. Констебль покраснел и признался, что принёс только записную книжку.

— Бумага найдётся. Чистая. И пусть тот, кто принесёт, оставит её у порога.

За окнами шумела вода из переполненного жёлоба. Одно окно было закрыто, у другого нижний запор лежал горизонтально, не попав в гнездо. Уитмор осветил раму карманным фонарём. На внутреннем подоконнике лежала тонкая пыль без следов рук. На наружном стояла вода; вдоль нижнего края она образовала непрерывную дрожащую полоску.

Он посветил вдоль рамы ещё раз. Нетронутая пыль мешала самой простой догадке. В книжке появились две строки: «Запор не в гнезде. Следов на внутреннем краю не видно».

Прайс вернулся с бумагой и невысокой женщиной лет сорока, которая остановилась на пороге, не дожидаясь просьбы. На ней был серый костюм, чуть тесный в плечах; волосы гладко убраны. Левый рукав она держала правой рукой, как будто хотела спрятать пятно.

— Беатрис Лэнг. Я веду переписку сэра Гидеона. Констебль сказал, нужна бумага.

— Благодарю. Когда вы в последний раз видели его живым?

Она посмотрела мимо инспектора, в сторону кресла, и ответила не сразу:

— За ужином. Потом я занималась отправкой книг.

— Вы ужинали со всеми?

— До половины девятого. То есть не до половины. Простите. Он встал раньше, а я немного позже. Я могу свериться по своим записям.

— Пока не надо. Поднос вы уносили?

— Да. Чай оставила. Он не любил, когда ему мешали.

— Значит, после ужина вы всё-таки были здесь?

У неё дрогнули пальцы на рукаве.

— Разумеется. Я думала, вы спрашиваете, когда я с ним разговаривала.

Уитмор кивнул, не подтверждая её толкования.

— Какие книги вы готовили к отправке?

— Старые отчёты. Переплётчик в Глостере берёт их партиями. Ящик у меня в кабинете. В понедельник его должен забрать перевозчик.

— Он побудет здесь. Составьте список всего, что собирались отправить: книг, писем, посылок. Передайте сержанту. Пока ничего не открывайте и не дописывайте.

— Даже обычную почту?

— Пока даже её.

Беатрис опустила глаза на принесённые листы.

— На верхнем водяной знак. Если вам нужна совершенно простая бумага, в кабинете есть другая.

— Эта подойдёт.

После её ухода Прайс тихо сказал:

— Видели? Всё про бумагу. Будто он ещё может сделать ей замечание.

— Может быть, поэтому и говорила о бумаге.

Инспектор вложил зелёный обрывок в сложенный лист, отметил место находки, время и фамилию констебля. Скрепку поместил отдельно. Теперь можно было ещё раз осмотреть стол.

У раскрытой расходной книги под правую сторону был подложен пустой конверт. Из-за этого корешок не давал страницам сомкнуться. На левой странице шли фамилии жильцов, адреса и суммы; на правой несколько строк обведены тонким карандашом. Уитмор прочитал одну, затем вернулся к началу.

«Вейл, Э. Коттедж у нижней мельницы. Содержание. Октябрь 1930».

Ему показалось, что в комнате стало прохладнее, хотя огонь в камине горел ровно. Он поднёс лампу ближе, стараясь не задеть проводом чашку.

Прайс заметил перемену в его лице.

— Что-нибудь знакомое?

— Возможно. Эта книга должна остаться здесь до съёмки.

Он позвал Рида. Сержант явился с уже исписанным листом.

— Шестеро, кого нужно опросить первыми, не считая прислуги и садовника. Я…

Уитмор показал строку. Рид прочитал, не понимая.

— Вейл. Что с ней?

— Пока ничего. Постарайтесь узнать, кто жил у нижней мельницы в тридцатом году. Завтра, при свете. Начните с адреса, не с фамилии.

— Вы знаете эту женщину?

— Знал одну с такой фамилией.

Из холла донёсся голос миссис Марч: она уговаривала кого-то выпить воды. Потом другой голос, старше и резче, произнёс:

— Не говорите о нём так, будто он вас слышит.

Уитмор посмотрел на мёртвого. От сэра Гидеона остались несколько незаконченных действий: не выпит чай, не закрыта книга, не отправлен конверт. Всё остальное в доме уже пыталось превратиться в рассказы о том, что он намеревался сделать.

— Соберите их не вместе, — сказал он Риду. — Пусть каждый пока останется со своей памятью.

Когда сержант вышел, инспектор ещё раз проверил дату над обведённой строкой. Октябрь 1930 года. Она была написана вполне разборчиво.

Элеонору Вейл искали в ноябре двадцать четвёртого. Тогда за три дождливых дня не нашли ни её самой, ни человека, который мог бы с уверенностью сказать, куда она направилась. Уитмор ещё помнил, как легко в итоговой сводке появилось слово «вероятно» и как быстро все перестали его замечать.

Он закрыл записную книжку, оставив расходную раскрытой.

До утра в этом доме следовало сохранить гораздо больше, чем следы убийства.

Глава 2. Люди за столом

Первой Рид привёл Эстер Эшкрофт. Она вошла в библиотеку с таким видом, словно инспектор занял её место, и остановилась перед креслом, предложенным для беседы.

— Здесь сидел мой отец, когда разбирал приходские счета. Гидеон смеялся, что мебель наследует занятия своих владельцев.

— Можете выбрать другое кресло.

— Это было бы суеверием.

Она села. На Эстер было тёмно-синее платье, на плечах — светлая шерстяная шаль. Края её она расправила на коленях, прикрыв кисти рук. Ей было под шестьдесят; издали она казалась старше, вблизи — моложе, особенно когда смотрела прямо на собеседника. Взгляд у неё был внимательный и совершенно не растерянный.

Уитмор попросил рассказать о вечере с того момента, когда гости собрались к столу.

— Не гости. Семья. Доктор пришёл посмотреть Гидеона, а Лайонел остался после дневной работы. Миссис Лэнг ужинает с нами по субботам. Думаю, брат считал это знаком особого расположения.

— Вы так не считали?

— Я не стала бы выбирать из всех благ именно дополнительный час его общества. Но это личное мнение.

За ужином, по её словам, говорили о ветре, ценах на уголь и повреждённой крыше восточного крыла. Затем сэр Гидеон объявил, что в девять хочет встретиться со всеми снова.

— Он объяснил зачем?

— Сказал: «Пора узнать, сколько стоит наша доброта». Для него это означало деньги. В каком именно смысле, он не уточнил.

— Кто его понял?

— Возможно, все. Каждый по-своему.

Она рассказала, что брат ушёл до пудинга. После него встала Беатрис, сославшись на неоконченную работу. Клара задержалась ненадолго. Мерсер выходил — Эстер не знала на сколько. Джулиан ходил за сигаретами.

— А вы?

— Я сидела здесь. В библиотеке. Дверь в столовую была открыта.

Уитмор посмотрел на вторую дверь. Из библиотеки действительно можно было видеть часть длинного обеденного стола и край камина, но не людей у окон.

— Вы кого-нибудь видели из этого кресла?

— Доктора. Он стоял у огня. Джулиана, когда тот вернулся.

— Кто-нибудь видел вас?

Эстер впервые задумалась.

— Не знаю. Я была здесь. До сегодняшнего вечера этого вполне хватало.

— Вы заходили к брату после ужина?

— Нет.

— У него могли быть причины опасаться кого-то из присутствующих?

— У него были причины опасаться последствий собственного поведения. Это не одно и то же.

Она сказала это без нажима. Уитмор спросил, кто занимался жилищным фондом помимо сэра Гидеона.

— Лайонел проверял бумаги. Беатрис сводила счета. Ада знала, кому действительно нужно помочь. Гидеон решал, кому помощь будет полезна.

— Вы намеренно различаете эти вещи?

— Да.

В холле пробили часы. Эстер невольно повернула голову.

— Полночь? Мне показалось, позже.

— Вы хорошо слышите часы отсюда?

— Когда двери открыты. При закрытых слышен только бой. Эти часы достались нам от бабушки, и Гидеон всегда говорил, что они переживут нас всех. Сегодня он оказался прав.

Уитмор отпустил её, попросив пока не беседовать с остальными о своих ответах. Она поднялась, но у двери остановилась.

— Если будете расспрашивать Клару, не делайте выводов из того, что она заплачет. И из того, что не заплачет, тоже.

— Постараюсь.

Эстер ушла, оставив на спинке кресла короткий белый волосок шерсти. Инспектор заметил его и не тронул.

Пока Рид ходил за Джулианом, Уитмор вышел в холл размять ноги. У лестницы стояли две дорожные сумки: кто-то ещё надеялся уехать сегодня. На одной висела перчатка, на другой лежала газета, сложенная картинкой наружу. На картинке люди смеялись вокруг громадной тыквы.

Инспектор задержался возле камина. Миссис Марч как раз собирала стаканы. Один был надколот у края; она провела пальцем, проверила скол и отложила отдельно.

— Это хозяин отобрал бы в кладовую, — сказала она, заметив взгляд. — На цветы. Выбрасывать не разрешал.

— А вы?

— Я выброшу. Кто-нибудь губу порежет.

Она говорила тихо, словно проверяла, можно ли уже произносить подобные решения вслух. Уитмор подвинул к ней последний стакан.

— Спасибо. Чай принести?

— Не откажусь.

Экономка позвала Люси, но тут же передумала и пошла сама. Девушка сидела за дверью буфетной, обхватив руками колени. При приближении инспектора встала так поспешно, что ударилась плечом о косяк.

— Сидите, — сказал он.

Люси осталась стоять.

Миссис Марч вернулась с чашкой и посмотрела на девушку.

— Я просила тебя подняться. Тебя позовут.

— Констебль велел ждать здесь.

Экономка поджала губы. Не хотела спорить с полицией при горничной, но Уитмор уже понял, к чему идёт дело.

— Сейчас можно лечь. Если понадобится, сержант позовёт.

— А вы уверены, что ему сказали?

Это спросила Марч. Инспектор посмотрел на неё, потом кивнул.

— Сам скажу.

Люси ушла, прихрамывая: затекла нога. Экономка проследила, как она добралась до лестницы.

— Она с шести на ногах. Сначала доктор сказал оставаться, потом констебль, потом вы. А утром завтрак всё равно потребуется. Гости могут не спать, у них потом есть время.

Последнюю фразу она произнесла осторожно. Уитмор уже хотел сказать, что понимает, но вовремя удержался. Пока не напомнили, он действительно считал бодрствующую прислугу частью работающего дома: свет зажжён, двери открываются, кто-нибудь приносит чистую бумагу.

— Кто кроме вас дежурит ночью?

— В обычную ночь — никто. Не дворец же.

Она поставила поднос на столик. У неё дрожала левая кисть, и блюдца звякнули.

— Допейте чай в кухне, миссис Марч. Дальше мы сами. Констебль останется у комнаты. Утром вас понадобится много, но сейчас — нет.

Экономка не поблагодарила. Только пересчитала взглядом пустые стаканы и спросила, куда положить ключ от боковой двери. Инспектор показал на стол Прайса. Сам отнёс туда ключ, пока она несла поднос.

Когда Рид вернулся с племянником, Уитмор уже сидел на прежнем месте. Чай пах железом, как бывает от давно кипевшей воды. Он всё-таки выпил половину.

Следующим вошёл Джулиан. Он двигался слишком оживлённо для позднего часа: поправил лампу, предложил инспектору сигарету, потом спросил, можно ли курить самому. Получив разрешение, зажёг спичку, не попав с первого раза по коробку.

— Вы, должно быть, уже поняли, что мой дядя был непростым человеком.

— Пока я понял, что он был убит.

— Да. Разумеется. Простите.

Он взял сигарету в другую руку.

— После ужина я выходил наверх. За портсигаром. Можете спросить Люси, она была у лестницы. Потом вернулся к доктору. Мы говорили о… Я не помню, о чём именно. О дороге, кажется. В Глостер.

— Во сколько вы вернулись?

— Около без четверти девять. Возможно, раньше. Я не смотрел.

— С дядей сегодня разговаривали наедине?

— Днём.

— После этого?

— Нет.

— О чём был разговор?

— О моих делах. Не думаю, что они имеют отношение…

Он осёкся и стряхнул пепел, хотя на сигарете его ещё почти не было.

— Извините. Вы сами решите, имеют ли. Он отказался дать мне денег. В очередной раз. Теперь это выглядит ужасно.

— Что именно?

— Что мне были нужны деньги.

— Насколько срочно они вам нужны были?

Джулиан стряхнул пепел на собственную манжету. Стал счищать, только испачкал сильнее.

— Я не знаю, оставил ли он мне что-нибудь. Это вы спросите у Мерсера. Дядя любил говорить, что я получу долги семейства, раз уж так успешно увеличиваю собственные.

— Сколько вы ему должны?

Джулиан назвал сумму. Уитмор записал без комментария.

— А другим людям?

— Больше. Я составлю список.

— Сделайте это. Почему вы заговорили о завещании раньше, чем я спросил?

Молодой человек затянулся и закашлялся.

— Потому что теперь все об этом подумают.

— Возможно. Но не все скажут вслух.

Когда он вышел, Рид прикрыл дверь.

— Люси говорит, он был на лестнице раньше. Ещё до ужина.

— Он мог быть там дважды.

— Мог. Только она сначала сказала, что не видела его вовсе, а потом вспомнила сразу оба раза.

— Запишите последовательность её ответов. Пока без вывода, зачем она их меняла.

Сержант сел напротив инспектора.

— Я попросил Прайса отвести мисс Эшкрофт в маленькую гостиную. Она замёрзла. Доктор с ней. Мне не хотелось разлучать их ради порядка.

— Правильно. А миссис Лэнг?

— В своём кабинете составляет список. Дверь открыта. Миссис Марч сидит у кухни. Я объяснил, что пока лучше никому не оставаться с бумагами одному.

— И что она сказала?

— Что я могу сесть к ней сам, если мне нравится запах лука.

Уитмор впервые за вечер улыбнулся.

— Сядете, если понадобится.

Мерсер принёс с собой папку. Было в этом что-то почти вызывающее: пока остальные пытались вспомнить, он словно собирался представить доказательства заранее. Однако папку он положил на пол и раскрыл руки на коленях.

— Полагаю, вам потребуется знать имущественное положение семьи.

— Потребуется. Сначала расскажите, как прошёл вечер.

Поверенный говорил ровно, без пауз для поиска слов. Приглашение к ужину получил днём; явился в шесть, работал с Гидеоном до половины восьмого. Обсуждали продажу двух дальних полей и обязательства фонда. За ужином ничего необычного не случилось.

— Объявление о девятичасовой встрече не было необычным?

— Сэр Гидеон привык устраивать маленькие церемонии вокруг своих решений. Не придавайте этому лишнего значения.

— Он хотел говорить о проверке счетов?

Мерсер перестал смотреть на инспектора.

— Возможно. Он собирался пригласить независимого бухгалтера.

— Собирался или пригласил?

— Я видел проект письма. Отправлено ли оно, не знаю.

— Почему проверка понадобилась именно сейчас?

— Перед сделками принято устанавливать состояние обязательств.

— А до этого состояние фонда вас устраивало?

Поверенный поднял глаза.

— Если вы спрашиваете, проводил ли я ревизию, нет. Я проверял документы, относящиеся к собственности. Текущие выплаты находились в ведении хозяина и его секретаря.

— Так было установлено письменно?

— Есть протоколы. Я их предоставлю.

— После ужина вы выходили из столовой?

— Ненадолго. Мне позвонили.

— Кто?

— Мой служащий. По поводу понедельничной встречи.

— По какому телефону вы говорили?

— В заднем коридоре, возле кабинета миссис Лэнг.

Уитмор записал и имя служащего. Мерсер следил за карандашом так внимательно, словно от написания зависела сила его слов.

— В картографическую комнату не заходили?

Пауза длилась меньше секунды.

— После ужина — нет.

— А до ужина?

— Работали там с Гидеоном. Я уже сказал.

Папка на полу оказалась описью земель с приложенными копиями. Инспектор не принял её как замену разговору, но поручил Риду просмотреть и зафиксировать содержимое. Когда поверенный поднялся, из внутреннего кармана его пиджака выглянул уголок сложенного письма. Мерсер заметил взгляд Уитмора и застегнул пиджак.

Уитмор едва удержался от просьбы показать карман. Письмо могло быть чьим угодно: жены, кредитора, клиента. Он отметил жест, не спуская глаз с поверенного. Тот уже снова взялся за свою папку.

Клара пришла без врача. Она уже переоделась: на ней были юбка и шерстяная кофта, застёгнутая не на ту петлю. На руке выше запястья темнел небольшой след земли, который она не заметила при умывании.

— Я могу рассказать сама. Не надо начинать с вопроса, держусь ли я.

— Хорошо.

Она села боком, чтобы видеть открытую дверь.

Отец ушёл от стола раньше остальных. Клара задержалась до кофе, затем поднялась в свою комнату. Без нескольких минут девять спустилась и направилась за ним.

— Постучала. Он не ответил. Я подумала, что делает это нарочно. Он иногда…

Она провела ладонью по колену.

— Потом я вошла. Спросила, идёт ли он. Мне показалось, что он сердится. Я подошла и взяла его за руку. Она была совсем неподвижная. Я не знаю, почему это так меня испугало. Он же сидел неподвижно и раньше.

— Вы сразу позвали доктора?

— Не помню. Я помню, что хотела повернуть кресло и не смогла. Потом доктор уже был рядом.

— Вы заметили на столе что-нибудь необычное?

— Книгу фонда. Утром он не хотел её открывать. Беатрис сказала, что переплёт расходится и страницы перепутаются. Он велел принести вечером.

— А что лежало рядом с книгой?

— Чашка. Папка. Лимон. Я не рассматривала.

— Вы были в парке после ужина?

Она повернулась к нему всем корпусом.

— Почему вы спрашиваете?

— У вас на руке земля. Возможно, ещё дневная.

Клара посмотрела на запястье и стёрла пятно большим пальцем.

— Я работаю в саду. Это бывает.

— Значит, не выходили?

— Не в парк.

Он оставил ответ без уточнения. Было уже далеко за полночь, и усталость могла сделать из неудачно поставленного вопроса ловушку, которой инспектор не желал.

— Вы знаете дом у нижней мельницы?

— Там нет дома.

— Сейчас?

— Там старое сушильное строение и навес. Может быть, вы говорите о верхней мельнице?

— Возможно. Завтра покажете на карте.

Клара поднялась.

— Вы думаете, его убил кто-то из нас?

— Я пока устанавливаю, кто мог к нему подойти.

— К нему мог подойти любой. В этом и была беда. Он не боялся людей, которые от него зависели.

Она произнесла это так тихо, что Рид, сидевший у двери, наклонился вперёд.

После Клары Уитмор сделал перерыв. Прайс принёс чай и сообщил, что фотограф приедет утром из окружного города. Ночью свободной машины там не нашлось. Инспектор распорядился сохранить комнату до съёмки и назначил смену констеблю: тот уже с трудом различал строчки собственной записи.

— Мне не обязательно спать, сэр.

— Обязательно. Но сначала покажите, как вы входили в дом.

Они прошли служебным коридором. Здесь пахло сырым деревом и горячим железом. У стены стояли два пустых угольных ведра; за ними был телефон на отдельной полочке. Напротив — наружная дверь с тяжёлой задвижкой. В конце коридора виднелся кабинет секретаря.

Беатрис поднялась им навстречу. На столе у неё лежал аккуратный список из семи пунктов. Внизу, под письменным столом, стоял деревянный ящик, обёрнутый плотной коричневой бумагой и дважды перевязанный бечёвкой. На крышке было выведено: «Книги. Переплётная мастерская Х. Берроуза».

— Здесь всё, кроме писем, которые ещё не были подписаны, — сказала она. — Их я перечислила отдельно.

— Кто закрывал ящик?

— Я. Миссис Марч помогла с узлами. У меня не хватает силы затянуть как следует.

— Когда?

— Незадолго до того, как закричала Клара. Минут за пять, может быть, за десять.

Уитмор попросил её не трогать ящик и указал Риду записать адрес, надписи и состояние упаковки. Сержант присел у стола, не касаясь бечёвки.

— А ключи от кабинета у кого?

— У меня. Второй комплект у миссис Марч, как от всех служебных помещений.

— Дверь сегодня запирали?

— Я работала. В этом не было надобности.

Рид зарисовал два перекрещенных узла и заметный надрыв бумаги у нижнего угла. Затем они с Прайсом вынесли ящик в маленькую кладовую, где не было ни окна, ни второго входа. Экономка освободила для него полку и отдала ключ констеблю. Уитмор поставил на закрытой двери бумажную полоску с подписями Рида и Прайса; условились, что каждый вход будет отмечен в журнале.

— Думаете, в отчётах есть что-то важное? — спросила Беатрис.

— Пока я думаю, что после смерти хозяина не следует отправлять из дома его бумаги.

— Он не разрешал никому задерживать деловую почту. Даже когда болел.

— Теперь разрешение придётся дать мне.

Она кивнула и протянула список. Рука у неё была сухая, на указательном пальце темнела полоска чернил.

Миссис Марч проводила полицейских до холла. Здесь уже почти всё погасили. За стеклом парадной двери виднелись тёмные колеблющиеся ветви.

— Я закрыла наружную дверь в половине десятого, после того как садовник впустил вашу машину и вернулся к себе, — сказала экономка. — До этого не знаю. Слишком много ходили.

— Машина прибыла позднее, — мягко поправил Рид. — После десяти.

Экономка остановилась.

— Значит, после десяти. Я уже не понимаю, сколько прошло времени.

Инспектор посмотрел на часы над лестницей. По его карманным было на минуту меньше.

— Миссис Марч, давайте утром ещё раз. Только не сверяйтесь до этого с остальными. А то я получу одну общую историю на весь дом.

— Красивой она всё равно не будет, — ответила экономка.

В гостиницу они вернулись около трёх. Рид вынул из кармана лист со списком имён и разложил на столе, прижав солонкой.

— Все выходили. Почти никто не смотрел на часы. Ни у кого нет хорошего алиби.

— Значит, мы ещё никого не исключили.

— Удобная ночь для убийцы.

Уитмор налил себе холодной воды из графина.

— Возможно, он тоже так думал.

Сержант подвинул к нему чистый лист.

— А эта Вейл? Я не стал спрашивать при остальных.

Уитмор некоторое время смотрел на бумагу. Потом написал дату: шестнадцатое ноября тысяча девятьсот двадцать четвёртого года.

— С этого начнём утром. Но не позволим старому делу ответить нам вместо нового.

Глава 3. Светлая фигура

Утром в Эшкрофте пахло кофе и мокрой шерстью. Над камином в холле сушились перчатки констебля, приехавшего сменить Прайса; их пальцы загнулись кверху, словно владельцу продолжали сниться вопросы.

Рид пришёл раньше инспектора. Он нашёл миссис Марч у кухонного стола. Экономка резала хлеб, отставляя в сторону неровные ломти для себя.

— Люси сейчас спустится, — сказала она. — Я велела не начинать уборку наверху, раз вы всё равно будете её расспрашивать.

— Вы спали?

— Часа два. Если вам нужен честный ответ, я заснула на молитве и, кажется, так её и не закончила.

Она подвинула к нему чашку.

— Сахар там. Только, пожалуйста, сами. У меня нож в руке.

Рид сел. Его давно научили, что человек охотнее замечает следы собственной памяти, если не чувствует необходимости немедленно её защищать.

На стене над плитой висели часы с потрескавшимся циферблатом. Он сверил их с карманными. Расхождение составляло две минуты.

— Они всегда спешат?

— На две минуты. Я оставляю так, иначе завтрак подадут вовремя по часам, а по жизни поздно.

— Вчера тоже спешили?

— Вчера утром я их проверяла.

— С чем?

— С часами в холле. Но если вы хотите спросить, посмотрела ли я на них, когда миссис Лэнг вернулась с подносом, то да. Было семнадцать минут девятого… Нет. Боже мой.

Она положила нож.

— Давайте не торопиться, — сказал Рид. — Восьмой час или девятый?

— Четверть до девяти. Вот. Стрелка была здесь.

Экономка показала рукой в сторону циферблата, не подходя к нему.

— Я поставила форму в печь в половине. Решила вынуть через четверть часа. Когда она принесла поднос, посмотрела, не пора ли.

Сержант записал не только время, но и форму. Можно было ошибиться в цифре, названной после бессонной ночи, и всё же правильно помнить бытовое действие.

— Кто ещё был на кухне?

— Кухарка ушла, как закончила с ужином. Люси подавала кофе. Миссис Лэнг вернулась, поставила поднос, спросила, не возьму ли я у неё бечёвку. Потом мы завязывали ящик. Я ещё сказала: хорошо, что Берроуз не берёт дороже за вес.

— Ящик показался вам тяжёлым?

— Там книги, сержант. Они не бывают лёгкими.

— Вы видели, что в него положили?

— Верхний ряд. Отчёты с истёртыми корешками. Я принесла бумагу и помогла перевязать, а укладывала она до меня. Что именно вы хотите узнать?

— Пока — что вы видели сами.

Миссис Марч кивнула. Ей, по-видимому, понравилась скромность вопроса.

Люси вошла через несколько минут. У неё были красные веки и распухшие пальцы; свежий передник она надела поверх вчерашнего платья. Увидев Рида за кухонным столом, она резко остановилась.

— Я могу подождать, пока вы позавтракаете, — сказал он.

— Я не хочу.

— Тогда хотя бы сядьте.

Экономка отодвинула хлебную доску и ушла в кладовую. Дверь оставила приоткрытой. Рид не стал требовать большего уединения.

— Вчера ночью вы сказали, что после чая видели мисс Эстер у картографической комнаты.

— Да.

— Покажете, откуда?

Люси встала с очевидным облегчением. Слова давались ей тяжелее, чем работа, и возможность просто куда-то пройти была почти подарком.

Они вышли в задний коридор. Горничная остановилась возле двери бельевой.

— Я несла скатерть. С чистой стороны была дырка, миссис Марч велела сменить перед кофе. Дверь была открыта. Я увидела, как она идёт оттуда.

— От какой двери?

— От комнаты с картами. Там, дальше.

Из бельевой был виден короткий участок коридора и служебный вход в картографическую комнату. Между ними висела лампа с матовым стеклом. Рид присел, затем выпрямился и отошёл в сторону.

— Если человек идёт от той двери к кабинету, вы видите его лицо?

Люси посмотрела на него настороженно.

— Если он обернётся.

— А она обернулась?

— Нет.

— Почему вы решили, что это мисс Эстер?

— Из-за шали. Светлая. И она бывает там, когда пишет свою книгу.

— Вы видели шаль или светлую одежду на спине?

Горничная опустила взгляд.

— Мне показалось, шаль.

Сержант не повторил вопрос. Через несколько секунд она добавила:

— Что-то было сложено перед ней. Она держала обеими руками. Я подумала, бумаги.

— Походку узнали?

— Нет. Я не смотрела на ноги.

— Рост?

Люси беспомощно посмотрела на лампу.

— Как у всех.

В это время из холла подошёл Уитмор. Сержант коротко объяснил, что удалось установить, не называя человека в коридоре Эстер.

— Кто из обитателей дома носит светлое поверх платья? — спросил инспектор.

— Мисс Эстер. Мисс Клара иногда, если холодно. У миссис Лэнг есть пыльник для книг.

— Какой?

— Холщовый. Рукава длинные. Она его надевает, когда вынимает старые бумаги.

— А у вас?

Люси удивилась.

— Передник. Но он завязан сзади. Вы бы увидели.

Инспектор попросил показать пыльник. Девушка направилась к кабинету секретаря, но, не дойдя, остановилась.

— Без неё нельзя.

— Разумеется. Мы спросим.

Беатрис нашлась в столовой. Перед ней лежал нетронутый тост. Она ответила, что пыльник должен висеть на крючке за дверью кабинета.

Крючок оказался пустым.

— Его взяли стирать, должно быть, — сказала она.

Люси помотала головой. Беатрис посмотрела на неё без раздражения, но девушка попятилась.

— Вчера не стирали, мэм.

— Значит, я сама положила его. Он мог остаться в архивном шкафу.

Секретарь открыла шкаф. Между свёрнутыми планами лежала какая-то ткань, однако это оказалась наволочка, в которую завернули старые рамки. Беатрис перевернула ещё одну пачку и закрыла дверцу.

— Найду — сразу сообщу. Не уверена, что вообще надевала его в последние дни.

— Мы попросим пока не искать в одиночку, — сказал Уитмор. — Чтобы потом не возникло сомнений, где находились вещи.

Она согласилась.

Вернувшись в коридор, инспектор попросил Люси показать, как она шла со скатертью. Горничная взяла из бельевой сложенное полотно, и оба полицейских увидели, что на этом участке почти неизбежно приходится поворачивать плечо: мешает выступающий шкаф с посудой.

— Можете вспомнить, человек повернулся здесь? — спросил Рид.

— Я уже не знаю.

— Тогда так и запишем.

Она сжала скатерть.

— Но я сказала констеблю про мисс Эстер. Теперь он подумает, что я вру.

— Скажите ему, что уточнили, — ответил Уитмор. — Так, как нам сейчас сказали. Он поймёт.

Люси попробовала улыбнуться. Не вышло. Она сложила скатерть ещё раз, хотя та и без того лежала ровно.

— Во сколько это было? — спросил сержант.

— После чая. До того, как миссис Лэнг принесла поднос. Я успела отнести скатерть, забрать кофейник и зайти к кухарке. Ей уже было плохо.

Так появлялась последовательность без точных минут. Рид отметил три действия. Их ещё можно было проверить у других людей.

— Теперь про мистера Джулиана, — сказал он.

Девушка прижала скатерть к груди.

— Что про него?

— Вчера вы сначала не вспомнили, что встречали его на лестнице. Потом вспомнили. Утром, после сна, бывает легче.

— Я не спала.

— Тогда после завтрака.

Она почти улыбнулась, но тотчас опустила голову.

— Я видела его до ужина. И потом тоже. Он шёл наверх, как и сказал.

— До ужина он откуда шёл?

— Из холла.

— Вы видели, откуда он вошёл в холл?

— Нет.

Она произнесла это слишком быстро. Уитмор оставил вопрос и попросил пока вернуться к миссис Марч. Не следовало проверять одну ненадёжную память давлением, которое неизбежно сделает ненадёжными и следующие ответы.

Фотограф приехал около десяти. Вместе с ним прибыл врач, которому предстояло произвести дальнейшее исследование. Уитмор проследил, чтобы до перемещения тела были сняты кресло, стол, полка с атласами и пол у стола. Зелёный треугольник уже находился в пакете; место, где его нашли, отметили на плане.

При дневном свете незапертое окно выглядело менее таинственно. Сквозь стекло были видны низкая клумба, дорожка и ровная полоса почвы у стены. На мокрой земле не сохранилось никаких ясных отпечатков, но куст под подоконником не был сломан, а на внутреннем краю всё ещё лежала пыль.

Рид принёс деревянную линейку и измерил высоту подоконника со двора. Затем попросил Прайса, оставшегося внутри, указать, где снаружи оказалась его голова. Они повторили это дважды, с разных мест дорожки.

— Войти можно, — сказал сержант, вернувшись. — Только неудобно. Нужна опора. Следы могли смыться, но пыль с внутреннего края дождь не смыл бы.

— Значит, пока вход через окно не подтверждён.

— И не исключён совершенно.

Уитмор кивнул.

В холле их ожидала Эстер. Она держала свою шаль сложенной вчетверо.

— Люси сказала, что по моей одежде меня уже поместили в коридор.

— И сама уточнила, что лица не видела.

— Разумная девочка. Вот шаль. Полагаю, теперь её необходимо исследовать.

— Если вы готовы временно её оставить, мы зафиксируем состояние.

— «Готова» — не совсем то слово. Но оставлю.

Сухой тон не скрывал обиды. Инспектор подумал, что человеку иногда легче перенести прямое обвинение, чем узнать, насколько малых оснований достаточно окружающим, чтобы представить его способным на преступление.

Эстер осталась, пока Рид оформлял передачу. Взгляд её остановился на расходной книге, которую после съёмки положили на отдельный стол в холле. Лампа над столом была зажжена, хотя за окнами стоял день.

— Вы нашли то, из-за чего он нас собирал?

— Возможно. Вы знаете, кто такая Элеонора Вейл?

Ответ пришёл не сразу. Эстер расправила пустые ладони, словно всё ещё держала шаль.

— Девушка, которая работала с нашими бумагами. В двадцать четвёртом.

— Что случилось с ней потом?

— Исчезла. Вы должны помнить лучше меня.

Инспектор поднял глаза.

— Вы меня помните?

— Помню молодого человека, который три раза приходил за сведениями и всякий раз начинал извиняться, прежде чем задавал вопрос. Вы перестали извиняться. Это полезное изменение.

— А вы тогда что-нибудь не сообщили?

Она посмотрела в сторону лестницы.

— Почти каждый что-нибудь не сообщает полиции. Даже если у него нет к ней претензий.

— Сейчас хороший случай исправить.

— Сейчас у меня умер брат.

— Да. Поэтому я и спрашиваю сейчас.

Эстер приблизилась к столу, но не прикоснулась к книге.

— Гидеон говорил, она уехала. Я не знала, на чём основана его уверенность. Мне было удобнее считать, что у него есть основания.

— Он упоминал её позднее? Например, в тридцатом году?

— При мне — нет.

— Вы узнаете адрес «коттедж у нижней мельницы»?

Её лицо переменилось. Не сильно: губы остались сомкнутыми, подбородок не дрогнул. Только глаза остановились на странице.

— Нижнюю мельницу разобрали ещё при отце. Рабочее здание, я имею в виду. Там оставался сарай. Дом мельника стоял выше по склону, и его снесли после войны. Насколько я помню, в двадцатом.

— Это можно проверить?

— В наших планах. Там всё есть, если никто не решил, что старые бумаги занимают слишком много места.

Она показала на дверь картографической комнаты.

Рид открыл записную книжку на новом листе.

— Нам потребуется план до сноса и после. Кто их достанет?

— Я могу, — сказала Эстер. — При вас, разумеется.

Уитмор услышал в последних словах вызов и принял его без ответа.

В картографической комнате уже было пусто. Кресло отодвинули; на столе остались белые прямоугольники бумаги, отмечавшие положение предметов. Эстер замерла у порога. Смерть брата, пока тот находился в доме, казалась ей, вероятно, особой формой его присутствия. Теперь исчезло и это.

Она всё же прошла к широким ящикам под картами и вынула два тубуса. Рид расстелил первый план на свободном конце стола. Эстер показала мельничный ручей, сушильню, старую плотину и маленький квадрат с подписью «дом».

На втором плане квадрат был перечёркнут. Внизу стояла дата: июнь 1921 года. Рядом карандашом: «Остатки фундаментов убрать».

— Вы ошиблись на год, — сказал Рид.

— Да, — ответила Эстер. — Спасибо, что нашли.

Инспектор сопоставил положение дороги и ручья с записью в книге. Само по себе это ещё ничего не доказывало. В расходах могло сохраниться старое название; деньги могли идти жильцу, переселённому в другое место. Счётные книги переживали здания и людей. Но теперь имелся вопрос, на который нельзя было ответить семейной памятью.

— Поедем туда, — сказал он.

На выходе Рид задержался у шкафчика в коридоре. На верхней полке лежала забытая Люси скатерть, рядом — несколько карточек с фамилиями гостей, которые полагалось поставить к ужину. Они так и не понадобились: вечер оказался слишком семейным для рассадки по карточкам.

Сержант взял одну, упавшую на пол. На обороте стояло несколько слов, написанных крупно и неровно: «За брата ещё раз спасибо. Л. П.» На лицевой стороне было имя Джулиана.

Рид не показал карточку инспектору сразу. Позвал Прайса, отметил место находки и вложил её в бумажный пакет.

Люси могла обманывать ради человека, который сделал ей добро. Это ещё не объясняло, что она скрывала, зато позволяло не принимать её страх за свидетельство чьей-то жестокости.

Уитмор ждал у двери. Увидев пакет, он вопросительно поднял брови.

— Ещё одна причина не торопиться, — сказал Рид.

Инспектор кивнул, и они вышли к машине.

Глава 4. Домики фонда

Дорога к мельнице оказалась лучше, чем предполагал Рид. На плане она была обозначена тонкой пунктирной линией, но недавно по ней проезжали с грузом: у поворота лежал свежий щебень, а под вязами сохранялись глубокие колеи.

— Кто-то сюда всё-таки ездит, — заметил сержант.

Уитмор попросил остановиться до спуска. Они пошли пешком, обходя лужи. Внизу между голыми ивами серебрилась вода. От мельницы остался прямоугольный каменный выступ, а к старой сушильне примыкал навес с провалившимся краем крыши.

Там, где на плане прежде стоял дом, росла высокая трава. Сквозь неё выступал ряд кирпичей. Ни дымохода, ни целой стены не сохранилось.

Рид развернул копию записи, которую сделал утром.

— «Содержание. Октябрь 1930». Может быть, деньги на содержание участка?

— Тогда зачем фамилия жильца?

— Потому что не исправили старую форму. Или потому что это получатель.

— Обе возможности пока остаются.

Они обошли сушильню. На двери висел новый замок; доски возле петель были укреплены светлыми планками. Рядом стояли связки кольев и несколько мотков проволоки. Кто-то хранил здесь садовый инвентарь. Уитмор не стал прикасаться к замку. Они приехали проверять адрес, а не превращать любой запертый сарай в тайник.

По тропе сверху спускалась женщина в тяжёлых башмаках, с маленькой девочкой за руку. Увидев полицейских, женщина остановилась.

— Вы из-за хозяина?

— Инспектор Уитмор. А вы?

— Нора Дейл. Живу выше, где домики фонда. Она моя внучка.

Девочка спряталась за юбку и продолжила смотреть на Рида одним глазом.

— Миссис Дейл, здесь кто-нибудь жил в последнее время?

— Если вы имеете в виду бродяг, не видела. Садовник хранит инструменты. Иногда мальчишки ловят рыбу, но я им говорю, что тут глубокий ил.

— А в доме, который прежде стоял на склоне?

— В доме Мортона? Его давно снесли. Миссис Мортон переселили к нам. Третий дом от колодца.

— Она ещё там?

— А куда ей деться? Дочь живёт в двух комнатах со своими детьми.

Уитмор спросил, не знала ли миссис Дейл женщину по имени Вейл. Та переспросила фамилию, произнесла её по слогам и покачала головой.

— Я бы лучше у миссис Мортон спросила. Она всё помнит. Только не говорите, что я вас послала, а то решит, будто мне нечего делать, кроме как распоряжаться её утром.

Она повела внучку к воде. Рид задержался на тропинке и посмотрел вслед.

— Если у нас хватит времени, я бы вернулся к этим колеям.

— Вернёмся. Сначала выясним, почему человек получает деньги на жизнь в доме, которого нет.

Домики стояли полукругом вокруг колодца. Одинаковые двери были выкрашены в тёмно-зелёный цвет, но каждая семья успела сделать общий замысел неповторимым: у одной висела клетка для птицы, у другой стояли пустые банки из-под варенья с луковицами, у третьей крыльцо защищала от дождя старая театральная афиша, прибитая оборотом наружу.

В воскресной тишине слышались стук топора и кашель за стеной. Из дальнего окна тянуло запахом капусты.

Миссис Мортон открыла не сразу. Она была в чёрном платье, слишком большом в талии, и в шерстяных чулках, сползших складками к туфлям. На пальце носила два кольца: одно свободно вращалось, другое держало его на месте.

— Если вы пришли сообщить, я уже знаю, — сказала она. — Нора постучала по дороге.

— Мы пришли спросить о старом доме возле мельницы.

Женщина с минуту смотрела на инспектора, затем отступила.

— Проходите. Только стул у окна не берите, он шатается.

В комнате стоял маленький стол, накрытый чистой салфеткой. На каминной полке теснились фотографии, между ними — фарфоровая собака с отбитым ухом. Уитмор положил шляпу на колени. Рид сел на край сундука.

Миссис Мортон рассказала, что её муж работал у мельницы, а после его смерти она оставалась в старом доме одна. Потом фундамент пошёл трещинами. Сначала обещали починить, затем предложили переселиться в один из домиков фонда.

— Предложили, — повторила она. — Как предлагают человеку сухое место, когда уже сняли с его крыши половину черепицы.

— Вы не хотели уезжать?

— Я прожила там тридцать лет. Это не значит, что там было хорошо. Просто там все вещи стояли на своих местах.

— Кто занимался переселением?

— Старый управляющий. Сэр Гидеон подписывал. Мистер Мерсер объяснял, что мне очень повезло.

Она аккуратно сложила руки.

— Потом мне перестали давать уголь. Сказали, новый дом меньше, топлива надо меньше. Дочь написала, чтобы я не спорила: иначе и этот отнимут. Я не спорила.

— Вам положены какие-нибудь выплаты от фонда?

— Немного зимой. Были положены.

— Почему «были»?

— Последние два года я ничего не получала. Миссис Лэнг сказала, что деньги идут на починку крыш. На крыши я ничего не имею, только моя как текла, так и течёт.

Рид спросил, не сохранились ли старые расписки. Миссис Мортон посмотрела на него с недоверием.

— Неужели вы хотите, чтобы я вернула?

— Нет. Нам нужно понять, как записывали выдачу.

Она встала, отодвинула сахарницу и достала с полки жестяную коробку. Внутри лежали письма, квитанции за уголь и несколько выцветших карточек. На одной были напечатаны фамилия, номер дома и графы для выдачи. На другой вместо фамилии стояло «Жилец № 3».

— Вначале мне давали карточку. Потом стали говорить: распишитесь в книге. Я плохо вижу, потому просила поставить мне палец, где писать. Дочь ругалась. Сказала, что так я могу подписать что угодно.

Уитмор просмотрел карточки. Разные годы, разные формы. Выдача значилась то помощью, то возвратом переплаты, то «прочим содержанием». По такому набору нельзя было понять, имелась ли единая система, которой нарушитель мог воспользоваться, или беспорядок и был системой.

— Кто приносил книгу?

— Когда миссис Лэнг, когда конторский мальчик. Иногда миссис Марч приносила деньги без книги и потом сама разбиралась с бумагами.

— Вы уверены, что это были деньги фонда?

Миссис Мортон задумалась.

— Нет. Ада однажды сказала, что от церкви. Может быть, и от церкви.

Инспектор попросил разрешения переписать карточки и временно забрать две из них под расписку. Женщина согласилась не сразу; Рид объяснил, когда и через кого их вернут.

— А если их увидит хозяин? — спросила она и сама услышала невозможность вопроса.

Никто не ответил. За стеной снова закашляли.

— Всё думаю, что он пришлёт за мной, — сказала миссис Мортон. — Что теперь будет с домиками?

— Мы пока этого не знаем.

— Вы хотя бы скажите тем, кто будет решать, что здесь люди живут.

— Скажем.

Уитмор произнёс это без служебной осторожности. Пообещать исход он не мог. Передать фразу мог и собирался.

Миссис Мортон поставила коробку на колени и погладила крышку. Полицейские уже собирались продолжить, когда она спросила:

— Чаю будете? Только у меня молоко кислое. Я утром не попробовала, а оно уже того.

Рид начал отказываться, но Уитмор согласился. Женщина заметно оживилась. Отодвинула стол, достала чашки с разными ручками. На одной росла бледная роза, другая была совсем белая и толще у края.

— Эта мужнина. Берите её, молодой человек, у неё ручка крепче.

Сержант принял чашку. Вдова долго не могла поднять маленькую жестяную банку; крышка заела. Рид молча протянул руку, открыл и вернул. Она благодарно кивнула, как человеку, который помог и не сделал из помощи события.

— Сэр Гидеон вашего мужа знал? — спросил Уитмор.

— Ещё бы. Тот у него лошадь однажды вывел из сарая, когда крыша загорелась. Все потом говорили — рисковал. А муж сказал, что не подумал. Услышал, как она бьётся, и пошёл. Он такой был. С людьми подумает, а с животным — ни секунды.

Она поставила чайник на салфетку.

— Хозяин ему тогда пальто подарил. Хорошее. Я рукава потом три раза перешивала, сносу не было. Вы не думайте, будто он всегда…

Она не закончила. Уитмор ждал, держа чашку на блюдце, чтобы не занимать руки женщины ещё и поиском свободного места.

— Потом, когда мужа не стало, я всё ждала, что он придёт. Просто скажет что-нибудь. Управляющий пришёл. Мерсер пришёл. А сам ни разу. Может, не помнил уже, за что пальто подарил.

В углу стояла обувная щётка, над ней висел рожок на коротком шнурке. Уитмор посмотрел на них, затем на фотографии. Вещи мужа всё ещё занимали места, где ими было удобно пользоваться. Он вдруг понял, почему женщина так точно помнила расположение вещей в снесённом доме.

— Многое перевезли сюда?

— Что влезло. Шкаф пришлось продать. Он бы сюда не прошёл, да и потолок ниже. Я покупателю объясняла, что нижний ящик заедает только от сырости. Ему было всё равно. Сказал: дерево хорошее.

Она отпила чаю и поправила кольца на пальце.

— Выходит, я вам жалуюсь. Не хотела. Он умер, теперь все рассказывать начнут. Даже кто ничего дурного от него не видел.

— Вы рассказали о своём доме.

Вдова посмотрела на инспектора и успокоилась. За окном прошла Нора Дейл с внучкой, но не постучала. Девочка задержалась у стекла, высунула язык собственному отражению и побежала догонять бабушку. Миссис Мортон улыбнулась ей вслед.

Уитмор поставил недопитую чашку. Женщина тотчас заметила.

— Крепко?

— Нет. Просто остыл.

— Сейчас горячего подолью.

Он не стал возражать. Рид, поймав его взгляд, тоже остался сидеть.

Когда разговор вернулся к Элеоноре, миссис Мортон полезла в коробку снова.

— Девушку из большого дома я помню. Она приходила спрашивать, как звали моего свёкра. Всё записывала. Я подумала, что опять проверяют, не слишком ли долго мне помогают.

— Когда это было?

— В том году, когда у Норы умерла мать. А год я не скажу. Давно.

— Она называла себя?

— Называла, но я не удержала. Вы сказали Вейл — может быть, так. Тёмные волосы, шляпка с узкой лентой. Дождь был. Она оставила перчатку и вернулась за ней.

Инспектор почувствовал, как легко из этих деталей можно было получить желаемый ответ. Он видел перед собой не Элеонору, а женщину, пытавшуюся угодить двоим незнакомцам и одновременно защититься от последствий своего усердия.

— Вы можете ошибаться в имени, — сказал он. — Это нормально. Что она спрашивала, кроме имени вашего свёкра?

— Где он раньше жил. И правда ли, что его брат получил дом от фонда. Я сказала: не брат, сестра. Мужчины у нас все жили по чужим углам, а дом достался тётке. Девушка смеялась, только не над нами. Говорила, что бумаги опять всё перепутали.

— Она показывала какие-нибудь бумаги?

— План. Старый. С пятном у края. Такой длинный, что пришлось убрать с пола коврик.

Уитмор записал слова о пятне на плане. Ему хотелось спросить, как девушка держала перчатку, какого цвета была лента, улыбалась ли, входя. Он почти видел Элеонору на этом стуле и оттого перестал доверять собственному воображению. Следующий вопрос задал Рид.

На улице Рид остановился у колодца.

— От одного адреса мы получили три разных дела. Снос дома, прекращение помощи, девушка с планом. И ни одно пока не убийство.

— Но все три могли привести к вечернему разговору.

— Хотите опросить остальных?

— Да. Без фамилии Вейл в первом вопросе. Спросите о выплатах за последние три года. И кто у них брал подписи.

Они разделились. Уитмор пошёл к дому с банками на крыльце. Там жили супруги Уэбб: он — бывший кучер, она — прачка, всё ещё принимавшая небольшие заказы. Они показали карточку, в которой сумма зимней помощи была аккуратно зачёркнута и вписана меньшая.

— Вы получили меньше?

— Получили, сколько дали, — сказал Уэбб. — А сколько должны были, нам откуда знать?

— Вам объяснили исправление?

— Сказали, таково решение попечителей.

— Кто сказал?

Супруги назвали Мерсера. В следующий раз об изменении сообщала Беатрис. Ещё позднее письмо пришло за подписью самого Гидеона. Система располагала большим количеством голосов и ни одним лицом, у которого можно было спросить почему.

Уитмор переписал даты. У одного жильца карточки не было вовсе; у другого она сохранилась за пять лет. Кто-то получал деньги аккуратно, кто-то считал, что фонд давно перестал существовать. Во всех домах людей больше тревожило будущее, чем убийство. Смерть хозяина не приносила свободы, если наутро ещё требовалось знать, кто починит печь.

Рид ждал инспектора у машины. На колене у него лежал конверт с расписками.

— Есть кое-что, — сказал он. — Только прежде объясните мне про двадцать четвёртый год. Иначе я опять буду задавать вопросы с середины.

Они сели в машину, но двигатель сержант не завёл.

Уитмор рассказал, как Элеонора работала в поместье, как однажды вечером ушла, взяв небольшую дорожную сумку, и как никто не смог уверенно сообщить, была ли эта сумка у неё в руках именно в день исчезновения. Люди повторяли увиденное в разные дни, складывая из этого один удобный отъезд.

— А вы?

— Я записывал.

— Вы руководили поиском?

— Нет. Но одну из сводок составил я. Там было сказано, что она, вероятно, покинула город добровольно. Позднее это стали пересказывать без «вероятно». Я не поправлял.

Рид некоторое время молчал.

— Почему?

— Потому что это уже не помогало делу. Так я себе объяснял.

— Вы считаете, что она мертва?

— Я считаю, что восемь лет этого не знаю.

Сержант посмотрел сквозь ветровое стекло на мокрую стену дома.

— Тогда новая запись — не хорошая новость и не плохая. Сначала просто запись.

— Да.

— Вот моя просто запись.

Он вынул из конверта листок, положил на чистый платок и показал строку. Это был корешок квитанции за доставку угля миссис Дейл. На обороте кто-то использовал свободное место для расписки в получении денег. Стояли дата и короткая подпись: «Э. В.»

— Кто подписывал?

— Миссис Дейл не знает. Ей дали этот корешок по ошибке вместе с её бумагами. Она оставила, потому что на лицевой стороне был уголь. Считала, если будут спорить, сколько привезли, пригодится.

— Когда дали?

— В тридцатом. Но тут тоже важно: она помнит, что год был тридцатый, потому что приехала внучка. Самой передачи не помнит. Это можно будет проверить по накладной перевозчика.

— И что значат инициалы?

— Пока неизвестно. В доме могли быть десятки людей с такими инициалами. На расписке не написано «Элеонора».

Уитмор посмотрел на дату. Она соответствовала тому же месяцу, который был обведён в книге Гидеона.

— Сохраним обе стороны, — сказал он.

Рид аккуратно убрал листок.

Когда они возвращались, у ворот поместья стоял Уильям Норр. Рядом с ним — Клара, без шляпы и пальто, в той же шерстяной кофте. Она говорила быстро, держась за его рукав. Садовник, увидев машину, отступил, но Клара не отпустила руку.

Сержант замедлил ход. Они проехали достаточно близко, чтобы Уитмор услышал окончание фразы:

— …потому что теперь это всё равно расскажут за нас.

Клара посмотрела прямо в машину. В её лице уже не было ночной растерянности.

Она подняла руку, останавливая их.

Глава 5. Чужая дверь

Клара не стала ждать, пока они выйдут из машины.

— Уильям хочет уехать. Я попросила его сначала поговорить с вами.

— Почему вы хотите уехать, мистер Норр?

Садовник снял кепку. Без неё он выглядел моложе, чем у ворот ночью: коротко остриженные волосы ещё не высохли после утренней работы, у виска оставался светлый след от старого шрама.

— На время, — сказал он. — В деревню. К матери.

— Он собирался уйти отсюда совсем, — поправила Клара. — До вчерашнего вечера. Не надо опять менять слова из-за того, что произошло.

Норр поглядел на неё, и Уитмор понял, что спор начался задолго до появления машины.

— Пройдём в дом, — предложил он. — Здесь холодно.

— Там нас будут слушать.

— Тогда в оранжерею. Мистер Норр, покажете дорогу?

Клара отпустила рукав садовника. На ткани остался тёмный след её ладони.

Оранжерея стояла за восточным двором. Несколько стёкол в верхнем ряду были заменены фанерой; на рамах лежала белая замазка, местами ещё мягкая. Внутри держалось влажное тепло. Уитмор снял шляпу и поставил её на пустой цветочный горшок, предварительно перевернув горшок вверх дном.

Норр заметил это, подошёл и молча подложил под шляпу чистый лист обёрточной бумаги.

— Благодарю. Теперь расскажите, что вам нужно было сообщить.

Садовник посмотрел на Клару.

— Мы собирались пожениться.

— Собираемся, — сказала она.

— Сэр Гидеон знал?

— Со вчерашнего утра.

Рид присел на край свободной скамьи. Из дальней части оранжереи доносился редкий стук: вода капала с протекавшего соединения в подставленное ведро.

— Он вас уволил?

— Велел уйти до конца месяца. И сказал, что проследит, чтобы я не нашёл работу в соседних имениях.

— Вы это слышали сами?

— Я была там, — ответила Клара. — Отец говорил при мне. Вероятно, чтобы Уильям сразу понял, какой от меня толк.

— Как вы ответили?

— Сказал, что он вправе меня выгнать. Но не вправе говорить с ней так, как говорил.

Садовник выпрямился. Теперь в его голосе впервые появилась резкость.

— Я не собираюсь утверждать, что стоял почтительно и благодарил за службу. Я разозлился. Даже слишком. Он сказал, что Клара пожалеет через месяц. Я ответил, что он сам пожалеет гораздо раньше.

— Об угрозе кто-нибудь ещё знал?

— Дверь была открыта. Миссис Лэнг сидела у себя. Не знаю, слышала ли.

— Что вы имели в виду, когда говорили «пожалеет»?

— Что мы уйдём оба. Что ему придётся нанять кого-то смотреть за растениями, в которых он ничего не понимал, и есть за этим столом без Клары. Не знаю, на какую часть я больше надеялся.

Инспектор записал ответ.

— Мисс Эшкрофт, вчера ночью вы сказали, что после ужина поднялись в свою комнату.

— Поднялась. А потом спустилась и вышла сюда. Мы договаривались встретиться.

— Когда?

— Он ушёл от стола, Беатрис тоже. Я подождала немного, чтобы никто не пошёл за мной.

— Часы видели?

— Не помню. Не стану придумывать.

Норр сказал, что ждал возле наружной двери заднего коридора. Клара вышла, и они пошли в оранжерею. Он хотел уйти из Эшкрофта немедленно. Она настаивала, чтобы сначала они узнали, что отец объявит в девять.

— Я думала, это касается меня. Другого способа заставить его говорить прямо у меня не было.

— Долго вы оставались здесь?

— До четверти девятого, примерно.

— Откуда знаете?

— У меня часы, — сказал Норр.

Он достал из жилета серебристый корпус на коротком шнурке. На крышке была неглубокая вмятина.

— Я посмотрел, потому что Клара собиралась успеть вернуться к девяти. Было без двадцати, когда мы ещё спорили. Потом она пошла. Сколько прошло между этим, не скажу.

Уитмор попросил сверить часы. Они отставали от его на четыре минуты. Норр посмотрел с досадой.

— Я обычно проверяю в воскресенье.

— Сегодня воскресенье.

— Знаю. Утром забыл.

Рид записал показание и расхождение отдельно. Нельзя было просто прибавить четыре минуты ко всему, что человек помнил о вчерашнем вечере, и назвать полученную цифру временем события.

— Вы шли обратно вместе?

— До двери. Дальше я сюда вернулся. Надо было закрыть заслонку. Ветер повернул, с дымоходом зимой всегда трудно.

— Кто-нибудь вас видел?

— Не думаю.

— И что потом?

— Пошёл к себе. Ел. Разбирал инструменты. Клара пришла уже поздно и сказала, что нужно открыть ворота для полиции. Тогда я и узнал.

Клара сложила руки на груди.

— Я не пошла к нему раньше. Подумала, если люди узнают о нас сегодня, решат, что всё объясняется этим. Люди любят, когда можно сразу решить.

— Поэтому вы вчера не рассказали о встрече?

— Поэтому. И потому что я ещё не могла произнести при постороннем, что отец умер, а я за полчаса до этого думала, как от него уйти.

Она отвернулась к ряду кадок. Рид посмотрел на Уитмора, но инспектор не сделал никакого знака.

Уитмор посмотрел на мокрые плиты. Прежде он, вероятно, сказал бы девушке, что ей не в чем себя винить. Теперь не знал даже, в котором часу она была здесь. Он дал ей отвернуться, вытащил книжку и подождал.

— Нам нужно пройти вашим маршрутом, — сказал он. — Сначала с вами, потом по отдельности уточним детали. Вы сможете?

Клара кивнула.

Они вышли во двор. Между оранжереей и домом тянулась дорожка из неровных плит. От неё отходила тропа к сушильне. Норр показал, где стоял, ожидая Клару, и Уитмор увидел из этого места оба окна картографической комнаты.

— Вы заглядывали туда?

— Нет.

— Почему?

Норр удивился простоте вопроса.

— Потому что мы прятались от хозяина. Было бы глупо крутиться у него под окном.

Ответ прозвучал убедительно, но инспектор записал его наравне с остальными.

У окна Рид остановил садовника.

— Нижний запор вчера был открыт. Вы знаете почему?

— Я менял крепление на ставне. Утром. Нужно было достать винты изнутри, мисс Клара открыла.

— И заперла потом?

Клара посмотрела на раму.

— Я опустила окно. Запор, кажется, повернула, но могла не попасть.

— Вы уверены, что работали именно у этого окна? — спросил инспектор Норра.

— Вот новое крепление. Старое у меня в ящике, если нужно.

Рид попросил показать. В деревянном ящике у котельной лежали ржавые петли, короткие обломки шурупов и одна снятая защёлка. Новый металл на ставне заметно отличался от потемневшего старого. Это не доказывало, что вечером окно не открывали снова, зато объясняло, почему оно могло остаться незапертым без участия убийцы.

На внутренней стороне рамы, в правом углу, сохранился узкий чистый след. Клара сказала, что там придерживала дерево, пока Норр работал снаружи. Инспектор сопоставил след с её ладонью, не предлагая приложить руку к раме, и поручил фотографу снять участок до дальнейших действий.

— Вы могли бы сделать это раньше? — спросила Клара.

— Что именно?

— Объяснить про окно. Если бы я сразу рассказала.

— Мы всё равно должны были бы проверить.

Она кивнула. Ей было явно легче принять проверку, чем прощение.

У наружной двери заднего коридора Норр показал след на камне, где обычно ставили скребок для грязи. Скребка не было.

— Миссис Марч убирает на ночь. Чтобы никто не споткнулся.

— Вчера он стоял, когда вы ждали?

— Стоял. Я о него как раз ударился каблуком. Стал сбоку, чтобы не шуметь.

Рид нашёл скребок за дверью, вместе со щёткой и тряпкой. Уитмор попросил пока ничего не менять.

— Почему это важно? — спросила Клара.

— Мы пытаемся понять, когда дверью пользовались и что могли заметить. Пока не знаем, какие детали окажутся важными.

В коридоре было темнее, чем снаружи. Клара показала, как, вернувшись, быстро прошла к холлу и поднялась наверх. Садовник с порога видел только её спину.

— На плечах у вас что-нибудь было?

— Шарф. Тёмный. Я его оставила у Уильяма и забрала, когда возвращалась.

Она показала шарф, который принесла с собой и сняла в оранжерее: тёмно-зелёный, довольно узкий, явно неспособный закрыть спину светлым пятном. Инспектор отметил цвет,

но не стал на этом основании исключать её из рассказа Люси. Горничная могла ошибиться не только в личности человека, но и в цвете при плохом освещении.

У входа они встретили Фенвика. Доктор нёс свёрнутое пальто, но, увидев Клару, остановился.

— Я ненадолго в город. Хотел сказать вам. Ада знает, как меня найти.

— Зачем? — спросила Клара.

— Что зачем?

— Искать вас. Вы всё равно ничего…

Она отвернулась. Фенвик переждал, не пытаясь дотронуться до её плеча.

— С отцом больше ничего не могу, — сказал он. — С вами — могу кое-что. Вы сегодня ели?

— Не начинайте, пожалуйста.

— Хорошо.

Доктор положил пальто на перила. Несколько секунд стоял, разглядывая собственные перчатки, затем спросил, кому она поручит известить родственников. Клара дёрнула головой.

— Ада составила список. Я на него смотрю и ни одного адреса не помню. Ничего не помню. Раньше помнила.

— Раньше вы не составляли такой список.

— Мне почему-то хочется вычеркнуть тех, кому он не нравился. А потом думаю — они тоже должны знать. Вы ведь знаете, я не собираюсь писать «безвременная кончина»? Он бы сам высмеял.

— Напишите, как можете.

Она села на нижнюю ступеньку. Норр стоял у двери; при полицейских ему, видимо, не хотелось ни приблизиться к ней, ни уйти. Клара заметила это и сказала:

— Уильям, я побуду здесь. Ты иди. Потом зайдёшь.

Он поднял сумку с инструментами. Ему явно было легче, когда ему назвали что-то, что можно сделать. Уитмор подвинулся, пропуская садовника.

— Отец любил порядок в таких вещах, — сказала Клара, не глядя ни на кого. — Когда умерла мать, он заставил меня переписать адреса на одинаковые конверты. Мне казалось, если хотя бы один получится криво, что-нибудь произойдёт ещё. Ему нравилось, что я так стараюсь.

Фенвик присел рядом, насколько позволяла лестница.

— Я помню те конверты.

Клара посмотрела на него. Резкость с её лица ушла, но облегчения не появилось.

— Не помните. Вы потом всё время были с ним. Не со мной.

Доктор медленно кивнул.

— Да. Это правда.

Она провела рукавом по перилам, оставив на пыли короткую полосу. Фенвик ничего больше не сказал. Уитмор посмотрел на Рида: сержант как раз отвернулся к окну, предоставив им несколько секунд без постороннего взгляда.

Потом Клара встала сама.

— Я буду есть с тётей. Не надо Аде велеть нести мне суп наверх.

— Передам.

Фенвик забрал пальто. Выходя, надел перчатку не на ту руку, снял и скомкал обе в карман. Инспектору не захотелось задавать ему новый вопрос прямо сейчас.

Потом они поговорили по отдельности. Рид вышел во двор к Норру, а Уитмор проводил Клару в маленькую гостиную. Здесь на столике стоял вчерашний стакан воды с засохшим следом у края.

— Вы знали, что отец собирается продавать часть земли? — спросил инспектор.

— Знала, что обсуждает. Думала, дело в дальних полях. Потом услышала, что речь идёт о дороге к домикам и полосе вдоль ручья.

— Кто вам сказал?

— Мерсер. Не прямо. Я спросила, почему на плане новые линии, он ответил, что меня это не лишит сада. Как будто я спрашивала про цветы.

Она сняла с кофты короткую нитку.

— Если будет новый владелец, люди останутся без огородов. И без прохода к колодцу. Им обещают другой проход, через склон. Миссис Мортон не поднимется по нему с полным ведром.

— Вы говорили отцу?

— Он сказал, что вечно жить чужими милостями вредно. Я спросила, чьими милостями живёт он. Разговор на этом закончился.

— Когда это было?

— Во вторник.

Уитмор записал. Теперь у Клары появлялись две причины для ссоры с отцом, и обе она сообщала сама. Это не делало их безвредными; просто меняло вес её прежнего молчания.

— Что будет с вами после его смерти?

— Не знаю.

— Вы говорили с мистером Мерсером о наследстве?

— Он хотел. Я попросила не сейчас.

— Прошу вас не соглашаться ни на какие решения о бумагах до того, как мы их просмотрим. Особенно если речь пойдёт об уничтожении или передаче.

Она вскинула голову.

— Вы думаете, мы станем делить его вещи?

— Я думаю, кто-то может захотеть убрать неприятное воспоминание, не понимая, что уничтожает сведения.

Клара долго молчала.

— У отца было немало вещей, которые следовало бы убрать гораздо раньше.

— Сейчас не время это исправлять.

— Да, — сказала она, однако в её голосе не было обещания.

Рид нашёл инспектора у лестницы через четверть часа. Сержант держал два листа с рассказами о встрече в оранжерее.

— В основном сходится. В одном месте он говорит, что Клара уже уходила, когда он посмотрел на часы. Она — что они ещё спорили. Но он сам поправился: смотрел дважды. Я не стал предлагать им общий вариант.

— Правильно.

— Садовник днём видел хозяина в дверях этой комнаты с упором в руках. Тем самым, бронзовым. Говорит, сэр Гидеон подпирал им план, когда тот заворачивался. Значит, вчера упор ещё был.

— Когда днём?

— Около четырёх. Он нёс инструменты из двора. Время приблизительное.

Инспектор посмотрел в сторону картографической комнаты. Вчерашний чистый квадрат на полке начинал приобретать историю, но самой фигуры грача по-прежнему не было.

— Не подсказывали, какой предмет исчез?

— Нет. Спросил, не заметил ли он, что было у хозяина на столе или в руках. Он сказал: «Держал этого тяжёлого ворона». Я уточнил размер, не название птицы.

— Хорошо.

Они прошли к лестничной площадке, откуда была видна дверь библиотеки. Джулиан стоял в её проёме и разговаривал с Люси. Горничная держала перед собой поднос, как щит. При появлении полицейских Джулиан немедленно отошёл.

— Я только попросил кофе, — сказал он.

Рид посмотрел на пустой поднос.

— Конечно. Люси, когда закончите, нам нужно будет ещё несколько минут.

Девушка кивнула, не поднимая глаз.

Джулиан подождал, пока она уйдёт, и шагнул к инспектору.

— Если вы слышали, что я ей говорил…

— Мы не слышали.

— Тогда вам лучше услышать от меня. Она не должна была принимать никакого участия в моих делах.

— В каких именно?

Джулиан посмотрел на библиотеку, затем на открытую дверь комнаты, где нашли дядю. На секунду он словно прикинул, возможно ли ещё вернуться к вчерашнему рассказу и продолжить его без изменений.

— Письмо, — сказал он. — Там было письмо. Я его взял.

Глава 6. Письмо, которого не было

Джулиан принёс письмо из своей комнаты. На этот раз он не предлагал сигарет и не пытался угадать, какой вопрос прозвучит следующим. Положил перед инспектором сложенный вчетверо лист и отодвинулся, как человек, отдавший чужую вещь, которую слишком долго держал у себя.

Конверта не было.

— Я оставил его на столе, — сказал он. — Письмо лежало сверху, ещё не запечатанное. Я только вынул лист.

Уитмор расправил бумагу на свободном участке стола. Письмо было адресовано управляющему лондонским отделением банка. В нём Гидеон сообщал, что не подписывал обязательства, предъявленные от его имени, и не намерен отвечать по долгам племянника.

Подпись внизу была сделана чернилами. Дата — одиннадцатое ноября.

Инспектор прочитал дважды, прежде чем поднять глаза.

— Обязательства подписали вы?

— Да.

— Его именем?

— Я рассчитывал вернуть деньги раньше, чем дядя узнает.

— Но он узнал.

— Банк прислал запрос. Он вызвал меня. Я приехал вчера днём.

Из столовой донёсся звон посуды: миссис Марч пыталась накормить дом по привычному расписанию. Джулиан повернул голову на звук. В этой части дня ещё несколько часов назад полагался воскресный обед, за которым дядя обсуждал бы чужие ошибки и отвергал попытки переменить тему.

— Почему письмо осталось в его комнате?

— Беатрис подготовила в пятницу. Он подписал. Сказал, отправит в понедельник, если я не предложу ему другого выхода. Я пытался. Продать часы, кое-что из вещей матери. Но этого мало. Он знал, что мало.

— Что вы предложили взамен?

— Уехать. Найти работу. Разумеется, это не возмещало денег. Он и слушать не стал.

— В котором часу вы взяли письмо?

— До ужина. Я видел, что дядя в гостиной с доктором. Зашёл со стороны холла. Письмо лежало там, где он оставил его днём.

— Вы знали, что не остановите отправку надолго?

Джулиан потёр лицо.

— Сейчас знаю. Тогда думал: ещё один день. Ночью что-нибудь придумаю.

Уитмор отметил добровольную передачу письма и попросил Джулиана подписать короткую запись о том, откуда тот взял лист. Молодой человек исполнил это, не спрашивая, когда получит обратно.

— После ужина к дяде заходили?

— Нет.

— Вы уже отвечали так. Теперь я должен спросить снова.

— Не заходил. Я поднимался за портсигаром. Потом вернулся в столовую. Возможно, пробыл наверху дольше, чем сказал ночью. Я хотел сжечь письмо и не смог.

— Где оно находилось до нашего разговора?

— Между страницами книги в моей комнате.

— Кто-нибудь мог его видеть?

— Люси приходила спросить, нужен ли огонь в камине. Я отослал её. Может быть, она поняла.

Инспектор посмотрел на сгибы бумаги. Один край был чуть потемневшим, но не обгоревшим. Письмо могло пролежать у камина; могло быть сложено испачканными руками. Он не стал превращать пятно в подтверждение рассказа.

— Почему вы остановили Люси сегодня?

— Она думала, что помогает. Я сказал, чтобы больше не помогала.

— А раньше вы просили её что-то скрыть?

Джулиан опустил глаза.

— Когда вышел от дяди, увидел её в холле. Она несла карточки. Я сказал: «Если спросят, вы меня не видели». Дурацкая шутка. То есть не шутка. Я хотел, чтобы это прозвучало как шутка.

— И вы понимали, что ей трудно вам отказать?

— Не тогда.

Он поднял голову.

— Мне не стоило говорить. Сейчас понимаю.

Рид, до этого молчавший у окна, спросил, почему трудно было отказать. Джулиан нахмурился, затем рассказал о болезни брата Люси и счёте, который прислали из города. Несколько месяцев назад он помог оплатить дорогу и лечение.

— Из тех денег, что получили по чужой подписи?

— Из других. У меня иногда бывают собственные.

Ответ прозвучал резко, и Джулиан тотчас отвёл глаза.

— Простите. Я понимаю, почему вы спросили. Могу показать. Только не втягивайте её брата. Они не знали ничего о моих делах.

— Мы проверим источник денег. С болезнью мальчика это не связано.

Когда Джулиан вышел, Рид открыл пакет с карточкой.

— Совпадает. Но я хочу услышать от неё самой, что именно она скрыла. До разговора с ним ещё можно было надеяться отделить её память от его версии. Теперь будет труднее.

— Всё равно спросите.

Сержант нашёл Люси в буфетной. Она складывала салфетки, выводя ногтем ровную линию. На столе уже стояла высокая стопка, но девушка снова взяла нижнюю и начала разглаживать.

Рид сел на табурет у двери.

— Мистер Джулиан передал письмо.

Её пальцы остановились.

— Он сказал?

— Сказал, что был в картографической комнате до ужина. И попросил вас не говорить, что вы его видели.

— Он не просил. Он так…

— Будто шутил?

Люси кивнула.

— Я подумала, это про деньги. Все знали, что сэр Гидеон сердится, когда он приезжает просить. Я не хотела делать хуже.

— А ночью?

— Ночью я уже сказала, что не видела. Потом вы спросили про лестницу, и я могла вспомнить только то, что видела наверняка. Он шёл наверх после кофе. А раньше я решила не говорить. Не могла же я сказать: я сейчас соврала, но только про одно.

— Как видите, можете.

Она посмотрела на него недоверчиво.

— Вы сердитесь?

— Мне нужно заново проверить часть вчерашних записей. Это работа. В следующий раз постарайтесь её мне не прибавлять.

Люси провела ладонями по переднику.

— Я не знала, что сэр Гидеон умер, когда сказала это в первый раз. Констебль спросил, кто куда ходил, миссис Марч велела отвечать коротко. Потом сказали, что убили. Я уже ничего не понимала.

Сержант уточнил порядок вопросов. Получалось, Прайс действительно начал выяснять перемещения ещё до того, как всем сообщили характер смерти. Для Люси просьба о мелком умолчании успела стать обещанием до того, как обрела новый смысл.

Рид вспомнил, как сам когда-то поддержал шутку старшего коллеги и потом целый день не мог признаться, что никакой шутки уже не получается. Он перестал постукивать карандашом по столу. Люси следила за этим звуком с самого начала разговора.

— Что было у мистера Джулиана в руках до ужина?

— Я не видела. Он держал руку возле пиджака, здесь. Потом пошёл наверх.

— В котором часу?

— Карточки я принесла, когда миссис Марч ещё проверяла свечи. До того как всех позвали к столу. Не знаю точнее.

— После ужина вы видели, как он входил в комнату дяди?

— Нет. Только как поднимался по лестнице. Потом я ушла со скатертью в бельевую. Потом была эта женщина в светлом.

— Женщина?

Люси медленно подняла голову.

— Вы думаете, я и этого не могу знать?

— По каким признакам вы решили?

Она попыталась вспомнить.

— Подол. Кажется. Или просто подумала, раз это мисс Эстер. Теперь всё путается.

Рид закрыл книжку.

— Тогда пока оставим. Не старайтесь увидеть заново то, что уже исчезло. Если вспомните что-нибудь без наших вопросов, сообщите.

Выйдя из буфетной, он обнаружил у поворота миссис Марч. Экономка ждала, сложив руки на животе.

— Она хорошая девочка.

— Она помогла нам уточнить рассказ.

— Я не о пользе для полиции, сержант.

Рид кивнул.

— Я понял.

Миссис Марч хотела добавить что-то ещё, но не стала. Вместо этого спросила, не поедут ли они в город: там, в лавке, оставили свёрток с ламповыми фитилями, а прислугу теперь трудно послать за любой мелочью. Рид предложил передать просьбу Прайсу, когда тот вернётся со смены. Экономка впервые посмотрела на него без заранее приготовленного возражения.

В библиотеке Уитмор беседовал с Беатрис. Письмо лежало в отдельной папке; секретарь уже подтвердила, что напечатала его в пятницу по распоряжению хозяина.

— У вас сохранилась копия?

— В исходящих. Машинописная, без подписи.

— Покажете при сержанте.

Рид прошёл с ней в кабинет. Прайс вёл журнал доступа к закрытой кладовой; увидев сержанта, он молча поднял лист, показывая, что со времени ночного запирания никто не входил. Бумажная полоска на двери оставалась целой.

У секретаря копия нашлась быстро. На ней стояли номер исходящего письма и карандашная отметка «к подписи». Следующий номер относился к переплётчику. Ещё один — к предполагаемому бухгалтеру.

— Последнее письмо тоже подготовили в пятницу?

— Да.

— Вы знали, что сэр Гидеон собирается проводить проверку?

— Разумеется. Я же его секретарь.

— Раньше он сообщал вам, зачем она нужна?

— Чтобы установить положение фонда перед продажей. Здесь нет тайны.

Рид переписал номера и адреса. На проекте письма бухгалтеру не было подписи; конверт лежал пустой. Сержант попросил зафиксировать оба предмета вместе с остальной перепиской.

Беатрис наблюдала за ним, стоя у стола.

— Если вы хотите узнать, боялась ли я проверки, можете спросить прямо.

— Боялись?

— Я боялась, что одиннадцать лет работы назовут беспорядком. У сэра Гидеона были свои привычки. Он мог распорядиться выдать деньги устно, а через полгода спросить, на каком основании я это сделала. Он мог подарить кому-нибудь аренду, а потом назвать подарок задолженностью. Бухгалтер увидит цифры. Я останусь человеком, который не сумел к ним приписать правильные объяснения.

— Вы сохраняли его распоряжения?

— Какие могла.

— Даже на клочках бумаги?

— Особенно на клочках. Большие письма он писал, когда хотел выглядеть последовательным.

Сержант спросил, где хранились такие записки. Беатрис указала на узкий ящик справа. Рид попросил разрешения вынуть содержимое в её присутствии; она согласилась и отдала ключ.

Внутри лежали пачки счетов, перевязанные плоскими лентами, несколько записок на обороте приглашений и маленькая коробка с канцелярскими кнопками. Сержант составил предварительную опись, не разбирая всё на месте. Слишком легко было разделить связанные листы и лишить их смысла.

— Ключ верните, пожалуйста, — сказала Беатрис, когда он закончил.

— Верну, как только договоримся о хранении остального. Сейчас попрошу констебля остаться здесь, чтобы вы могли пользоваться кабинетом при нём.

Она отвернулась к окну. Это была первая явная потеря терпения, которую Рид в ней заметил.

— Я понимаю, что вы делаете свою работу. Только для меня всё в этом доме теперь требует чьего-то разрешения.

— До вчерашнего вечера не требовало?

Она хотела ответить, но передумала.

Уитмор ждал в холле. Рид передал ему копии и рассказал о ящике с распоряжениями.

— Она сама предложила спросить, боялась ли проверки.

— И что вы подумали?

— Что могла готовиться к этому вопросу всю ночь. И что могла готовиться одиннадцать лет.

Инспектор кивнул.

Они вернулись в библиотеку и разложили записи по вечеру. На одном листе — то, что связывалось с часами или отдельным действием; на другом — приблизительные воспоминания. Третий лист Уитмор озаглавил: «Установлено после события».

Туда попало многое из того, что ночью казалось почти несомненным. Фигура Эстер в коридоре превратилась в человека в светлой одежде. Уверенный отъезд Элеоноры восемь лет назад — в чужое многократно повторённое предположение. Поздняя поездка садовника к матери — в намерение, возникшее до убийства.

— А Джулиан? — спросил Рид.

— Его ложь мы объяснили. Его перемещений после ужина пока не объяснили полностью.

— Письмо даёт ему более сильный мотив, чем долги.

— Да.

— Но он мог оставить его в книге и молчать.

— Мог. Мы учтём и это.

В дверь постучали. Прайс передал записку от Эстер: она просила инспектора прийти в верхнюю гостиную. Внизу было добавлено: «Не приносите расходную книгу. Я хочу сначала рассказать, что помню сама».

Уитмор прочитал и показал Риду.

— Продолжайте с распоряжениями. Начните с записок, связанных с тридцатым годом. Ничего не разъединяйте, пока не зарисуете, как лежало.

— А вы?

Инспектор сложил записку.

— Послушаю то, что мне следовало услышать восемь лет назад.

Глава 7. История с вырезанной страницей

Верхняя гостиная отличалась от нижних комнат тем, что здесь не старались сохранить порядок умершего хозяина. На спинке дивана лежал недовязанный шарф, у окна стояла чашка с засохшей чайной гущей, на полу — открытая коробка писем. Эстер сидела рядом с коробкой, подобрав ноги под кресло. При появлении инспектора выпрямилась, но не встала.

— Я решила не убирать. Иначе вы, вероятно, стали бы спрашивать, что было на этом месте.

— Вероятно.

— Приятно услышать честный ответ.

Она указала на кресло напротив. Здесь не было рабочего стола, за которым можно было спрятаться, и Уитмор положил книжку на колено.

— Вы хотели рассказать об Элеоноре.

— Да. Только сначала скажите: вы нашли её имя в поздних счетах?

— Нашёл.

Эстер опустила глаза на коробку.

— Значит, Гидеон всё-таки начал разбираться.

— Когда вы узнали об этих записях?

— В четверг. Он показал мне расписку. Спросил, похожа ли подпись на подпись Элеоноры. Я сказала, что не могу определить.

— Вы показали ему образец?

— Нет.

— Хотя образец у вас был.

Она вынула из коробки узкий конверт. Бумага пожелтела по краям; адрес был написан без титулов: «Мисс Эстер Эшкрофт». Конверт не отправляли почтой.

— Она передала это с Люсиным предшественником, мальчиком из кухни. За несколько дней до исчезновения. Тогда я хранила письма, не спрашивая себя, какие из них когда-нибудь придётся показать.

— Можно?

Эстер протянула конверт. Инспектор сначала осмотрел его снаружи, потом вынул лист.

Элеонора благодарила за возможность работать в доме по вечерам, просила разрешить ей снять копию старого плана и добавляла, что некоторые имена в списках «принадлежат не тем людям, о которых свидетельствуют документы». В конце стояло: «Я хочу сначала понять, случайность ли это. Прошу вас пока не говорить с братом. Он, боюсь, потребует ответа прежде, чем я сумею задать правильный вопрос».

Подпись была полной. Дата — двенадцатое ноября 1924 года.

Уитмор задержался взглядом на дате. Восемь лет почти день в день. «Опять ноябрь», — подумал он и почувствовал досаду на себя: сейчас ему нужны были слова девушки, а он разглядывал число.

— Вы дали ей план?

— Дала снять копию. Она работала в комнате с картами. Я оставалась рядом, потому что отец когда-то установил правило: старые планы не выносить. Мне уже было пятьдесят, а я всё ещё соблюдала его правила.

— Почему вы не передали письмо полиции?

Эстер взяла с подлокотника очки и положила обратно.

— Потому что девушка просила не говорить Гидеону. А всё, что происходило в этом доме, в конце концов становилось ему известно.

— Она исчезла. Это уже было важнее просьбы.

— Сейчас вы скажете, что я предпочла удобство.

— Я пока хочу услышать, что предпочли вы.

Она долго смотрела на него. За дверью послышались шаги, затем удалились.

— Я предпочла считать, что она ушла так, как собиралась.

Уитмор не изменил положения, но рука с карандашом остановилась.

— Она говорила вам, что собирается уехать?

— Не прямо. Спросила, могу ли я одолжить ей немного денег. Не из фонда, подчеркнула это дважды. Я спросила, что случилось. Она сказала, что должна помочь человеку уехать и не может объяснить, кому.

— Когда?

— Накануне исчезновения. После обеда.

— Вы дали деньги?

— Да.

— На сколько человек могло хватить?

— Я не спрашивала маршрута.

— Но сумма вам известна.

Эстер назвала её. Инспектор записал.

— Вы давали ей сумку?

— Нет. Могла пользоваться своей. У неё была небольшая коричневая. Позднее все говорили, что видели сумку в тот вечер. Я не видела.

— Куда она собиралась?

— Не знаю.

— С кем?

— Не знаю.

— Это ответы того времени или сегодняшние?

Она вздрогнула.

— Сегодня я знаю ровно столько же, сколько тогда. Я дала деньги. Утром пришла к её комнате, чтобы предложить ещё. Дверь была закрыта. Днём сказали, что она не вернулась.

— И вы сообщили, что она просто ушла?

— Я сказала, что она могла уехать. Не помню точных слов.

Уитмор вынул из конверта маленькую карточку, лежавшую за письмом. На ней рукой Эстер была переписана дата, а ниже стояли два имени, перечёркнутые одним движением. Чернила отличались по цвету от текста письма.

— Что это?

Эстер наклонилась.

— Не связано с Элеонорой. Семейные записи. Я складывала в эти конверты мелкие заметки, чтобы не потерять. Имена я проверила, они были записаны с ошибкой.

— Покажете источник?

— Покажу. Но не превращайте всё, что найдёте в коробке, в её послание. За восемь лет здесь побывало множество бумаг.

Он вернул карточку отдельно от письма и отметил её существование. Предупреждение было справедливым. Один конверт ещё не создавал единого происхождения всего содержимого.

— Вы просили не говорить с Гидеоном из страха за неё?

— Она просила. Я согласилась.

— А когда её стали искать, вы продолжали защищать её или уже себя?

Эстер закрыла глаза. Возраст стал виден сразу, без движения: напряжение, державшее лицо, на мгновение исчезло.

— К тому времени — себя. Наверное. Брат сказал, что я дала денег незнакомой женщине, которая потом воспользовалась нашим доверием. Мерсер объяснил, что добровольный отъезд взрослого человека не обязан быть семейной трагедией. Я позволила им объяснить мне мой поступок.

— Мерсер знал о деньгах?

— От Гидеона. Я сказала брату, когда начались поиски. Не знаю, откуда взялась мысль, что он поможет мне решить, что делать дальше. Он всю жизнь помогал мне только не делать.

Она встала, подошла к окну и некоторое время смотрела на двор. Инспектор оставил её молчать.

— Вы ведь пришли тогда с готовым вопросом, — сказала она, не поворачиваясь. — «Нет ли оснований предполагать добровольный отъезд?» Не спрашивали, боялась ли она. Спрашивали, могла ли уехать. Я могла ответить да и не сказать почти ничего.

Уитмор почувствовал желание возразить: он не помнил точных слов. Вместо этого посмотрел на дату письма.

— Я подниму старые записи.

— Вы мне не верите?

— Я хочу проверить и собственную память.

Эстер повернулась. На этот раз в её лице не было ни вызова, ни одобрения.

— Жаль, что мы не делали этого раньше.

Инспектор согласился.

Он попросил разрешения забрать письмо вместе с конвертом и составил расписку. Карточку оставил отдельно, указав, где она была найдена. Эстер прочла каждый пункт, прежде чем подписать. В этом маленьком действии было больше доверия, чем в её прежней вежливости.

У двери она сказала:

— Я не знаю, жива ли Элеонора. Запись в счетах не даёт мне права надеяться, верно?

— Надеяться вы вправе. Считать установленным — пока нет.

— Вы всё-таки научились отвечать иначе.

— Ещё учусь.

Когда дверь за инспектором закрылась, Эстер ещё некоторое время сидела, положив ладони на пустую коробку. Подняла крышку, закрыла, снова подняла. Без узкого конверта внутри всё почему-то перестало помещаться.

Вошла Ада с чистой чашкой.

— Вам свежего?

— Да. Нет, оставь этот. Он ещё тёплый.

Экономка посмотрела на старую чашку, давно остывшую у окна, но спорить не стала. Налила в новую, поставила поближе.

— Вы с обеда наверху. Люси спросила, можно ли прибрать комнату.

— Пусть завтра.

Ада задержалась у двери.

— С вами посидеть?

Эстер едва не отказалась. Это уже было готово у неё на языке — привычное «не надо, у тебя работа». От таких ответов дом всегда оставался исправным: никто не задерживался там, где был нужен не по должности.

— Сядь, если можешь.

Экономка выбрала стул у двери. Села на краешек, как присаживалась на кухне во время ожидания поднявшегося теста. Эстер хотелось предложить другое кресло, но это тоже превратилось бы в распоряжение. Она оставила всё как есть.

— Я отдала ему письмо Элеоноры.

— Правильно.

— Ты даже не спросила, какое.

— Если вы столько лет его держали и всё-таки отдали, значит, правильно.

Эстер отвернулась. Удобно было бы заплакать: Ада принесла бы воды, поправила подушку, сделала что-нибудь доброе и понятное. Но плакать не получалось. Хотелось только убедить кого-то, что она не была дурным человеком восемь лет подряд. Даже в собственных мыслях просьба выглядела некрасиво.

— Она приходила к тебе? Та девушка.

— В кухню заходила. Брала чайник, когда работала допоздна. Я не знала, что с ней будет, мисс Эстер.

— Я тоже не знала.

Ада промолчала. Эстер вдруг стало страшно, что экономка скажет: «Конечно, вы не могли знать». Слишком легко было бы принять эти слова и снова ни о чём не думать.

На полке тикали маленькие часы. Гидеон не позволял заводить их одновременно с часами в холле, уверял, что они мешают слушать. После его смерти кто-то всё-таки завёл. Эстер ещё не узнала кто.

— Помнишь, как он не давал тебе сменить обивку на стульях? — спросила она.

Ада посмотрела с удивлением.

— Помню. Они целы были.

— И ужасно неудобны.

— Удобные стулья здесь никто не выбирал.

Эстер коротко засмеялась. Смех тут же кончился, но в комнате стало легче дышать. Она пододвинула новую чашку, отпила слишком горячего чая.

— Завтра посмотри образцы. Если захочешь.

— Сейчас не до стульев.

— Я знаю. Всё равно посмотри.

Ада поднялась. В дверях обещала, что Люси пока ничего не тронет. Эстер осталась с пустой коробкой. Переложила её на нижнюю полку и принялась собирать письма не по размеру, как прежде, а по датам.

На нижней площадке Уитмор остановился. Перед ним через открытый холл была видна дверь картографической комнаты. Восемь лет назад та же дверь была обычной подробностью большого дома. За ней хранили документы; люди приходили работать, брали разрешение, уходили. Сейчас почти каждый предмет превратился в вопрос о чужих поступках.

Он прошёл к телефону и попросил соединить с окружным управлением. Дежурный пообещал передать просьбу найти материалы поиска Вейл. Уитмор продиктовал дату, своё имя и отдельно подчеркнул, что требуется весь сохранившийся комплект, включая черновые опросы.

Потом попросил записать новое сообщение: обнаружено не представленное ранее письмо исчезнувшей, а также свидетельство о передаче денег перед её исчезновением. Не добровольный отъезд. Не доказательство бегства. Только новые сведения, которые надлежало присоединить к делу.

Он повторил формулировку дважды и дождался, пока дежурный прочитает её обратно.

В кабинете секретаря Рид работал вместе с Прайсом. На столе лежали пачки бумаг, каждая на отдельном листе с номером. Беатрис сидела у окна и, не вмешиваясь, следила за их руками.

— Нашли распоряжения за тридцатый год? — спросил Уитмор.

— Несколько. И одну вещь, которую хочу сначала показать вам без объяснения.

Сержант протянул небольшой счёт за печные работы. На лицевой стороне значился дом миссис Уэбб. На обороте — карандашное распоряжение Гидеона выдать деньги человеку, фамилия которого была вычеркнута. Рядом стояло: «через контору, без отдельной карточки».

— Это бывало? — спросил инспектор Беатрис.

— Постоянно. Я об этом говорила.

— Кто потом проверял, что деньги выданы?

— Хозяин. Когда хотел.

— Получатель расписывался?

— Если приходил в контору. Если через посредника, расписывался посредник.

Уитмор посмотрел на Рида. Тот показал ещё два счета с похожими приписками, затем пустую карточку фонда.

— Нам придётся проверять не только фамилии в главной книге. Здесь помощь одному человеку могла проходить как расход по другому дому. Ошибка может оказаться подлогом. Подлог может выглядеть как его обычное распоряжение.

— Теперь вы понимаете, почему я не хотела ревизии, — сказала Беатрис.

— Понимаю, почему она была трудной, — ответил сержант.

Секретарь посмотрела на него с усталой неприязнью. Он не отвёл глаз.

Уитмор попросил показать запись об Элеоноре, не называя фамилии вслух. Рид нашёл нужную копию. В графе основания стоял номер: сорок семь.

— Расписка под этим номером сохранилась?

— В папке приложений нет, — ответил сержант. — Я проверил последовательность. Сорок шестая на месте, сорок восьмая тоже. На сорок седьмую есть отметка в описи.

— Гидеон её вынимал? — обратился инспектор к Беатрис.

— Он брал несколько листов в четверг. Сказал, что будет сверять. Как раз после этого заговорил с мисс Эстер.

Значит, пропавшая расписка могла лежать не здесь. Это была первая простая версия, и Уитмор записал её прежде остальных.

— Нужно проверить его личные папки, — сказал он. — Все, не только на рабочем столе. При Кларе или мисс Эстер. И ещё посмотрите, есть ли в книге другие выплаты на тот же адрес.

Рид перелистнул копии.

— Уже смотрю. Их несколько. До тридцатого года имя менялось. Адрес оставался прежним.

Беатрис подалась вперёд.

— Какое имя?

— Мы пока сверяем, — сказал сержант. — Не хочу предложить вам ошибку, которую потом придётся вспоминать как факт.

Она села ровнее.

Уитмор вынул из кармана письмо Элеоноры и положил в отдельную папку, не разворачивая при секретаре. Не потому, что решил скрыть от неё новое обстоятельство навсегда. Ему нужно было сначала узнать, какие ответы она могла дать без подсказки.

На верхнем листе её описи лежал вчерашний список исходящих. Семь пунктов, аккуратная нумерация, ни одного зачёркивания. Среди них — книги переплётчику, отказ банку, неотправленное приглашение бухгалтеру.

Умерший человек оставил достаточно распоряжений, чтобы ещё несколько дней управлять этим домом. Теперь требовалось понять, какие из них действительно исходили от него.

Глава 8. Подписи жильцов

До темноты оставалось немного. Рид поехал в город с констеблем, которому предстояло сменить утренний караул. Прайс обещал присоединиться позднее: он ещё проверял телефонный разговор Мерсера и не хотел передавать дело другому человеку на середине.

Сержант попросил высадить его у угольного двора. Воскресный замок на воротах был заперт, но в пристроенном доме кто-то двигался. Рид постучал в дверь, достаточно громко, чтобы его услышали поверх радио.

Открыла женщина с полотенцем на плече.

— За углём завтра. Если заболел ребёнок, могу попросить мужа дать мешок из нашего, но в контору он не пойдёт.

— Мне не нужен уголь. Сержант Рид. Можно поговорить с тем, кто возит его в домики фонда?

Она оглянулась в глубину дома.

— Эдвин! По твою часть.

Мужчина появился в дверях, застёгивая жилет. Был он коренаст, почти лыс, с короткими пальцами, въевшаяся угольная пыль на которых оставалась даже после воскресного мытья.

— Восс, — представился он. — У нас всё оплачено.

— Я не о ваших платежах. О доставках за тридцатый год. В частности, миссис Дейл.

Восс посмотрел на жену, словно та могла объяснить, почему полиция интересуется давними мешками.

— Я с тех пор столько ей привёз, что можно второй дом сложить. Что случилось?

Рид показал лицевую сторону корешка, не отдавая оригинал. Перевозчик сразу узнал бланк.

— Старый. Теперь другие. Отец печатал эти ещё до того, как брат вошёл в дело.

— Дату доставки проверить сможете?

— По книге. Сегодня не обещаю. Брат держит конторский ключ, он уехал к тестю.

— Завтра утром?

— Завтра могу.

Сержант перевернул листок.

— А эту запись узнаёте?

Восс нагнулся, потом вынул из нагрудного кармана очки. Дужка была обмотана ниткой.

— «Получено…» Это я подписал.

— Вы уверены?

— В подписи своей уверен. А что получено, не разберу. Мелко.

Рид не сказал ни о Вейл, ни о расходной книге.

— Вы обычно подписываетесь инициалами?

— Когда место маленькое. На таких обрезках иначе не уместить. Что за дело-то?

— Нам нужно установить, откуда взялась расписка. Вы могли получить деньги лично от миссис Дейл?

— Она мне не платит. Фонд платит за неё. Бывает, принесу уголь, она сунет медяк на чай. Это не считается.

— А от кого получаете?

— От брата. За работу. Деньги с поместья берёт контора. Раньше я иногда забирал, когда шёл мимо. Чтобы два раза не ездить.

— Как расписывались?

— Как скажут. В книге или на бумажке. Не думал, что это понадобится помнить через два года.

Он снял очки и почесал переносицу.

— Если там недостача, у нас должны быть записи. Мы выдавали квитанцию. Платили-то за уголь, не за мои глаза.

Рид попросил написать имя, фамилию и привычные инициалы, объяснив, что это поможет зафиксировать ответ, но само по себе не заменит проверки по книгам. Восс привёл их в переднюю, где на столе лежал семейный альбом и стопка неразобранных счетов. Подписал чистый лист, указал дату и прочитал запись сержанта о разговоре.

— Только не пишите, что я помню, за что получил именно эти деньги. Не помню.

— Так и записано.

Жена Восса, всё время стоявшая в дверях, наконец убрала полотенце с плеча.

— Может, чаю? Всё равно уже остывает.

Рид согласился на половину чашки. Он задержался ещё на десять минут, расспросив о порядке выдачи квитанций. Восс показал современную книжку с корешками, а жена отыскала в шкафу пустой старый бланк: под него когда-то подложили сломанный замок от альбома.

Старые листы имели широкий чистый оборот. На нём удобно было писать дополнительную расписку. Сержант видел пока возможность, не доказательство: человек приходил за платой, ставил инициалы под коротким текстом, а затем лист попадал в другую папку с новым назначением.

Прежде чем уйти, он попросил сохранить все старые книги до проверки и никому их не давать без записи. Восс ответил, что брат и без полиции ничего не выбрасывает.

На улице сержант остановился под фонарём и раскрыл книжку. «Вейл» на одной странице, «Восс» на другой. Он со злостью вспомнил, как сам обрадовался инициалам: вот, мол, старое дело ожило. Подчеркнул фамилию перевозчика и дописал: «Утром — книга оплат».

У гостиницы Рид встретил Прайса. Констебль ждал под навесом, держа за пазухой записную книжку.

— Служащего Мерсера нашёл. Он подтверждает звонок. Говорил с хозяином около половины девятого. Дольше минуты разговор не длился.

— А во сколько Мерсер вышел из столовой?

— Доктор думает, чуть позже половины. Но не уверен. Звонок услышали из коридора, пока подавали кофе. Люси говорит, кофе несла примерно тогда, когда вернулась из бельевой.

Рид прислонился плечом к стене.

— Значит, у нас есть звонок. Нет подтверждения, что всё время отсутствия Мерсер говорил по телефону.

— Именно. Я не стал говорить этому мальчику, что поверенный, возможно, ушёл по другому делу.

— Хорошо.

Прайс достал из книжки сложенный лист.

— И ещё: в записях я вчера написал про девять часов так, будто сам их видел. На самом деле это доктор сказал. Я прибыл в девятнадцать минут десятого, посмотрел на свои. Вызов принял в восемь минут. Всё остальное услышал в доме.

Он явно ожидал замечания.

— Поправьте и подпишите, — сказал Рид. — Первую запись не вымарывайте. Приобщим обе.

Констебль выдохнул и убрал книжку.

В гостинице миссис Фелл поставила перед ними суп, не дожидаясь просьбы. Когда Рид упомянул угольный двор, она сказала, что Восс забывает собственный день рождения, но помнит каждый мешок, за который ему не заплатили.

— В том-то и дело, что ему платили, — ответил сержант.

— Тогда труднее.

Она вернулась за стойку и не предложила готового объяснения. Рид был ей за это признателен.

Прайс пошёл узнавать про машину, а Рид поднялся к себе сменить мокрые носки. Сел на кровать, стянул ботинок и обнаружил на пятке дырку. По краю уже натёрло. Он подумал, что Нелл положила бы ему запасную пару, если бы он позволил собирать свой чемодан. После её слов «ты же всё равно забудешь» не позволил.

На столике лежала гостиничная бумага. Рид выдвинул нижний ящик в поисках конверта, задел коленом чемодан и тихо выругался. Глядя на чёрную пасть открытого багажа, вдруг ощутил усталость целиком, от затылка до мокрой пятки. Внизу люди ужинали, на улице звонили к вечерней службе. Нормальное воскресенье происходило где-то рядом, без него.

Он взял перо и написал: «Нелл, здесь задержка. Не беспокойся».

Получилось так, будто случилось нечто ужасное именно с ним. Зачеркнул. Начал другой лист: «Живу в гостинице, кормят лучше, чем ты думаешь». Это прозвучало самодовольно. Сестра вовсе не думала, что его плохо кормят. Она думала, что он пьёт чай вместо обеда, потому что вечно некогда.

Рид посмотрел на тарелку с нетронутым хлебом, которую принёс наверх утром. Убрал её со стола.

Постучала миссис Фелл.

— Констебль ждёт. Вы не уснули?

— Уже иду.

Она не уходила. Сержант открыл дверь, держа один ботинок в руке. Хозяйка взглянула на него и на носок.

— Принесёте вечером. Заштопаю.

— Не стоит, я…

— Тогда наденете дыркой на другую сторону и натрёте вторую ногу. Я постояльцев знаю.

Он рассмеялся, против воли. Миссис Фелл протянула ему свёрток с чистой парой: очевидно, держала в доме запас не только полотенец.

— Не ваши, гостиничные. Вернёте при отъезде.

Рид поблагодарил и закрыл дверь. Быстро переоделся, сложил оба начатых письма и сунул в чемодан. Напишет после того, как кончится этот вечер. По крайней мере, теперь знал, что расскажет: про носки, про упрямую хозяйку, про город, где все успевают заметить друг друга. Про мёртвого человека — ни слова. Нелл всё равно прочтёт в газете, но от брата ей хотелось получить что-нибудь ещё.

В поместье они приехали уже при свете ламп. Беатрис всё ещё находилась в кабинете; с ней сидел сменный констебль, перебирая пуговицу на манжете. На письменном столе не осталось свободного места.

Уитмор работал в библиотеке. Перед ним лежали две личные папки Гидеона и список того, что ещё предстоит просмотреть. Сержант рассказал о Воссе, отделяя его узнавание подписи от того, чего перевозчик вспомнить не смог.

— Утром сверим сумму с угольной книгой. Если совпадёт, получим источник этой расписки. Пока она может относиться к чему угодно.

— Тогда почему вы так довольны?

Рид удивился, потом засмеялся.

— Не заметил. Потому что сегодня к вечеру мы хотя бы нашли человека, который сам написал свои инициалы. Весь день до этого чужие подписи принадлежали пропавшим, умершим или людям, которых никто не мог вспомнить.

— Это хороший результат, — согласился Уитмор.

Сержант показал чистый лист, подписанный Воссом, затем пустой старый бланк. Инспектор не стал сравнивать росчерки, как сравнивают две картинки. Его интересовало другое.

— Кто из конторы поместья мог платить перевозчику?

— Беатрис. Прежде управляющий. Иногда сам хозяин. Восс допускает, что деньги мог передать и Мерсер, но конкретного случая не вспомнил.

— Значит, пока не один человек.

— Пока. Если сверим даты, круг сузится.

Уитмор откинулся на спинку кресла. За день у него собралась небольшая стопка утверждений, которые можно было проверить вне семьи. Они казались менее впечатляющими, чем тайное письмо или угроза садовника, однако именно на них держалось расследование.

— Мистер Мерсер ещё здесь?

— В столовой. Просил узнать, может ли уехать к себе на ночь. Живёт в городе, явиться готов в любое время.

— Поговорю с ним прежде. Пусть подождёт.

Рид вышел передать просьбу. Мерсер сидел один за длинным столом, на котором накрыли только один прибор. Он выглядел не гостем, оставшимся после похорон, а человеком, которого забыли предупредить об отменённом приглашении.

— Я могу ехать?

— Инспектор хотел ещё несколько слов.

Поверенный положил салфетку.

— О письме Джулиана? Он уже рассказал?

— Рассказал.

— Это было бы разумно. Если бы он сделал так сразу.

Рид посмотрел на внутренний карман пиджака, где ночью Уитмор заметил другое письмо. Сейчас карман был закрыт, пиджак аккуратно застёгнут.

— Да, — сказал сержант. — Обычно разумнее сразу.

В библиотеке Уитмор не стал вновь расспрашивать о деньгах. Предложил поверенному сесть и положил перед собой записи Прайса.

— Ваш служащий подтвердил звонок. Он говорит, разговор был коротким.

— Коротким. Я не утверждал обратного.

— После него вы сразу вернулись в столовую?

Мерсер не посмотрел на записи.

— Кажется, да.

— Вчера вы были определённее.

— Вчера вы спросили, выходил ли я. Я сказал, что мне звонили. Объяснил причину.

— Вы сказали и то, что в картографическую комнату после ужина не входили.

Поверенный провёл пальцем по краю подлокотника.

— Я хотел бы уточнить свой ответ.

Уитмор положил карандаш поперёк листа.

— Слушаю.

— Я зашёл к Гидеону. После звонка. Ненадолго.

— Он был жив?

Мерсер медленно поднял голову. Теперь усталость исчезла из его лица, оставив один страх, сдержанный усилием человека, привыкшего к точности формулировок.

— Я не знаю, — сказал он.

Глава 9. Второй посетитель

Мерсер смотрел на карандаш, лежавший перед инспектором. Уитмор не брал его. Некоторым людям легче было продолжать, пока их слова ещё не становились записью.

— Я не знаю, — повторил поверенный. — Он сидел спиной ко мне. Я решил, что задремал.

— Вы с ним заговорили?

— Назвал по имени. Тихо. Он не ответил.

— Почему тихо?

Мерсер провёл ладонью по рту.

— Я надеялся, что он не проснётся.

Рид сел у второй двери, оставив проход свободным. Из столовой доносилось негромкое позвякивание: там убирали единственный прибор, которым поверенный так и не воспользовался.

— Расскажите с того момента, когда вам позвонили, — сказал Уитмор.

— Я вышел в коридор. Уильямс сообщил, что человек, с которым мы должны были встретиться в понедельник, не приедет до вторника. Я велел передвинуть встречу. На этом всё.

— Затем?

— Мне не хотелось возвращаться к столу. Джулиан опять пытался шутить. Доктор делал вид, что его слушает, Эстер уже ушла в библиотеку. Гидеон собирался в девять устроить нам представление. Я вышел к парадному входу, взял из прихожей пальто и закурил под навесом.

— В дождь?

— Под навесом почти сухо. По крайней мере, пока не меняется ветер.

— Долго курили?

— Одну сигарету. Потом ещё постоял. Не могу назвать время. Часов не смотрел.

— Кто-нибудь видел вас снаружи?

— Не знаю. Я не пытался прятаться.

Уитмор подождал.

— До того как войти к Гидеону, — добавил Мерсер.

— Почему всё-таки вошли?

— За письмом.

Он медленно расстегнул пиджак и вынул конверт, тот самый, уголок которого инспектор видел ночью. Положил его на стол, однако пальцев сразу не убрал.

— Прежде чем вы прочтёте, я хотел бы объяснить.

— Можете сначала объяснить. Но решать, относится ли письмо к делу, буду после того, как прочту.

— Мне следовало настоять на присутствии другого поверенного.

— Если вы хотите получить совет, скажите. Мы сделаем перерыв.

Мерсер посмотрел на дверь. Ещё несколько часов назад он считал себя человеком, способным разъяснить полицейским, какие документы им действительно потребуются. Теперь даже просьба о помощи казалась ему признанием чего-то большего, чем он намеревался открыть.

— Я передаю письмо добровольно, — сказал он. — В этом нет сомнений. И хочу, чтобы вы записали: я не знал, что Гидеон мёртв, когда забирал его.

— Мы запишем именно ваши слова.

Он отодвинул конверт.

Внутри был один лист, датированный мартом 1921 года. Мерсер писал Гидеону о переселении вдовы Мортона из дома при нижней мельнице. Несколько деловых строк, в которых

слово «согласие» повторялось дважды. В последнем абзаце он сообщал, что «возражений имущественного характера со стороны проживающей не имеется», и предлагал продолжить подготовку к сносу.

Уитмор дочитал до подписи.

— Возражения имелись?

— Она не хотела уезжать.

— Это мы слышали от неё. Что слышали вы?

Мерсер посмотрел на свои руки.

— Просила оставить до осени. Потом — до весны. Говорила, что муж умер в этом доме. Гидеон полагал, что здание небезопасно. Возможно, оно и было небезопасно. Я не строитель.

— Но написали о согласии.

— Ей предложили другое жильё.

— Она согласилась?

— После того как часть крыши разобрали.

За стеной перестала звенеть посуда. Тишина дала последним словам отчётливость, которой поверенный, кажется, не желал.

— Кто распорядился разобрать крышу?

— Гидеон. Через управляющего.

— Вы знали?

— Да.

Уитмор поднял лист чуть ближе к лампе. Под основным текстом, над подписью, была приписка от руки: Мерсер подтверждал, что вопрос решён и дальнейшей переписки не требуется.

— Что именно вы хотели скрыть, забирая это письмо сейчас? Вдова жива. Дом снесён. Об обстоятельствах она может рассказать без вашей помощи.

— Рассказ старой женщины и собственноручное подтверждение поверенного имеют разный вес для людей, которые будут разбирать дела фонда.

— Вы рассчитывали, что ей опять не поверят?

Мерсер дёрнул плечом, словно Уитмор толкнул его.

— Я рассчитывал, что не придётся отвечать на вопрос, почему я так написал. Когда это случилось, я называл себя посредником. Теперь не уверен, был ли посредником хотя бы в одном настоящем споре. Обычно я объяснял одной стороне, почему ей следует принять решение другой.

Инспектор сделал первую запись. Поверенный проследил за карандашом, затем откинулся в кресле.

— Почему письмо оказалось на столе в субботу?

— Гидеон вынул старые папки из-за продажи. Состояние земли, прежние обещания жильцам, помощь, которую выдавали или считали выданной. Он спросил, не было ли у нас оснований провести переселение иначе. При этом положил передо мной моё же письмо. Он умел задавать вопросы так, чтобы любой ответ обошёлся вам дорого.

— Угрожал вам?

— Сказал, что проверяющий должен получить всю историю фонда. И что для некоторых из нас она началась не в прошлом году.

— Когда он это сказал?

— Вчера днём. До ужина. Вот почему я не хотел ждать девяти часов.

Рид придвинул к себе запись вечерних перемещений.

— Вы знали, в какой папке лежит письмо?

— Видел, куда Гидеон его убрал. Папка с красной тесёмкой, на столе ближе к окнам.

— И она была там, когда вы вошли после звонка?

— Да. Раскрыта. Письмо сверху. Я вынул его и вернул тесёмку как было.

— Что ещё вы трогали?

Мерсер начал отвечать, остановился и закрыл глаза.

— Край стола. Возможно, спинку кресла. Не могу поклясться. Не стоит превращать это в точный осмотр, которого я не проводил.

— Мы и не превращаем, — сказал Уитмор. — Покажете, как вошли?

Картографическая комната стояла запертой. Пока констебль отыскивал ключ, Мерсер остановился у противоположной стены. При свете холла он казался заметно старше своих пятидесяти одного года. Уитмор не стал торопить его.

— Я всё думаю, что мог просто подойти к нему, — произнёс поверенный. — Сказать: Гидеон, хватит. Или хоть спросить, почему он не отвечает.

— Если заметили бы, что случилось, стали бы звать на помощь?

— Конечно.

— Тогда мы должны проверить, действительно ли вы могли не заметить.

После дневной съёмки предметы со стола перенесли на отдельные подложки. Кресло осталось в комнате, отодвинутое от отмеченного места. Рид достал план, сверил расстояния и попросил констебля помочь вернуть кресло в положение, зафиксированное фотографом. Сам сел, не пытаясь изображать точную позу погибшего.

Мерсер остался у порога.

— Я не вошёл сразу. Дверь была приоткрыта. Свет только на столе. Он часто сидел так, и все знали, что, если спит, будить его не надо.

— Пройдите до места, где взяли письмо.

Поверенный сделал четыре шага, остановился у угла стола и протянул руку к пустому участку, где лежала папка. Отсюда видна была правая рука сидящего, часть плеча и седая прядь над высокой спинкой. Лицо закрывали кресло и наклон головы. Чтобы рассмотреть затылок сбоку, требовалось ещё шагнуть к окнам.

— Вы сюда не заходили? — спросил Уитмор, указывая место за креслом.

— Нет.

— А когда позвали его по имени?

— Стоял здесь. Потом взял письмо. Кажется, ещё сказал, что зайду позднее. Скорее для себя, чем для него.

Инспектор сам повторил путь. Со стороны стола затылок Рида почти целиком скрылся за спинкой. В первую ночь Уитмор счёл бы, что любой вошедший обязан был заметить смерть. Теперь стоял здесь и смотрел, как мало действительно видно. Мерсер наблюдал за ним; инспектору это не нравилось, но просить сержанта пересесть было бы нечестно.

— На полу что-нибудь было? — спросил Рид.

— Я смотрел на папку.

— Второй бронзовый упор на полке видели?

Мерсер перевёл взгляд на ряд атласов.

— Они там стоят много лет. Я не обратил внимания, сколько их.

— Книга фонда уже была открыта?

— Да. Левее папки. Под неё что-то подложили.

Уитмор посмотрел на сержанта. Пустой конверт под корешком был отражён на первом плане комнаты, но гостям о нём не рассказывали.

— Что именно?

— Не знаю. Светлое. Иначе тяжёлая половина закрывалась бы сама. У Гидеона была привычка пихать под книги всё, что попадётся.

Возможно, это была память о подлинном посещении. Возможно, поверенный видел книгу днём или услышал о ней от того, кто вошёл после обнаружения. Инспектор отметил подробность, не повышая её до оправдания.

Они вышли в холл. На ступеньках лестницы сидела Клара, держа в руках кофейную чашку. Увидев Мерсера, она поднялась.

— Вы ещё здесь?

— Да.

— Я просила вас оставить разговоры о земле до завтра.

— Сейчас не о земле.

Она посмотрела на конверт в папке инспектора и словно поняла, о чём именно. Может быть, знала от отца. Может быть, просто поняла по лицу поверенного.

— Всё равно о земле, — сказала Клара. — Только теперь вы называете это бумагами.

Она ушла наверх, не допив кофе. Мерсер проводил её взглядом.

— Она давно так со мной разговаривает.

— Значит, вы давно знали, что она думает, — заметил Рид.

В библиотеке Уитмор попросил поверенного отдельно описать, сколько времени тот провёл на крыльце. Мерсер не сумел точнее. Сигарету докурил до конца, потом стоял, пока пальцы не начали мёрзнуть. Вернулся через парадную дверь, снял пальто. Из столовой слышал голос доктора, но слов не различил. К Гидеону вошёл со стороны холла. Ушёл той же дорогой. В столовую вернулся, когда там ещё не было Клары.

— Её не было всё время вашего отсутствия? — спросил Уитмор.

— Не уверен. Я заметил только, что стул пуст.

— Служебной дверью комнаты не пользовались?

— Нет.

— Кого-нибудь видели в заднем коридоре после звонка?

— Не помню. Я шёл к холлу, хотел выйти покурить. Если и прошёл кто-то у кухни, я бы не стал смотреть.

Теперь в его рассказе появилось больше неопределённости, чем прежде. Это могло быть движением к правде, а могло — способом сделать рассказ менее уязвимым. Уитмор предложил прочесть запись и указать каждую неточность. Мерсер заменил «сразу после» на «позднее в тот же промежуток» и подписал обе страницы.

— Вы меня задержите?

— Пока я прошу вас остаться доступным и не обсуждать показания с другими. Если хотите ночевать у себя, констебль отвезёт вас и утром привезёт. Не уезжайте из Блэквуда, не передавайте никому бумаги из этого дома.

— Я предпочёл бы у себя.

Уитмор согласился. Он ещё не мог исключить поверенного. Не мог и превращать добровольное признание постороннего проступка в достаточное основание объявить раскрытым убийство.

Когда Мерсер уехал, Рид вернулся в картографическую комнату. На чистом месте стола лежали отметки фотографа, и одна из них обозначала маленький листок под чернильницей. Ночью они сохранили его положение, днём сняли обе стороны, затем перенесли вместе с остальным.

Сержант попросил принести подложку с листком. Это оказался обрывок заказа хозяйственных товаров. Лицевая сторона была исписана чужими короткими строками: фитили, бумага, мыло. На обороте Гидеон сделал приписку для Беатрис — принести книгу за тридцатый год и приложения. Отдельно стояло: «№ 47 мне, не оставлять в общей папке».

Ни даты, ни часа. Распоряжение, которое само по себе не объясняло, когда его исполнили.

Рид вернул лист на подложку и направился к кухне. Миссис Марч считала пустые тарелки. Услышав вопрос о заказе, она сначала указала на полку, затем задумалась.

— Этот лист я писала в субботу. После обеда. Там ещё должна быть приписка про шнур для лампы.

— Она есть. Кто передал лист хозяину?

— Люси отнесла ему на подпись. Мне требовалось подтвердить заказ. Он оставил у себя.

— До ужина?

— Да. А что с ним потом было, я не знаю. Спросите Люси. Только дайте ей доесть.

В буфетной горничная сидела над тарелкой, не сняв передника. На столе рядом стояла кружка, из которой поднимался пар. Рид вернулся в холл и подождал.

Через десять минут она вышла сама. Сержант показал ей копию лицевой стороны заказа, не оборот.

— Помните, куда отнесли?

— Сэру Гидеону, как велела миссис Марч. Он сказал: оставь. Потом отдал, когда я принесла чай. Велел передать миссис Лэнг.

— Сам велел?

— Да. Я положила лист в кабинете. Она ещё шла из столовой.

— Что она сказала, когда пришла?

— Ничего. Взяла и прочла. Потом спросила, допил ли хозяин. Я сказала, что только поставила чашку.

Рид не стал спрашивать, отправилась ли Беатрис к Гидеону. Ответ мог оказаться догадкой, возникшей уже из сегодняшнего вопроса. Он записал только передачу.

Инспектор встретил его у лестницы.

— Новое?

— Пока порядок двух действий. Хозяин приказал принести книгу после того, как получил чай. Лист дошёл до секретаря. Она знала, что он ждёт.

— А она сказала, когда отнесла книгу?

— Мы спрашивали о подносе. О книге — ещё нет так, чтобы пришлось назвать, кто её нёс.

Уитмор посмотрел на часы. Дом снова приближался к девяти, и впервые за весь день это совпадение не вызвало в нём воспоминаний о пропавшей женщине.

— Утром зададим другой вопрос, — сказал он. — Начнём с того, как тяжёлая книга оказалась на его столе.

Глава 10. Понедельничная отправка

Перевозчик приехал, когда в доме ещё завтракали. Он остановил крытый фургон у бокового входа и постучал в кухонное окно костяшками пальцев. Миссис Марч открыла створку, собираясь попросить подождать, но увидела за его плечом Прайса и только сказала:

— Книги никуда не поедут, Перси.

— Мне бы знать это внизу, у ворот. Я бы задним ходом не лез. Там ветку снесло, пройти почти негде.

Прайс объяснил, что отправку задержала полиция. Перевозчик снял кепку.

— Из-за хозяина? Слышал вчера. Жалко человека.

Он помолчал и добавил:

— В расчётах со мной никогда не тянул.

На фургоне стояло «П. Булл и сын». Сын, мальчик лет четырнадцати, сидел рядом с водительским местом, завернув колени в мешковину. Рид попросил миссис Марч дать ему чаю. Булл сперва хотел возразить, но сын уже спрыгнул на землю.

— Кто заказал перевозку? — спросил сержант.

— Миссис Лэнг. Как обычно. В четверг прислала записку, потом говорила по телефону. Забрать в понедельник утром, отвезти в мастерскую Берроуза. Я туда каждый понедельник везу из города, из поместья беру по пути.

— Что именно предстояло забрать?

— Ящик с отчётами. Сказала, в этот раз немного, поставлю на сиденье сзади.

Булл показал маленькую книжку заказов. Рядом с названием поместья стояли дата, адрес мастерской и карандашная помета: «5 томов, один ящик». Рид попросил объяснить цифру, не указав на неё пальцем.

— Пять старых томов. Я её спросил, нужен ли большой ящик. У меня ещё один был. Она сказала, хватит прежнего.

— Вы сами привезли пустой?

— Да. Во вторник оставил. В четверг она подтвердила, что будет отправлять. Мы ими меняемся: Берроуз присылает обратно переплетённые книги в таком же. Бумагу и бечёвку они свои берут.

Рид переписал запись и попросил Булла дождаться инспектора. Тот посмотрел на часы, затем на кухню, куда ушёл сын.

— Дождусь. Только если задержите до десяти, придётся мне Берроузу звонить. Он ворчит, когда на обед не успевают.

Уитмор вышел из библиотеки с папкой под мышкой. На завтрак он так и не сел: утренняя почта принесла копии первых опросов Элеоноры и записку от врача, исследовавшего тело. Инспектор успел прочесть только медицинскую часть. Она подтверждала смерть от тяжёлого повреждения головы, но не предлагала часа, которым можно было бы заменить расследование. На странице карандашом были отмечены вопросы о форме предмета и возможности продолжительного движения после удара.

Услышав о пяти томах, Уитмор попросил принести список Беатрис. В нём значились «старые отчёты фонда и приложения» без количества.

— Она обещала составить перечень, — напомнил Рид. — Это список отправлений, не книг.

— Значит, выясним содержимое сейчас. Пусть миссис Лэнг и миссис Марч присутствуют. Прайс, пригласите фотографа, если он ещё в городе. Буллу придётся пока позвонить Берроузу.

Перевозчик сходил к телефону. Рид остался возле аппарата с его согласия, записав имя человека, ответившего из мастерской, и просьбу сохранить переписку об этой партии. Затем поговорил с ним сам. Пять отчётов за старые годы — именно столько ожидали. Никаких дополнительных свёртков или вещей к починке не заказывали.

— Ящик иногда набивают бумагой, — заметил Булл, когда разговор кончился. — Чтобы в дороге не ходило. Четыре книги или пять по весу всё равно не скажешь. Там доски больше весят.

— Вы правильно предупреждаете, — ответил Рид. — Вес мы не собираемся угадывать.

В кладовой до открытия сфотографировали бумажную полоску на двери, подписи и запор. Прайс показал журнал, затем отпер. За ночь никто не входил. Рид и сменный констебль вынесли ящик в пустую комнату возле кухни, где миссис Марч освободила широкий стол.

Беатрис пришла в тёмной юбке и вязаной кофте. Серого костюма на ней уже не было. Она смотрела не на ящик, а на людей, расставлявших лампы.

— Можно узнать, что именно вы надеетесь там найти?

— Проверим то, что должно было покинуть дом, — сказал Уитмор. — Вы помните, сколько томов уложили?

— Пять. И несколько старых тетрадей, если поместились. Я закончила упаковывать в субботу.

— В четверг уже знали, что они уйдут в понедельник?

— Разумеется. Я говорила об этом констеблю. Ничего не приготовлено тайком.

— Кто ещё укладывал вещи в ящик?

— Никто. Ада перевязывала вместе со мной.

Миссис Марч стояла у двери. При имени она подняла голову.

— Я принесла бумагу. Верхние книги уже лежали. Нижних не видела.

Рид прочёл вслух ночное описание упаковки: два узла, направление бечёвки, надрыв у нижнего угла. Состояние совпадало с записью. Затем разрезал шнур в стороне от узлов и уложил его на чистый лист, сохранив перевязку целой насколько возможно. Снял наружную бумагу.

Внутри лежали два тома в серых обложках. На верхнем сохранилась выцветшая наклейка: отчёт фонда за 1909 год. Под ним — ещё два, расположенные поперёк. Пятый стоял вдоль стенки, закрывая узкий промежуток. Старые тетради были подложены снизу.

Рид диктовал названия и годы, Прайс записывал. Уитмор следил за Беатрис. Она переминалась с ноги на ногу, словно мёрзла, хотя в комнате было тепло.

Когда четвёртый том сняли, в промежутке возле стенки показалась светлая ткань.

— Это прокладка? — спросил сержант.

— Должно быть. Я брала то, что было под рукой.

— Вы помните, что именно взяли?

Беатрис нахмурилась, наклонилась вперёд и сразу выпрямилась.

— Подождите. Это похоже на мой пыльник.

Миссис Марч приблизилась на шаг.

— Да. Здесь подшитый край. Я его зашивала в прошлом месяце, когда вы зацепились за ручку шкафа.

Уитмор поднял ладонь, останавливая её.

— Не трогайте пока.

Ткань была свёрнута плотно, но неровно. Один рукав оказался внутри, другой тянулся под пятый том. На нём темнело несколько пятен. Рид извлёк книгу и только после этого смог увидеть свёрток целиком. Он не поднимал его за край: подложил плоскую доску, перенёс на отдельный участок стола и попросил фотографа снять положение складок.

Ни Беатрис, ни экономка больше не говорили.

Раскрыв верхний слой, сержант остановился. Из ткани выступала бронзовая голова птицы. Ниже — тяжёлая квадратная подставка, обращённая одним углом вверх. На тёмном металле были засохшие пятна. Часть зелёной подкладки снизу отслоилась, у одного края её не хватало.

Фотограф переставил лампу. За стеной Булл негромко сказал сыну оставаться на кухне.

Уитмор дождался, пока снимут и этот слой.

— Кто из вас видел упор в субботу после ужина?

Миссис Марч покачала головой.

Беатрис смотрела на птицу. Она не отступила и не попыталась схватиться за стол; только её руки, до того спрятанные в карманах кофты, медленно вышли наружу.

— Я его не клала.

— Вы узнаёте вещь?

— Конечно. Он стоял у атласов. Но я его не клала. И пыльник не брала для упаковки. Я сказала про прокладку, потому что не знала, что вы показываете.

Рид записал ответ дословно. Беатрис повернулась к нему.

— Вы ведь понимаете, что кабинет был открыт? Любой мог зайти. Вчера вы сами спрашивали про ключ.

— Помним, — сказал Уитмор. — Сейчас нам нужно закончить осмотр.

Птицу не стали отмывать или примерять к её месту на полке. Инспектор вызвал врача, а до его прихода оставил предмет на столе под наблюдением констебля. В складке ткани лежал узкий обрывок бумаги. Рид сфотографировал его, прежде чем вынуть. Цифры на видимом крае составляли «47».

На этот раз Беатрис отступила.

— Что это? — спросила она.

— Пока не знаем.

Прайс подложил под бумагу чистый лист. Это был не целый документ, а оторванный уголок с номером и частью напечатанной строки. Рид узнал расположение граф из приложений к книге, но оставил узнавание при себе: требовалось сравнение.

— Миссис Лэнг, — сказал Уитмор, — до окончания проверки прошу вас оставаться в маленькой гостиной. Констебль проводит. Если хотите позвать кого-нибудь, кто поможет вам с ответами и документами, скажите.

— Вы уже всё решили.

— Нет. Поэтому проверка и продолжится.

— Тогда запишите, что я говорю. Это мой рабочий пыльник. Его мог взять любой. Я оставляла его за дверью. Ящик стоял открытый весь день. Если вы сейчас дадите им рассказать, что я сама завернула…

Она резко повернулась к экономке.

— Ада, вы видели, как я укладывала книги?

Миссис Марч стиснула руки.

— Верхние уже лежали, когда я пришла.

— Скажите это ещё раз. Чтобы они услышали.

— Мы услышали, — сказал Рид.

Беатрис вышла вслед за констеблем. У двери задержалась, будто хотела вернуться и добавить ещё что-то, но потом пошла дальше.

Экономка смотрела на оставленный ею стул.

— Она могла не знать, что внизу? Книги ведь укладывают сверху… То есть сначала нижние, конечно. Я не понимаю, что говорю.

— Сядьте, миссис Марч. Мы попросим вас ещё раз рассказать, что происходило перед тем, как вы перевязывали. Не сейчас, через несколько минут.

Уитмор вывел её на кухню. Сын перевозчика сидел за столом над пустой чашкой, стараясь не смотреть на дверь. Булл встал.

— Нам можно ехать? Или мы нужны?

— Пока нужны только ваша запись и подтверждение, когда вы привезли пустой ящик. Сержант закончит, и можете продолжать маршрут. Пожалуйста, не обсуждайте увиденное с людьми по дороге.

Булл кивнул. Для него просьба означала нечто определённое и трудное: первый же заказчик спросит, почему он опоздал.

— Скажу, задержали на погрузке. Это ведь правда.

— Это правда.

Инспектор вернулся к столу. Рид стоял рядом с пыльником, не касаясь ткани.

— Обрывок с номером был внутри складки у основания. Мог попасть туда вместе с упором. Мог лежать в пыльнике раньше. Пока только положение.

— Угол оторван свежо?

— Не возьмусь сказать по виду. Бумага старая, край светлее, чем лицевая сторона. Но это ещё не дата разрыва.

Уитмор осмотрел ряд томов. На двух обложках остались вдавленные полосы от складок; ткань долго лежала прижатой. «Долго» здесь могло означать и ночь, и полтора дня. Подкладка упора, тёмные пятна, пыльник и номер сорок семь превращали предмет в сильную улику. Ни одна из этих деталей не называла руки, которой он был спрятан.

— Её кабинет был открыт, — произнёс инспектор. — Мы должны проверить эту возможность так же старательно, как проверяли бы, если бы она сама о ней не напомнила.

— Проверим. Но после закрытия доступа не было.

— После — да. Нас интересует до.

Врач приехал вместе с посыльным из окружного управления. Пыльник, упор и бумажный обрывок упаковали раздельно после описания и съёмки. Уитмор попросил исследовать пятна и состояние основания, не предлагая готового ответа о том, чья это кровь. Зелёный треугольник из комнаты отправили отдельным пакетом. Для сопоставления приложили снимки второго упора, его размеры и описание материала; сам второй предмет сняли с полки уже при свидетелях и оформили отдельно.

Пока констебль готовился ехать с вещами в управление, Рид вернулся к миссис Марч. Экономка рассказала почти то же, что утром в воскресенье: Беатрис принесла поднос, попросила крепкую бечёвку, затем позвала помочь. Когда Ада вошла в кабинет, всё уже было сложено. Пришлось лишь поправить верхний том, мешавший опустить крышку. Светлой ткани она не видела, пятен не заметила.

— Она из кабинета при вас выходила?

— Нет. Только я сходила за ножницами. Бечёвка была длинная.

— На сколько?

— Дошла до кухни и вернулась. Минуты две. Может быть, меньше.

— Кто-нибудь прошёл мимо?

— Не помню. Сержант, если бы я знала, что нужно смотреть…

— Тогда вы смотрели бы на всё иначе. Нам нужен обычный вечер, каким вы его запомнили.

Она кивнула и попросила снова взглянуть на список томов. Номера ей ничего не сказали.

К полудню в доме знали о находке. Уитмор не сообщал подробностей семье, однако спрятать сам осмотр было невозможно: слишком много людей участвовало, слишком долго стоял у дверей чужой фургон. Джулиан встретил инспектора в холле.

— Это Беатрис?

— Мы проверяем предметы, обнаруженные в подготовленной отправке.

— Но вы же её отвели.

— Чтобы поговорить отдельно.

— Со мной вы так не делали.

Уитмор посмотрел на него, и Джулиан поправился:

— То есть не так, чтобы все поняли.

— Иногда все понимают больше, чем установлено. Не помогайте им.

Молодой человек отступил. Из столовой выглянула Люси; экономка тут же позвала её обратно. В доме уже шептались. Уитмор представил, с каким облегчением за ужином заговорят о Беатрис люди, чьи письма пока лежали у него в папке.

Рид принёс из города сообщение от Восса и его брата. По книгам перевозчика в октябре тридцатого года фонд выплатил сумму за уголь, соответствовавшую цифре на спорном корешке. Требовалась сверка с книгой фонда, но характер первоначального платежа подтверждался. Инициалы относились к человеку, получившему деньги за доставку.

— Восс завтра готов явиться, — сказал сержант. — Я бы предпочёл сначала сам увидеть книгу. Брат сообщил по телефону, а не передал документ.

— Поезжайте после обеда. Возьмите Прайса.

Уитмор раскрыл одну из личных папок Гидеона. На чистом конверте рукой хозяина было написано: «Сверить дважды оплаченные суммы». Внутри лежали три корешка, несколько собственных подсчётов и пустая полоска бумаги, служившая закладкой. Расписки номер сорок семь не было.

Инспектор провёл пальцем над листом, не касаясь: одну и ту же сумму Гидеон обвёл в двух разных местах. Получалось, в главной книге она значилась расходом дважды — один раз как оплата угля, второй как содержание Элеоноры Вейл.

Теперь имя исчезнувшей девушки переставало быть обещанием, что её видели живой. Оно становилось названием чужого долга.

За окном проехал фургон Булла. Мальчик сидел рядом с отцом, держа в руках свёрток хлеба, который дала экономка. Заднее сиденье, предназначенное для ящика, осталось пустым.

Глава 11. Пепел в решётке

Первую пачку семейных бумаг Клара принесла сама. Положила на стол в библиотеке и придержала ладонью верхний лист, который загнулся от сквозняка.

— Это из шкафа возле отцовской спальни. Вы просили личные папки. Не знаю, что из этого вам нужно.

Уитмор поблагодарил. Клара не ушла.

— Там письма матери.

— Мы постараемся отделить их от деловых.

— Я хочу знать, кто будет читать.

— Я. При необходимости сержант. Если письмо потребуется для дела, об этом придётся сообщить.

Она провела пальцем по краю папки, не открывая.

— При жизни он всем распоряжался. Теперь получается то же самое, только от его имени действуете вы.

Инспектор отложил карандаш.

— Я не могу обещать не читать документ до того, как узнаю, к чему он относится. Но могу обещать не пересказывать вашей семье то, что к расследованию не относится.

— Семья и так знает. Не всё, но достаточно.

В открытой папке сверху лежал счёт за ремонт дороги. Под ним — перечень небольших выплат, несколько писем управляющего и конверт с именем Хелен Эшкрофт. Даты деловых записей относились к разным годам. Уитмор попросил Клару остаться, пока он опишет пачку в том порядке, в каком она была найдена.

Она села у окна, отвернув стул от стола. Пока инспектор работал, фотограф снял общий вид, затем отдельные листы, которые сопоставлялись с расходной книгой. На одном Гидеон свёл суммы по двум разным счетам; на другом рукой прежнего управляющего было указано, сколько домов действительно заселено.

Число не соответствовало поздней ведомости.

— Кто делал надписи на конвертах? — спросил Уитмор.

— Отец. Я не сортировала, просто вынула.

— Здесь есть что-нибудь, чего раньше не было?

— Я раньше шкаф не открывала.

Слово «раньше» прозвучало у неё как название уже закончившейся жизни.

Уитмор переложил деловые документы на отдельный лист. Письма Хелен оставил в конверте, отметив, что их ещё не просмотрели. Клара проследила за его рукой.

— Вы их пока оставите?

— Пока да. Я начну с того, что связывается со счетами. Но папка должна остаться здесь.

Она кивнула. Приподнялась, словно собиралась что-то спросить, затем вышла.

В полдень Рид и Прайс поехали к Воссам. В конторе пахло углём, мокрыми пальто и прогретой печью. Старший брат Эдвина оказался худым человеком с неожиданно мягким голосом. Он постелил на стол газету, чтобы не пачкать полицейские бумаги, и принёс две тяжёлые книги.

Записи за октябрь тридцатого года не пришлось искать долго. Дата и сумма совпали с лицевой стороной корешка. Эдвин забрал плату за несколько доставок в домики фонда, передал её брату и расписался в конторской книге. На полях стояла отметка, что одна квитанция выдана на общий расчёт.

— Почему бумага осталась у миссис Дейл? — спросил Рид.

Эдвин снял кепку, которую надел по привычке ещё до выхода из дома.

— Мог оставить. Я возил уголь и развозил карточки, если из поместья передавали. Не помню. Но деньги брал в конторе Эшкрофта.

— Вы расписывались на обороте именно этой квитанции за получение всей суммы?

— Похоже. Вот тут написано столько же, сколько я отдал брату. А почему там внизу потом оказались другие слова, я не знаю.

Рид показал сделанную им точную копию оборота. В первоначальном осмотре они читали только короткую расписку и инициалы; теперь требовалось учесть весь текст. Ниже подписи, ближе к краю, другим нажимом было приписано: «содержание, н. мельница». В книге фонда под тем же месяцем стояла та же сумма, но уже напротив фамилии Вейл.

Сам лист не мог принадлежать двум разным выдачам наличных, если деньги передали однажды. Его можно было приложить к общей оплате угля или к помощи жильцу, но для второй записи требовалось другое основание. В папке Гидеона оно отсутствовало.

Старший Восс нашёл ещё одну доставку с похожим расхождением: деньги были получены единожды, дата в книге фонда повторялась под другим назначением. Здесь фамилия была не Вейл. Рид записал её и попросил сохранить книгу открытой на нужном месте до изготовления копии.

— Он наш счёт проверял на прошлой неделе, — сказал старший брат. — Сам хозяин. Позвонил спросить, не получали ли мы дважды. Я сказал: получил бы, не обиделся бы. Он не засмеялся.

— В какой день звонил?

— В пятницу. В первой половине дня. Я потому помню, что ждал денег от пекаря, а мне вместо денег предлагают сомнение, будто я лишнее взял.

Прайс поднял голову.

— Кто ещё слышал разговор?

— Эдвин был на дворе. Может, племянник. Лучше спросить, чем я сейчас за них отвечу.

Они спросили. Племянник подтвердил, что дядя говорил с поместьем, но содержания не слышал. Эдвин вспомнил только раздражение брата после звонка. В отчёт вошло и это различие.

По дороге назад Прайс остановил машину у поворота к мельнице. Дорогу здесь подсыпали щебнем, и Рид попросил осмотреть тот участок, к которому обещал вернуться. На краю стояла тележка Норра, за ней — остаток кучи камня под брезентом.

В ящике у садового сарая нашлась накладная на щебень за четверг. Норр привёз его на подводе с рабочим из деревни и ремонтировал размытый спуск. Следы колёс вели к сушильне, где лежали инструменты и запасные рамы. Замок открыли ключом Норра в присутствии обоих полицейских. Внутри не было ни спального места, ни чужих вещей, ни следов недавнего пребывания, которые отличались бы от обычной работы садовника.

Рид записал хозяйственное объяснение и не стал оставлять за сараем таинственность, которой у него больше не было.

Когда они подъехали к дому, Люси стояла на ступеньках бокового входа. Она замахала рукой раньше, чем машина остановилась.

— Инспектор наверху. Мисс Клара сожгла бумаги.

Рид взбежал по лестнице. В верхней гостиной пахло дымом, а возле камина лежала металлическая коробка для писем. Часть содержимого осталась внутри, часть почернела в решётке. Уитмор стоял перед огнём, закрыв заслонку; миссис Марч держала Клару за запястье. Девушка вырывалась без настоящей силы, скорее от унижения, чем от желания продолжить.

— Отпустите, Ада. Я больше не стану.

Экономка посмотрела на инспектора. Тот кивнул, и она отпустила.

— Что успело сгореть? — спросил Рид.

— Разберём после того, как остынет, — ответил Уитмор. — Люси, принесите, пожалуйста, чистую коробку. Эту пока не трогаем.

Клара села на диван. На пальце у неё появился красный след. Она спрятала руку в складках юбки.

— Если хотите ещё и меня запереть, не откладывайте.

— Я хочу понять, что произошло.

— Вы же видите.

— Вижу сожжённые бумаги. Не знаю, какие и почему.

Она посмотрела на него с ненавистью, совсем не похожей на прежнюю настороженность. Уитмор придвинул стул, сел и попросил экономку позвать доктора посмотреть руку. Клара хотела отказаться, но вдруг поморщилась и передумала.

Пока ждали Фенвика, Люси рассказала: Клара взяла из библиотеки папку, с которой утром спускалась, прошла наверх. Через некоторое время горничная зашла спросить про огонь и увидела письма в решётке. Позвала инспектора, который как раз выходил из соседней комнаты Эстер.

— Они уже горели, когда я вошла. Я попыталась вытащить, мисс Клара сказала не трогать.

— Ты могла обжечься, — сказала Клара.

— Вы тоже могли, мисс.

На этом Люси замолчала, словно ответила слишком смело. Рид попросил её остаться неподалёку: позднее нужно будет записать всё по порядку.

Когда доктор закончил с рукой, Уитмор попросил всех выйти. Сержант задержался у двери, но инспектор дал понять, что тоже может подождать в коридоре. Клара села ровнее.

— Теперь без свидетелей?

— Теперь я хочу услышать объяснение, не заставляя вас говорить при людях о матери. Само уничтожение всё равно придётся описать.

Несколько секунд она смотрела на камин.

— Она писала ему из этого дома. Вы понимаете? Из комнаты наверху в комнату внизу. Не могла сказать так, чтобы он не прервал. Писала. Просила разрешить пожить у сестры. Просила не читать мои письма. Мне было шестнадцать, семнадцать. Он считал, что мать меня портит. Потом он всё это сохранил.

— Вы знали раньше?

— Некоторые письма видела. Не знала, что оставил все. Сложил рядом со счетами, как подтверждение собственной правоты. Он же на полях отвечал. Не ей. Для себя. «Преувеличение». «Истерика». Будто проверял чужую жалобу на неисправную печь.

Клара подняла голову.

— Утром я дала вам папку, потому что вы просили. Потом подумала: вы прочтёте, Рид прочтёт, констебль понесёт в управление. Каждый будет знать, как она просила. А отец останется человеком, о котором нельзя плохо говорить, потому что его убили.

— Его убийство не делает правдой всё, что он писал о других.

— Но делает важным всё, что он сохранил.

Уитмор посмотрел на коробку. В одном углу сохранился конверт, почерневший только по краю; адрес разобрать было можно. Другие листы превратились в тонкие серые пластины, которые разрушились бы от прикосновения.

— Что кроме писем вы взяли?

— Папку целиком. Я думала отделить здесь. Начала с конвертов матери. Потом бумаги слиплись, я разозлилась. Не знаю, что попало в огонь вместе с ними.

— Вы хотели уничтожить записи о фонде?

— Нет. Я бы с удовольствием отдала их всем жильцам. Пусть посмотрят, какая у него была доброта. Я не хотела уничтожать то, что нужно, чтобы найти убийцу. Только чтобы он перестал решать, что останется от матери.

Он оставил ей время успокоиться и попросил перечислить всё, что помнила из конвертов. Без пересказа содержания, если оно не касалось денег, угроз или событий последних недель.

Клара перечисляла медленно. Между письмами лежали два счёта, старая фотография, открытка из приморского пансиона. На обороте одного конверта отец подсчитывал расходы на домики. Уитмор уточнил цвет и размер, сверил с утренней описью.

Этот лист был снят фотографом вместе с другими деловыми приписками. Его данные сохранились. Как минимум часть необратимой потери касалась не расследования, а семейной памяти, которую полицейский не имел возможности восстановить.

— Копии были сделаны? — спросила Клара, заметив его взгляд.

— С некоторых деловых листов. Не со всех писем.

Она закрыла лицо ладонью — здоровой.

— Тогда я всё равно ничего не решила.

— Решили кое-что, чего уже нельзя отменить. Остальное ещё можно сохранить.

Она опустила руку.

— Вы любили свою жену?

Вопрос оказался настолько неожиданным, что Уитмор ответил прежде, чем успел защититься привычной сдержанностью:

— Да.

— Вы бы позволили чужим людям читать её письма?

Он вспомнил маленькую пачку в верхнем ящике собственного стола. Маргарет писала только во время разлук, в основном о повседневных вещах. После её смерти эти страницы приобрели значение, которого она никогда им не придавала.

— Не хотел бы. Но если бы от этого зависело, кто её убил, пришлось бы согласиться. Здесь труднее: письма вашей матери сохранил человек, которого убили позднее. Я не имею права заранее объявить их бесполезными. И не имею права читать из любопытства.

Клара смотрела на него, пока не поняла, что продолжения не будет.

— Я помогу описать то, что осталось, — сказала она.

Рид вернулся, когда его позвали. Остывшие остатки переложили вместе с золой, не пытаясь расправить каждую почерневшую страницу. Клара подписала объяснение и список того, что помнила. Уитмор записал, какие утренние снимки могли восполнить часть утраченного. Не стал называть восстановленными письма, от которых сохранились только края.

Внизу доктор ожидал у камина в холле. Он рассказал, что Клара обожгла палец неопасно, но повязку нужно беречь. Затем спросил, правда ли нашли оружие.

— Нашли предмет, который мог быть оружием, — ответил Уитмор. — Я хотел уточнить другое. Когда вы вошли к Гидеону в субботу, кто находился рядом с ним?

— Клара. Потом прибежал Джулиан. Мерсер показался в дверях. Ада стояла за ним. Эстер пришла чуть позднее, не сразу поняла, что случилось.

— Миссис Лэнг?

— Видел в коридоре. До тела не подходила, насколько помню.

— На одежду кого-нибудь могла попасть кровь, когда вы помогали?

— Клара держала его за руку. Я осматривал голову. Об остальных не скажу. Меня занимало другое.

— Вы давали Беатрис что-нибудь: салфетку, платок, использованную вату?

Фенвик покачал головой.

— Нет. Аде велел принести полотенце. Она принесла, я оставил рядом с креслом. Полагаю, его забрали ваши люди.

Полотенце было учтено в описи комнаты. Уитмор поблагодарил и попросил врача тоже не строить догадок о находке в посылке.

В маленькой гостиной Беатрис сидела с книгой, которую не читала. При ней оставался констебль. Она подняла глаза сразу, как только вошёл инспектор.

— Вы нашли, кто пользовался моим кабинетом?

— Проверяем. Сейчас прошу вас передать костюм, в котором вы были вечером в субботу. Для осмотра. Составим опись и дадим расписку.

— Он висит у меня. Это единственный приличный костюм.

— Вернём, как только будет возможно.

Она медленно выпрямила корешок книги.

— Что вы на нём ищете?

— Следы, которые могут помочь установить, как предметы оказались в ящике. Прошу до передачи ничего не чистить и не стирать.

— Уже поздно: рукав я протирала в субботу. Чернилами испачкала.

— Какой?

— Левый. Там ещё осталось, должно быть.

Инспектор записал ответ. В ночь убийства она держала этот рукав правой рукой. Тогда жест мог означать смущение, холод, привычку. Теперь появилась возможность проверить хотя бы одно объяснение.

Беатрис посмотрела на дверь.

— Я хочу, чтобы дальше со мной был поверенный. Не Мерсер. Другой.

— Назовите, кого пригласить.

Она назвала контору в окружном городе. Уитмор передал просьбу констеблю. Никакой из найденных предметов не давал ему права отменить для неё ту помощь, которой несколько часов назад он позволил воспользоваться Мерсеру.

К вечеру в доме стало тише. Клара оставалась с Эстер. Джулиан уехал с Прайсом в город показывать долговые бумаги и вернулся уже без прежней попытки вести себя хозяином. Норр закрыл оранжерею и принёс экономке растопку — теперь заходя в дом через парадную дверь, без пряток.

Рид свёл записи Воссов с фотографиями, снятыми утром. Два расхода опирались на одно получение денег. В третьем случае старая фамилия была вычеркнута, а сумма перенесена в новую строку без указания действительного получателя. Он обвёл этот случай и написал рядом: «Нужен подлинник основания».

Потом поставил карандаш и пошёл к инспектору.

— Мы знаем, как выглядела схема. Но ещё не знаем, кто забирал разницу. Книги вела Беатрис. Подписи в части распоряжений — Гидеона. Если она скажет, что выполняла его волю, одной ведомостью мы этого не опровергнем.

— Не опровергнем, — согласился Уитмор.

— И птица могла попасть в открытый ящик до того, как она его закрыла.

— Могла.

Сержант подвинул ему утреннюю фотографию папки. На верхнем листе было распоряжение, составленное не позже пятницы. На нижнем — запись об оплате с другой датой.

— Тогда нужно выяснить, чья воля здесь изложена на самом деле.

Уитмор придвинул лампу. За дверью миссис Марч выключала свет в столовой. Рид вернулся к своим столбцам и вскоре выругался вполголоса: сбился на одну строку. Инспектор подал ему чистый лист. Сам ещё некоторое время видел перед собой коробку возле камина и руку Клары с красным следом на пальце.

Глава 12. Обратная сторона листка

Во вторник утром мистер Кроу приехал из окружного города на собственной машине. Поверенный, которого выбрала Беатрис, оказался невысоким человеком с седыми бровями и портфелем, застёгнутым на ремешок. Он не стал обсуждать дело в холле. Попросил комнату для разговора с клиенткой и, прежде чем уйти к ней, уточнил, какие вещи уже изъяты.

Уитмор передал копию описи. Кроу просмотрел её, остановился на сером костюме и спросил, где находится оригинальная упаковка ящика. Узнав, что она сохранена, кивнул.

— Значит, потом можно будет вернуться к тому, что и как вы открывали.

— Можно будет, — ответил инспектор.

Сама точность вопроса была ему полезна. В последние сутки дом начал относиться к найденному упору как к ответу, а полиция ещё должна была объяснить его путь.

Пока Кроу разговаривал с Беатрис, Рид принёс из кабинета секретаря несколько писем о текущих выплатах. В одной пачке нашлось распоряжение о выдаче ей денег. Подпись Гидеона была настоящей, как и дата. На первый взгляд бумага подтверждала то, что Беатрис говорила с самого начала: хозяин выдавал секретарю суммы помимо жалованья.

Инспектор прочитал короткий текст и передал обратно.

— Найдите, к чему он относится.

— Уже ищу. Дата — июнь двадцать шестого. В главной книге стоит разовая помощь после смерти мужа. А здесь, — сержант показал другую страницу, — почти такую же формулировку приписали к нескольким более поздним выдачам. Без новых распоряжений.

— Возможно, он продолжал помогать.

— Возможно. Но первоначальную сумму она вернула. Есть три вычета из жалованья и её собственная пометка о закрытии долга. Зачем возвращать помощь, которую потом ещё четыре года получать тем же способом?

— Это и спросим.

На столе Беатрис всякий документ имел своё место; за пределами её стола одни и те же слова начинали означать разное. «Содержание» покрывало и уголь, и помощь жильцу, и неясную выплату. «По распоряжению» могло обозначать записку хозяина, устный приказ или обычай, который никто не проверял. Рид составил список таких выражений и напротив каждого указал бумагу, способную подтвердить его смысл.

Графа о поздних выплатах секретарю оставалась пустой.

Беседа началась в половине одиннадцатого. Беатрис сидела между окном и столом; Кроу расположился рядом, положив перед собой блокнот. Уитмор назвал присутствующих и перечислил документы, о которых собирался спросить. Рид вёл запись.

— Сначала я хотела бы уточнить вчерашний ответ, — сказала Беатрис. — В ящике могла быть ткань для прокладки. Я не помню, какую именно положила. Когда увидела пыльник, решила, что вы показываете то, что я сама использовала. Но оружие я не заворачивала.

— «Оружие» — ваше слово? — спросил Уитмор.

Кроу поднял ладонь.

— Вы обнаружили тяжёлый предмет с пятнами и забрали одежду моей клиентки. Не будем делать выводов из слова, которое к этому времени употребляет весь дом.

— Согласен. Запишем как сказала. Миссис Лэнг, когда вы в последний раз держали пыльник до открытия ящика?

— Не помню. В субботу могла надеть днём, когда выбирала отчёты. Могла оставить на спинке стула. Обычно он висел за дверью.

— Никто не просил его одолжить?

— Нет.

— Вы кому-нибудь разрешали пользоваться кабинетом, пока вас не было?

— Никому специально не разрешала. Но дверь стояла открытая. Мисс Эстер брала планы, мисс Клара приходила за семенами, сэр Гидеон входил когда хотел. Переписку иногда просматривал Мерсер.

Рид записал все имена.

— Когда вы уложили нижние тома?

— В субботу. Днём или перед ужином. Не знаю точнее.

— Верхние?

— После ужина.

— Вы вынимали нижние, прежде чем закрыть ящик?

— Нет. Там всё помещалось. Зачем вынимать?

— Чтобы проверить, не изменилось ли содержимое. Вы утверждаете, что кто-то мог его изменить.

Она резко повернулась к Кроу. Тот что-то негромко сказал, и Беатрис ответила уже ровнее:

— Я говорю, что это возможно. Тогда у меня не было причины проверять. Я считала, что в ящике то, что я туда положила.

Уитмор показал ей копию хозяйственного заказа лицевой стороной вверх.

— Вы помните этот лист?

— Да. Заказ миссис Марч.

— Когда получили?

Беатрис смотрела на перечень.

— В субботу. Люси принесла.

— До ужина или после?

— Кажется, после.

Он перевернул копию. Кроу наклонился, прочитал обе короткие строки и поднял глаза на инспектора.

— Оригинал сохранён?

— Снят в комнате до перемещения. Сам лист учтён отдельно. Запись на обороте сделана Гидеоном. Люси говорит, что получила его из его рук вместе с просьбой передать секретарю, когда принесла чай.

Поверенный ещё раз посмотрел на Беатрис.

— Вы можете ответить, если помните.

— Он хотел книгу за тридцатый год, — сказала она. — Я её принесла. Это было обычное распоряжение.

— После чая?

— Если Люси передала тогда, значит, после.

— В субботу ночью вы сказали, что последний раз разговаривали с ним за ужином.

— Разговаривала. Я не считаю разговором, когда человек велит положить книгу и уйти.

Рид перестал писать на мгновение, чтобы не придать этим словам более резкого оттенка собственным пересказом.

— Он велел уйти? — уточнил Уитмор.

— Сказал, что позовёт, когда понадобится. Поднос я забрала позднее.

— Через какую дверь входили с книгой?

— Со стороны коридора.

— Во что были одеты?

— В костюм. Может быть, пыльник был поверх. Я же работала с бумагами.

— Вы его надевали уже после ужина?

— Могла. Я вам сказала, что не помню.

Уитмор не предъявил показание Люси о светлой спине. Он хотел прежде получить рассказ, который не строился бы вокруг попытки от него защититься.

— Что вы принесли кроме книги?

— Папку приложений.

— Документ номер сорок семь был в ней?

— Должен был быть. Если сэр Гидеон не вынул в четверг.

— Вы проверяли перед тем, как отнести?

— Нет.

— Он при вас спросил о сорок седьмом?

Беатрис посмотрела на копию заказа.

— Возможно. Не помню слов. Это было не торжественное заседание. Он просматривал бумаги, я выполняла поручение.

— Вы взяли что-нибудь со стола, когда уходили?

— Только пустой поднос. Позднее.

Кроу спросил, на каком основании полиция связывает обрывок из пыльника с определённым приложением. Уитмор ответил, что исследование ещё не окончено: номер совпадает, но требуется сопоставить бумагу, печатную строку и уцелевшую часть документа, если она найдётся. Подтверждённого соединения краёв пока нет.

Поверенный сделал пометку. Беатрис, казалось, впервые за утро немного расслабилась.

— Значит, вы ещё даже не знаете, что это за клочок.

— Поэтому мы не называем его целой распиской.

Инспектор отложил копию заказа и показал запись о выдаче денег после смерти её мужа.

Беатрис долго смотрела на дату.

— Он тогда помог. Да. Похороны, долги, квартира. Я всё вернула.

— Это следует из ваших записей. А позднейшие суммы под тем же основанием?

— Он иногда выдавал мне помимо жалованья.

— В том числе из фонда?

Она не ответила сразу.

— Сэр Гидеон говорил, что фонд должен помогать людям, которые работают на поместье. Я работала.

— Вы просили помощь письменно?

— Когда-то просила. Позднее он знал моё положение.

— Есть новые распоряжения?

— Он не всё писал.

Рид показал ей копию расходной строки, обозначенной именем Вейл.

— Каким образом помощь вам могла пройти по этому адресу?

— Я не говорила, что прошла.

— Тогда на что ушла эта сумма?

— Нужно смотреть исходные бумаги.

— Мы посмотрели. Такой же суммой оплачены поставки угля. Получение подтверждается книгой поставщика. Отдельной выдачи на содержание жильца по этому адресу не найдено.

Кроу остановил вопрос прежде, чем он был задан.

— Моя клиентка не обязана немедленно объяснять каждое несоответствие за много лет. Вы сами нашли неоднократно исправленные распоряжения владельца. Для проверки счетов нужен специалист.

— Он их проверит, — сказал Уитмор. — Пока мы фиксируем отсутствие объяснения, а не вывод из него.

Беатрис сложила руки на столе.

— Вы хотите представить, будто я брала у старух, чтобы покупать себе платья. Посмотрите на меня. Вчера отдала вам единственный костюм, который могу надеть в город. Одиннадцать лет здесь живу. Комната над конторой, жалованье, которое хозяин считал щедрым, потому что отдельно не брал с меня за уголь. Вы хоть раз спросили, сколько он платил?

— Спрашивали. Проверим по книге жалованья.

— Книги! Вы всё время показываете мне книги. Он мог вызвать ночью и велеть перепечатать письмо, потому что передумал о вежливом обращении. Мог уволить после завтрака и вернуть после обеда. У него были гектары, у меня — ключ от его бумаг. Когда муж умер, он сказал, что теперь мне незачем брать отпуск в августе. Это тоже в книгу записать?

Уитмор не отвёл глаз.

— Если вы хотите сообщить об этом как об обстоятельстве своей работы, запишем. К конкретным суммам всё равно придётся вернуться.

Беатрис отвернулась к окну. Кроу попросил перерыв.

Во время перерыва Уитмор вышел в холл. Джулиан стоял у лестницы, сжимая в руке письмо из банка, которое получил утром. На этот раз не пытался скрыть.

— Они требуют явиться, — сказал он. — Мне придётся.

— Согласуйте поездку с Прайсом. Оставьте адрес, куда едете.

— Я не о разрешении. Вы ведь знали, что так будет, когда брали у меня письмо.

— Да.

Джулиан подождал слов утешения, не получил и убрал письмо в карман.

— Люси не говорите.

— Её не касается то, что вам предстоит объяснить банку. Но скрывать ради вас новые обстоятельства она тоже не должна.

Молодой человек кивнул. За последние два дня он словно утратил часть своей лёгкости вместе с убеждением, что любое неприятное следствие можно отсрочить чужим молчанием.

Беатрис после перерыва отвечала короче. Нового о книге и пыльнике не сообщила. По совету Кроу попросила представить перечень финансовых вопросов письменно, чтобы объяснять их по первичным документам. Уитмор согласился. Давление могло дать ему поспешное признание в одной ошибке и сделать бесполезным всё дальнейшее.

Он попросил ещё уточнить пятно на рукаве.

— Чернила, — ответила она. — Пролила, когда разбирала письма.

— До ужина или после?

— После. Не могу точнее.

— Ранились в тот вечер?

— Нет.

Кроу посмотрел на инспектора, но не вмешался. Вопрос о ране вошёл в запись отдельно от предположения о пятне.

Окончив беседу, Уитмор попросил Кроу остаться на несколько минут. Показал фотографию ящика до вскрытия, перечень упаковки и сообщение о передаче вещей специалистам. Поверенный просмотрел каждую страницу.

— Вы подозреваете не только присвоение денег.

— С самого начала. Сейчас основания стали существеннее.

— Тогда я хочу знать каждый дальнейший шаг, затрагивающий мою клиентку.

Они договорились о порядке следующей беседы в окружном управлении. Уитмор передал дежурному просьбу подготовить необходимые документы и не оставлять Беатрис одну с ещё не просмотренной перепиской. Она услышала конец разговора, когда Кроу вышел к ней, и села обратно, не посмотрев на полицейских.

Рид остался в библиотеке. На копии хозяйственного заказа напротив приписки о книге он карандашом поставил последовательность: чай — лист — кабинет — книга. Ни минуты. Только действия, подтверждённые несколькими людьми.

В этом порядке Беатрис не была посторонним наблюдателем. Она получила требование принести именно те бумаги, из которых позднее исчез номер сорок семь. Показания Люси помещали человека в светлом в коридор уже после передачи записки. Сама Беатрис теперь признавала, что могла быть в пыльнике и входила с книгой.

Он ещё слышал, как Беатрис сказала «единственный костюм». Жалеть её сейчас было так же неудобно, как подозревать. Рид закрыл лишние листы: сначала требовалось дождаться ответа о пятне.

Сержант отложил лист и взял ночную опись одежды. Левый рукав, который секретарь держала правой рукой. Сейчас она объясняла это чернилами и отрицала любую рану. Если экспертиза обнаружит другое, придётся устанавливать путь пятна — с тела, с предмета или от собственной травмы. Угадывать заранее было так же легко, как однажды принять светлую спину за шаль Эстер.

К концу дня из управления сообщили, что на бронзовой подставке замечен след пальца в одном из тёмных пятен. Уитмор попросил не давать по телефону окончательных заключений. Нужны были снимки, описание сохранности и образцы для сравнения. Сам он не собирался рассматривать узор под лупой и объявлять, кому он принадлежит.

Образцы начали получать у людей, которые могли трогать упор. Беатрис при Кроу согласилась первой.

— Я много лет переставляла его, — сказала она. — Разумеется, там могут быть мои пальцы.

— Это будет учтено.

После неё образцы дали домашние, прислуга и полицейские, имевшие дело с находкой. Последние требовались по другой причине: нельзя было принять собственное позднее прикосновение за след преступления. Рид сверил, кто и в какой последовательности вынимал предметы, и приложил к отправке снимки каждого слоя упаковки.

Уитмор спустился к служебной двери уже в сумерках. Норр на дворе чистил сапоги. Увидев инспектора, остановился.

— Клара сказала, вам нужны все, кто брал эту птицу. Я брал весной. При переноске атласов. Я это сказал вашему человеку.

— Благодарю.

Садовник посмотрел на окна верхней гостиной.

— С ней всё будет в порядке? После огня.

— С рукой, по словам доктора, будет.

— Я не только про руку.

Уитмор остановился рядом.

— Вам придётся спросить у неё. И, возможно, не ждать ответа сразу.

Норр вытер щётку о край деревянного ящика.

— Я привык, что, если починил раму, она держится. С людьми я не понимаю, что считается починенным.

— Обычно они сами сообщают, если им дали время.

Из-за дома вышла миссис Марч с пустой корзиной. Увидев их, спросила, будут ли ужинать те, кто ещё здесь остаётся. Слова «кто ещё» она произнесла почти сердито. Неизвестность уже мешала ей не только спать, но и рассчитывать количество картофеля.

Инспектор сказал, что они с Ридом останутся ненадолго. В гостинице их ждала следующая часть старого дела, доставленная вместе с утренней почтой. Сегодня он почти не открывал

её: у живых свидетелей и ещё не остывших следов было преимущество перед давним молчанием.

Поднимаясь обратно, он заметил в холле Эстер. Она держала два листа в прозрачной бумажной обёртке и явно ждала его.

— Вы просили показать источник для карточки, лежавшей в конверте Элеоноры. Я нашла. Это наши семейные записи, сделанные позднее. Я ошиблась в двух именах, потом исправила по приходской книге. Никакого послания там нет.

Уитмор просмотрел листы и вернул, оставив запись о проверке.

— Спасибо, что не забыли.

— В этом доме слишком часто рассчитывали, что полиция забудет то, о чём спросила неуверенно.

Она убрала бумаги.

— Теперь я хотела бы, чтобы вы так же проверили то, в чём уверены.

Инспектор посмотрел на закрытую дверь маленькой гостиной, где Кроу собирал документы Беатрис.

— Для этого и понадобятся завтрашние ответы.

Глава 13. Грач из бронзы

В среду перестал идти дождь. На лужах восточного двора появилась тонкая корка, которая ломалась от воробьиных лап. Уитмор заметил это, когда подходил к дому: птицы перескакивали с камня на камень, добираясь до рассыпанного у служебной двери зерна.

Из кухни пахло печёным хлебом. Миссис Марч вчера объявила, что больше не станет менять время еды из-за следствия, и сдержала слово. В половине девятого Люси накрывала стол для тех, кто остался в доме.

Инспектор остановился перед часами в холле. На маленьком календаре возле лестницы стояло шестнадцатое ноября. Он знал дату и без календаря. Восемь лет назад в этот день Элеонору впервые не дождались к работе.

Сегодня ему требовалось не дать этой дате вмешаться в другое дело.

Мистер Холт приехал около десяти. Сотрудник, занимавшийся исследованием следов пальцев, привёз папку увеличенных снимков и несколько листов с пояснениями. Самого упора с ним не было: тот оставался в управлении под установленным учётом вместе с другими вещественными доказательствами.

Холт не походил на человека, которому следовало поручать увлекательную лекцию. На вопрос, удалось ли что-нибудь обнаружить, он ответил:

— Удалось отделить одно от другого. С этого лучше начать.

Они расположились в библиотеке. Рид попросил оставить на столе только относящиеся к исследованию бумаги, затем отметил время и состав присутствующих. Холт снял пальто, аккуратно сложил перчатки и раскрыл папку.

— Во-первых, пятна на бронзовой подставке содержат кровь. Это изложено в отдельном заключении, не в моём. Из этого не следует, что я могу назвать человека, чья это кровь. Не следует и того, что каждый участок одинаково хорошо сохранился.

Он показал общий снимок упора. На квадратном основании, ниже тела птицы, был обведён небольшой участок.

— Здесь есть след пальца, оставленный в пятне. Не обычный старый след пота или жира, обнаруженный на предмете, который много лет переставляли. Папиллярные линии воспроизведены веществом самого пятна. Их изображение сохранилось достаточно, чтобы провести сравнение.

— С каким результатом? — спросил Уитмор.

Холт положил рядом два увеличения. На левом линии были тёмными и местами разорванными, на правом — ровнее. Небольшие пометки указывали места сравнения.

— След соответствует образцу левого большого пальца миссис Лэнг. В заключении перечислены признаки, на которых основан вывод. Я не предлагаю вам устанавливать совпадение по общему впечатлению.

Рид наклонился к снимкам, но не стал повторять за специалистом движение карандаша.

— Может ли след быть оставлен в обычных чернилах?

— Не на том участке, который отмечен. Исследование вещества и расположение линий относятся к одному пятну. Могли ли чернила присутствовать где-то ещё — другой вопрос. На левом рукаве костюма действительно есть и чернильный след.

Холт передал следующий лист. Под наружным краем левой манжеты, ближе к внутреннему шву, нашли небольшие следы крови. Ткань здесь протирали, но не так тщательно, как наружную сторону. Заключение не приписывало кровь Гидеону по одной только находке на рукаве.

— Это могло остаться от собственной ранки? — спросил инспектор.

— Само по себе — да. Или при прикосновении к другому окровавленному предмету. Отвечать, где именно человек был и что делал, должны не мои снимки.

— А на птице?

— Чтобы оставить этот след таким способом, палец должен был коснуться поверхности, когда соответствующий участок был влажным. Я не могу по фотографии определить, случилось это в минуту удара или позднее. И не могу сказать, что человек непременно нанёс удар. Он мог держать уже окровавленный предмет.

Уитмор кивнул и попросил снимок поближе. В пустом месте под выводом Холта оставалось достаточно бумаги для собственного возражения. Инспектор записал: «Ранилась раньше?» — и показал Риду.

Холт показал снимки основания. Зелёный обрывок, найденный под столом, соответствовал разрыву подкладки. Совпадали не только оттенок, но и очертания нескольких надорванных участков. При сопоставлении материал не растягивали и не сшивали заново; положение зафиксировали на снимках.

— То есть обрывок прежде был здесь? — спросил Рид.

— По результату сравнения — да. Это изложено другим специалистом, я привёз общий комплект. Учтите, что мы не получаем из разрыва дату. Подкладка могла начать отходить раньше.

Отдельный лист относился к бумаге из пыльника. Она соответствовала типу бланков приложений фонда. Номер и фрагмент печати были читаемы, но оставшейся части документа у исследователей не было. Физически соединить края не удалось.

— Мы не можем написать, что это обязательно недостающее приложение за тридцатый год, — сказал Холт. — Только что оно могло быть таким приложением. Один номер повторяется во многих годовых комплектах.

— Так и оставим, — ответил инспектор.

Он просмотрел фотографии упаковки до изъятия упора. На первых снимках уже виднелось тёмное пятно у края подставки. Не весь узор был различим на общем виде, но расположение соответствовало исследованному участку. После обнаружения предмет брал только Рид, пользуясь подложкой; его руки не соприкасались с этой поверхностью. Образцы всех, кто работал с находкой, были включены в сравнение.

— Чего вы ещё не можете сказать? — спросил Уитмор.

Холт посмотрел на него почти с удовлетворением.

— Сколько раз предмет брали до этого. Были ли там другие следы, не сохранившиеся для сравнения. Кто завернул ткань. И, разумеется, чем руководствовался тот, чей палец я опознал.

— Этого достаточно.

После отъезда специалиста Рид некоторое время стоял у окна. Во дворе Норр посыпал дорожку песком. Со стороны ворот ехал велосипедист с почтовой сумкой.

— Если её рана собственная, могла кровь попасть на упор при обычной работе? — спросил сержант.

— Могла бы. Нужно было пораниться, коснуться подставки, оставить след, а потом кому-то другому употребить этот же предмет для убийства и спрятать в её пыльнике. Но вчера она прямо отрицала, что ранилась в субботу.

— Могла раньше.

— Проверим. Не будем выбирать день за неё.

— И если она держала уже окровавленный упор после того, как убил кто-то другой?

Уитмор сложил снимки.

— Тогда ей пришлось бы объяснить, почему не сообщила о крови и почему её одежда с этим предметом оказалась в приготовленном ею отправлении. Это ещё не ответ на вопрос, кто ударил. Но уже другой разговор, чем о случайно взятом пыльнике.

Почта принесла пакет из управления. В нём были заверенные копии банковских документов, полученные в ходе проверки счетов фонда, и пояснения о нескольких операциях. Рид разложил их по датам, рядом поставил свои выписки из главной книги и записи поставщиков.

Один чек оплачивал уголь. Следующий, на сходную сумму, был учтён как помощь жильцу по тому же адресу, который давно перестал существовать. Второй чек поступил на личный счёт Беатрис. Ещё в двух случаях обнаружилось то же направление денег: расход в книгах фонда объяснялся посторонней помощью, а получателем платежа оказывался её счёт.

Это уже не было предположением по совпадению сумм, внесённых наличными. Сохранились сами платёжные документы и соответствующие записи.

— Она скажет, что хозяин помогал, — заметил Рид.

— Это её право. Приложим распоряжения, которые найдены, и отметим, каких нет.

Среди подписанных Гидеоном чеков были заполненные не его рукой. Беатрис вела расчёты, поэтому само это обстоятельство ничего не решало. Однако в личных черновиках хозяин отдельно записал, что разрешал снять деньги для фонда, а о переводе секретарю не знал. Пометка появилась после его звонка Воссам и была связана с конкретным номером чека.

Рид прочитал её вслух, затем сверил номер ещё раз.

— Вот почему он хотел говорить в девять.

— По крайней мере, одна из причин.

Они не стали считать каждый неизвестный расход присвоенным. В часть строк укладывались устные распоряжения Гидеона, другие относились к действительной помощи, выданной через посредников. Предварительный список оставили коротким: только операции с проверяемым источником, получателем и противоречащим им объяснением в книге.

Уитмор написал в управление о необходимости продолжить финансовую проверку отдельно от дела об убийстве. Фонд не должен был исчезнуть в тени бронзового упора. Убийца мог отвечать за смерть одного человека, а остальные участники — за иные поступки, не становясь от этого невиновными во всём.

После полудня инспектор поговорил с Люси и миссис Марч о ранах Беатрис. Не показывал снимков пальца и не спрашивал, замечали ли они кровь, чтобы не предложить готовую память. Обе вспомнили несколько обычных порезов за прежние годы, но ни одна — свежую травму в последние дни. Люси сказала, что в пятницу секретарь жаловалась на заусенец на правой руке. Левая выглядела как всегда.

— Я бы не стала считать это осмотром рук, — предупредила миссис Марч. — Она не обязана была мне каждую царапину показывать.

— Разумеется.

Экономка посмотрела на закрытую дверь библиотеки.

— Вы хотите, чтобы я вспомнила плохое. Я теперь могу многое вспомнить плохое. Поэтому боюсь отвечать.

— Тогда отвечайте только то, за что готовы ручаться независимо от сегодняшней находки.

Она отодвинула стул и села.

— Готова ручаться, что, когда она принесла поднос, раны не показывала, помощи не просила. Рукав был мокрый. Я подумала, пролила чай. Если бы не ваши вопросы, так бы и осталась думать.

Рид записал. Влажный рукав получил ещё одного свидетеля, но происхождение влаги по-прежнему не было видно никому.

Затем они попросили Эстер и Фенвика восстановить, кто подходил к телу после крика. Версии сходились в главном: Беатрис оставалась за порогом или в коридоре, доктор ей ничего окровавленного не передавал. Возможность краткого незамеченного движения исключить было нельзя. Возможности перенести кровь с уже найденного упора не было: после обнару-

жения смерти тот отсутствовал в комнате и оставался спрятанным в запечатанном ящике до понедельника.

Рид обвёл этот пункт в своей записи.

— Вот что нам нужно было проверить. Она могла прикоснуться к крови после крика, и тогда пятно на рукаве получило бы объяснение. Но не след на упоре. К упору она тогда уже не могла прикоснуться — он был в ящике.

— Если не вскрывала ящик сама, — сказал инспектор.

— До нашего приезда. Тогда нарушились бы узлы и бумага, которую Марч помнила при закрытии. Но мы всё равно должны оставить это в проверке.

Они снова пригласили экономку. Она подтвердила, что при осмотре в понедельник узлы лежали так, как затянула их сама. Крышка не выдвигалась из-под упаковки без её нарушения: они с Буллом проверили устройство пустого ящика такого же типа, привезённого из мастерской. Сам ящик с уликами для опыта не трогали.

Любое незамеченное позднее вскрытие становилось всё менее вероятным. Время, когда Беатрис держала окровавленный предмет, сужалось к промежутку до закрытия посылки.

Кроу вернулся в поместье ближе к трём. Уитмор встретил его в холле и предложил пройти в библиотеку прежде разговора с клиенткой. Поверенный прочитал заключения, задержался на увеличенном следе, затем на справке о платежах.

— Снимки может посмотреть специалист, которого выберу я?

— Согласуем доступ через управление. Оригиналы и порядок работы сохранены.

— А эти финансовые записи вы собираетесь представить как установленный ущерб?

— Только проверенную часть. Остальное будет исследовано отдельно.

Кроу сложил очки и долго держал их между пальцами.

— Мне нужно поговорить с ней.

— Разумеется.

Когда он вышел, Рид развернул большой лист, на котором составлял последовательность вечера. У нижнего края оставалось достаточно пустого места для нескольких новых рассказов. Он пока не заполнял его.

— Отправка заказана до убийства, — сказал сержант. — Это важно. Мы не можем утверждать, что она придумала ящик заранее, чтобы увезти упор.

— Не можем. Готовая отправка дала возможность избавиться от вещи после случившегося.

— Если бы мы открыли посылку в понедельник у переплётчика, а не здесь, пришлось бы ещё разбирать, кто получил её и где она стояла.

Уитмор посмотрел на ночную запись Прайса о просьбе задержать бумаги.

— Поэтому первое верное действие сделал человек, который ещё не знал, что ищет.

Констебль, дежуривший у двери, услышал и смущённо опустил глаза. Это был не Прайс. Инспектор сделал пометку передать благодарность по назначению.

Они ещё раз прошли в картографическую комнату. Рид встал со стороны служебной двери, Уитмор — возле стола. С этого места тяжёлая книга занимала почти всю свободную поверхность перед креслом. Человек, наклонившийся над расходами, поворачивался затылком к вошедшему сзади. Один из упоров можно было взять с полки, не переходя к окнам.

— Но кто-нибудь мог ударить и с другой стороны, — заметил сержант.

— Мог. Направление раны не превращает эту комнату в сцену с размеченными шагами. Нам важно, что предмет был доступен и что кресло могло остаться на месте.

Уитмор посмотрел на полку. Одинокий грач по-прежнему держал атласы, только теперь под его основанием лежала отметка об изъятии парного предмета. Вещь, которую много лет переставляли, внезапно оказалась способна удержать единственное прикосновение, от которого зависел чужой рассказ.

Инспектор вышел первым. В холле ждали Клара и Норр. Они стояли рядом, не держась за руки; между ними было небольшое, спокойное расстояние.

— Что теперь будет с Беатрис? — спросила Клара.

— Дальнейшие действия будут оформлены в управлении. С ней её поверенный.

— Вы знаете, что это она?

Он не ответил сразу.

— Мы получили доказательства, которые связывают её с окровавленным предметом до того, как его нашли. И проверили часть денег, из-за которых ваш отец вызвал её к себе. Теперь я должен предъявить ей эти обстоятельства вместе, а не довольствоваться тем, что остальные уже согласились.

Клара кивнула. Она выглядела не облегчённой, а уставшей.

— Я всё пыталась выбрать, кого из них меньше жалко подозревать. В субботу ночью это казалось важным.

— Для вас, наверное, и было важным.

Она посмотрела на Норра, затем на лестницу.

— Я побуду с тётей.

Уитмор проводил её взглядом. После завершения следствия дом не должен был вернуться к прежнему виду лишь потому, что из него увезут одного человека. Но решение о том, как здесь жить, не принадлежало инспектору.

Рид ждал у машины с папкой заключений. Кроу ещё разговаривал с Беатрис; констебль оставался в холле.

— Вы готовы? — спросил сержант.

Уитмор посмотрел на окна картографической комнаты. За ними были стол, пустое кресло и карты земель, на которых люди существовали в виде фамилий. Теперь за несколькими фамилиями снова появились собственные показания.

— Готов, — сказал он. — Поедем оформлять то, что можем доказать.

Глава 14. Цена молчания

В комнате для бесед было холоднее, чем в коридоре. Кроу потрогал радиатор и сел, не снимая пальто. Беатрис поставила сумку возле стула; когда её попросили придвинуть ближе, вздрогнула.

Уитмор узнал этот жест. В Эшкрофте ей одиннадцать лет говорили, куда поставить принесённую вещь. Теперь она слушалась прежде, чем успевала понять просьбу.

Рид открыл тетрадь. Из окна виднелись задние дворы: мальчик в слишком длинном пальто стягивал с верёвки бельё, перевешивая прищепки на губу. Доносился скрип тележки. Беатрис следила за мальчиком, пока Кроу раскладывал документы.

— Мы ознакомились с заключением, — сказал поверенный. — Миссис Лэнг хочет сначала выслушать вопросы. Прошу не представлять ей ваши предположения как слова специалиста.

— Не стану.

Уитмор положил перед Беатрис увеличенный снимок. Она не наклонилась.

— Это не след от обычного прикосновения к чистой бронзе. Рисунок оставлен кровью. На снимке он сопоставлен с вашим левым большим пальцем.

— Я поняла, что написано.

— Как это могло произойти?

— Не знаю.

Кроу повернул снимок к свету.

— Если моя клиентка когда-либо порезала руку и брала предмет, такой след мог сохраниться до субботы?

— Это нужно рассматривать, — ответил инспектор. — Исследование не дало даты. Но сейчас у нас нет сведений о такой ране. Во вторник миссис Лэнг отрицала, что ранилась в тот вечер. На рукаве её костюма тоже кровь, рядом с чернильным пятном.

Беатрис резко подняла голову.

— Я действительно пролила чернила.

— Они там есть.

— А вы говорите так, будто я это придумала.

Уитмор убрал карандаш с фотографии.

— Хорошо. Разделим. Чернила есть. Кроме них есть кровь. Что произошло с рукавом?

Она потерла запястье через шерсть кофты.

— Я могла задеть что угодно. В той комнате. После того как закричала Клара.

— Что именно?

— Я не знаю! Все бегали, Ада кричала на Люси, доктор велел принести полотенце. Вы хотите, чтобы я помнила, за что взялась?

В первый раз она повысила голос по-настоящему. Кроу предложил сделать паузу. Беатрис качнула головой.

— Допустим, вы коснулись чего-то окровавленного после крика, — сказал Уитмор. — Это могло бы объяснить рукав. Упора тогда в комнате уже не было. Он лежал в закрытом ящике.

— Значит, кто-то его вынимал.

— Кто?

— Тот, кто положил!

Рид посмотрел на неё, затем продолжил писать. Беатрис заметила движение его руки.

— Вы записываете только то, что вам подходит?

— Последнюю фразу тоже, — ответил он. — Потом прочитаете.

Уитмор подождал, пока она снова посмотрит на него.

— Ящик узнаёт миссис Марч. Она узнала свои узлы. После нашего приезда он не открывался. Для позднего вскрытия до приезда полиции подтверждения нет. Но даже если представить, что кто-то вынул упор и вернул обратно, нам всё равно нужен случай, когда вы держали его с кровью на руках. Не просто были рядом.

Кроу положил пальцы на край стола.

— Вы говорите о вероятной последовательности. Не об установленной минуте.

— О последовательности. Минуты у нас нет.

Беатрис перестала тереть запястье. Рука осталась лежать на коленях, ладонью вверх.

Инспектор сменил фотографию. Пять томов, раздвинутые у стенки, светлая ткань между ними.

— Вы подготовили отправку. Вы принесли книгу Гидеону после чая. Вошли через задний коридор, возможно, в пыльнике. Позднее в этом пыльнике оказался окровавленный упор. Вы закрыли ящик. Во время проверки расходов найдены переводы на ваш счёт, которые в книге значились помощью другим людям. По записям самого Гидеона видно, что он уже обнаружил часть расхождений.

Она закрыла глаза.

— Это всё, что у вас есть?

— Ещё ваши изменившиеся ответы. Сначала вы не упомянули посещение с книгой. Затем объяснили его распоряжением положить и уйти. Я спрашиваю, что было между этим распоряжением и вашим возвращением с подносом на кухню.

Кроу негромко произнёс её имя. Беатрис открыла глаза, но не повернулась к нему.

— Вы можете сейчас не отвечать, — сказал он.

Она некоторое время смотрела на снимок ящика. Потом подвинула его к себе, не дожидаясь разрешения.

— Этот том, — сказала она. — Он не так стоял.

Уитмор ничего не ответил.

— До того. Я поставила его вдоль, потому что иначе оставалась щель. Ада потом поправляла сверху. Она не видела.

Кроу наклонился к ней. Они заговорили тихо; Рид отложил перо. Инспектор встал и отошёл к окну. Мальчик на дворе уже унёс бельё. На верёвке осталась одна прищепка, раскачивавшаяся на ветру.

Когда поверенный позвал его обратно, Беатрис сидела совершенно прямо.

— Я хочу рассказать, — сказала она. — Но сначала дайте мне воды. Тёплой, если можно. От холодной болят зубы.

Рид вышел сам. Вернулся с чашкой без блюдца. Беатрис обхватила её обеими руками, отпила и поморщилась: вода оказалась теплее, чем она ожидала.

— Книгу я принесла, когда Люси отнесла записку. Он уже разложил какие-то бумаги. Не посмотрел на меня. Велел найти сорок седьмую, будто я и так не знала, какую он хочет. Я сказала, что он сам её вынул. Тогда показал. Держал на столе, рядом с подсчётами.

— Что это была за бумага?

— Расписка по расходам тридцатого года. Там сделали запись на Вейл. Он спрашивал, кто получил деньги. Я говорила, что нужно проверить. Он не верил. Он уже звонил Воссам.

Она отпила ещё, теперь осторожнее.

— Я думала, если скажу про выданную мне помощь, он позволит вернуть. Из жалованья. Пусть сколько потребуется. В двадцать шестом он дал и позволил вернуть. Я вернула всё, до пенни. Это вы нашли?

— Нашли.

— Тогда он сказал, что больше не собирается дважды платить за одно и то же. Не уголь имел в виду. Меня. Что уже заплатил за мою благодарность и ошибся.

Кроу сделал пометку. Беатрис посмотрела на него, словно забыла, зачем он здесь.

— Вам не нужно это записывать. Вы же не полиция.

Поверенный прикрыл блокнот.

— Я слушаю.

Она поставила чашку слишком близко к краю. Рид потянулся поправить, но остановил руку: Беатрис заметила сама и отодвинула.

— Он велел мне написать список. Все суммы. И принести к девяти, когда придут остальные. Сказал, что решит при них, чего я заслуживаю. Как с Джулианом. Он любил, чтобы кто-нибудь сидел рядом и смотрел, как вы просите.

Уитмор вспомнил племянника, предлагавшего сигарету. Теперь в той суетливой любезности он слышал страх, которого в первую ночь почти не заметил.

— Я сказала, что отдам. Он ответил: «Вам нечем». Я спросила, не оставит ли меня хотя бы до конца зимы. Он повернулся к окнам. Велел не разыгрывать сцену. Больше ничего. Не тронул меня. Не поднялся.

Беатрис всмотрелась в фотографию и указала на подставку.

— Я стояла у полки. Там лежал атлас, его угол заворачивался, упор сдвинули. Я взяла… Не знаю, почему именно его. Он оказался в руке.

Она замолчала. В коридоре кто-то негромко засмеялся и сразу стих. Рид отодвинул стул так, чтобы закрыть дверь плотнее.

— Вы ударили Гидеона? — спросил Уитмор.

— Да.

Кроу смотрел на неё, не перебивая.

— Один раз. Он даже не обернулся. Мне казалось, он должен обернуться. Сказать что-нибудь. Но он только… — Она сжала пальцы. — Я подошла. Дотронулась здесь, у головы. На руке была кровь. На левой. Я держала эту вещь другой рукой, потом перехватила, чтобы завернуть.

Она показала, как подхватила тяжёлое основание снизу. Уитмор сверил положение с фотографией, не двигая снимок к её пальцам.

— На что вы завернули?

— На пыльник. Сняла и завернула. Рукавом пыталась стереть. Потом увидела, что пачкаю ещё больше. Там внизу кусок сукна отошёл. Я потянула, чтобы заправить, он порвался. Уже не стала искать.

— Бумагу с номером сорок семь вы тоже унесли?

— Да. Я её разорвала. Не хотела оставлять на столе. Маленький кусок, видимо, попал в ткань. Не знала, что вы найдёте. Остальное сунула в кухонную печь, когда принесла поднос. Там бумагу подбрасывали, никто не спросил.

Рид записал это как сообщение, которое ещё предстояло проверить по порядку кухонной работы. В сохранившемся пепле давно смешались новые закладки угля; инспектор не надеялся извлечь из печи целый документ. Возле этой строки Рид оставил знак вопроса. Он больше не собирался писать «проверено» там, где бумага сгорела.

— Вы возвращались за подносом?

— Да. После того как оставила свёрток в кабинете. Хотела увидеть, не шевелится ли он. Я поставила чашку ближе… Не помню, зачем. Просто сделала как всегда. Когда поднос убираешь, оставляешь то, чем человек ещё пользуется.

Она поднесла руку к лицу и остановилась на полпути.

— Я видела, что он не будет пользоваться.

Впервые за весь разговор у неё дрогнул голос. Она вытерла нос платком, выровняла его на колене, как выравнивала бы лист перед печатанием.

Уитмор спросил, что произошло с ящиком. Беатрис уложила упор между книгами, добавила сверху последние тома и позвала Аду помочь с бечёвкой. Отправка уже была заказана. Она надеялась, что коробку заберут раньше, чем кто-нибудь начнёт разбирать её работу.

— В мастерской всё равно обнаружили бы.

— В понедельник. Или во вторник. Я не думала так далеко. Представляла только, как за ним закроется дверь.

— За ящиком?

Она кивнула.

— А когда приехал констебль, вы говорили ему об утренней почте.

— Мне хотелось, чтобы всё шло как обычно. Если всё идёт как обычно, люди не смотрят на вас. Я не собиралась отправлять его в воскресенье. Но говорила про почту, про понедельник, про курьера… Сама не знаю, что он понял.

Уитмор вспомнил, как Прайс повторял по телефону, что сегодня суббота. Он видел закрытую комнату, слышал уверенный деловой голос и не мог решить, какие из обычных правил дома ещё имеют силу. Потом всё-таки велел оставить вещи на месте.

— Знали, что Мерсер заходил после вас?

— Нет. Он сказал вам? — Она почти испугалась снова. — Я его не видела. Когда шла за подносом, никого в комнате не было. Кроме сэра Гидеона.

Инспектор уточнил путь из кабинета на кухню, положение верхних книг и место, где она сняла пыльник. Каждую подробность сопоставляли с тем, что уже записали. Где совпадения не было или время оставалось неизвестным, Рид не исправлял прежние показания под новый рассказ.

О деньгах Беатрис говорила неохотнее, чем об ударе. Суммы возвращали ей способность спорить. Первую лишнюю выдачу она собиралась возместить; потом появилась вторая. В главной книге старое название дома позволяло не писать получателя заново. К чужой расписке достаточно было добавить назначение. Если Гидеон сам давал устное распоряжение без карточки, рядом можно было провести ещё одну строку, и при случайном просмотре она не выделялась.

— Имя Вейл почему?

— Из старых бумаг. Я знала, что она не придёт в контору за деньгами.

— Знали, куда она исчезла?

— Нет. Я не знала её близко. Она работала в архиве, я тогда только начинала здесь. Все говорили, уехала. Никто больше не спрашивал.

Ответ прозвучал буднично. Уитмор почувствовал желание заставить её произнести имя ещё раз, целиком. Не стал.

— Миссис Мортон говорили, что помощь ушла на крыши, — сказал Рид.

Беатрис повернулась к нему.

— Не вся помощь проходила через меня.

— Её выплаты прекратились. Крыша продолжала течь.

— Я знаю, какая у неё крыша.

— Вы были в доме?

Она отвела взгляд.

— Снаружи видела.

Рид опустил глаза в тетрадь. Ему хотелось спросить ещё, но вопрос выходил бы уже не следовательским. Он зачеркнул недописанное слово и начал новую строку.

Кроу попросил закончить беседу. Беатрис устала, и обстоятельства становились слишком серьёзными для дальнейшего рассказа без отдельного обсуждения. Уитмор согласился. Запись

прочитали; Беатрис исправила одну фразу о подносе, оставив неопределённым, через сколько минут вернулась за ним. Подписала там, где требовалось. Имя у неё вышло гораздо крупнее обычного.

На выходе она спросила у поверенного, можно ли передать письмо матери. Тот ответил, что позаботится. Затем она заметила край серого пиджака на фотографии вещей и спросила, вернут ли его к разбирательству.

— Постараюсь выяснить, — сказал Кроу.

Она поблагодарила. Больше к полицейским не обращалась.

Когда дверь закрылась, Рид перелистал несколько страниц назад.

— Вот это про печь мы можем проверить только частично.

— Так и напишите. И про время её возвращения. Не ставьте туда Мерсера только потому, что сейчас всё складывается.

— Я не собирался.

Уитмор посмотрел на него.

— Знаю. Всё равно сказал.

Сержант покачал головой, но улыбка получилась короткой. Несколько суток они спали урывками; терпение стало таким же хрупким, как бумага, которую пытались сохранить.

После оформления дальнейших действий Уитмор встретился с начальством, а Рид занялся проверкой показанных Беатрис мест. Лишь вечером они снова оказались в машине. Впереди лежала дорога в Блэквуд, чёрная, с редкими светлыми окнами по краям.

Рид вёл молча до самого рынка.

— Я думал, когда узнаем, станет легче, — сказал он наконец.

— Обычно первый час хуже.

— А второй?

Инспектор не ответил. Они проехали мимо закрытой булочной. В окне на дощечке лежал один забытый каравай, и от этого город показался Уитмору знакомее, чем вчера.

В Эшкрофте их ждали. Он рассказал семье о предъявленных обстоятельствах и полученном признании, не пересказывая все слова Беатрис. Объяснил, что проверка продолжится и суда ещё не было. Джулиан хотел спросить, означает ли это, что теперь никто не станет разбирать остальные бумаги. Остановился на полуслове, но Уитмор понял.

— Ваше письмо уже приобщено. И письмо мистера Мерсера. Это разные дела.

Племянник опустил голову. Клара вышла раньше остальных. Норр, который дожидался у боковой двери, пошёл за ней, не спросив разрешения.

Эстер осталась у стола.

— Она могла просто уйти, — произнесла она. — Как все мы могли.

Уитмор заметил, что сестра Гидеона сняла с полки семейную фотографию и положила лицевой стороной вниз. Не был уверен, сделала она это сейчас или ещё утром.

— Да, — сказал он.

Эстер села. У неё закончились вопросы.

Глава 15. Адрес для Элеоноры

Утром миссис Фелл принесла на завтрак две чашки, хотя Рид ещё не спустился. Поставила вторую напротив инспектора, потом переставила ближе к камину.

— Сержант любит, чтобы горячо было. Садится у окна, а потом греет руки о посуду.

Уитмор отодвинул сахарницу. Он и сам успел заметить эту привычку, но почему-то удивился, что хозяйка знает её лучше.

За окном открывали лавки. Работник бакалейщика поднял жалюзи, подмёл крыльцо и долго разглядывал угол стены, где собака оставила след. Город возвращался к утру, которому убийство в поместье уже не мешало начинаться вовремя.

— Я вам в первую ночь сказала не считать всё семейным делом, — произнесла миссис Фелл. — Теперь жалею. Вышло так, будто мне было что сообщить, а я берегла для хорошего случая.

— Вы могли сообщить.

— Что он был неприятный человек? Это не тайна. А про его секретаря я ничего не знала.

Она поправила ложечку у второй чашки.

— Почему он перестал с вами здороваться?

Хозяйка посмотрела на него с неожиданным смущением.

— Вы запомнили?

— Профессия.

— Собака у него была. Приводил, сажал возле себя в столовой. Однажды она зарычала на ребёнка. Я попросила вывести. Он сказал, что собака воспитана лучше половины моих постояльцев. Я ответила, что тогда можно поселить её отдельно, а ему подать ужин в конюшне.

Она отвернулась к огню.

— Не особенно умно. Можно было и спокойнее.

Уитмор улыбнулся. Смерть не сделала Гидеона проще, зато эта собака, о которой никто ещё не упоминал, неожиданно вернула ему обычный человеческий размер.

Рид спустился с письмом в руке. На конверте стояла незнакомая инспектору женская фамилия; сержант убрал его в карман, прежде чем сесть.

— Из дома?

— От сестры. Интересуется, жив ли я, раз не пишу. Я собирался в воскресенье.

— Сегодня четверг.

— Нелл тоже это заметила. Не столь коротко.

Миссис Фелл придвинула ему горячую чашку.

Они завтракали без бумаг. Рид рассказал, что сестра устроилась вести счета в небольшой мастерской и теперь находила ошибки в каждом его письме, даже когда цифр в письме не было. Уитмор поймал себя на том, что слушает рассеянно: в уме продолжал раскладывать предметы в кабинете Беатрис. Усилием вернулся к разговору и спросил, нравится ли Нелл работа.

Сержант пожал плечами.

— Пишет, что хозяин слишком добрый и обязательно разорится. Видимо, нравится.

В Эшкрофт они поехали после десяти. Требовалось передать часть помещений обратно домашним и уточнить несколько пунктов будущих показаний. Подробности рассказа Беатрис проверили накануне вечером и утром. С расположением вещей и порядком упаковки они согласовывались. Подтвердить уничтожение большого куска расписки уже было нельзя. Полицейские осмотрели печь, записали показания кухарки и Марч о закладках огня, но целой бумаги из золы не получили. В деле так и осталось: сообщено Беатрис, отдельно не восстановлено.

Конверт с остатками сожжённых Кларой писем по-прежнему хранили как положено. Клара не спрашивала, когда его вернут.

Она встретила их во дворе в рабочем пальто. Повязка на пальце мешала застёгивать пуговицы, и Норр молча застегнул последнюю. Клара не отдёрнула руку.

— Мы едем к миссис Мортон, — сказала она. — Уильям посмотрит крышу. Не чинить пока. Только сказать, сколько материала нужно.

— Это хорошо.

— Наверное. Я не знаю, что теперь могу распоряжаться, а что нет. Поговорю с новым поверенным. Хочу, чтобы до конца зимы никого не переселяли и ничего не перегораживали. Он обещал проверить, как это сделать.

Она посмотрела на окна комнаты отца.

— Мне всё кажется: стоит мне куда-нибудь поехать, он позовёт обратно. Вчера вышла за ворота и остановилась. Просто остановилась, как дура.

Норр поправил ремень сумки с инструментами.

— Сегодня пойдём вместе.

Клара кивнула, но Уитмору показалось, что ответила она скорее себе. Оставила им ключ от шкафа, где ещё хранились нужные следствию книги, и направилась к воротам. Садовник пошёл рядом, подстраиваясь под её шаг.

В доме Ада Марч спорила с плотником. Тот предлагал новую защёлку на дверь кладовой; она настаивала, что старая исправна, а расходы нужно подтверждать заранее. При виде инспектора оба замолчали, как будто их застали за чем-то неуместным.

— Продолжайте, — сказал Уитмор. — Мы к мисс Эстер.

— Тогда я только спрошу. Прибор миссис Лэнг больше не ставить?

Экономка глядела прямо, но пальцы вцепились в край передника.

— Не ставить.

— Хорошо. Я так и думала.

Рид задержался у кухонной двери. На подносе стояли две чашки и кофейник, прикрытый салфеткой. Люси несла завтрак Эстер.

— Это ваше, — сказал он, протягивая карточку с благодарностью Джулиану. — Оригинал возвращаем, копия в материалах. Прочитайте расписку.

Она взяла карточку за уголок и покраснела.

— Я думала, вы оставите.

— Что мне с ней делать?

Люси взглянула на него, проверяя, не шутит ли. Сержант улыбнулся.

— Подпишите здесь. Только прочитайте сперва, а то миссис Марч и меня выгонит.

Девушка прочла медленно, двигая губами. Вернула расписку, карточку спрятала в карман.

— Мистер Джулиан уехал, — сказала она. — В банк. Он оставил письмо для брата. Не мне, брату. Я ещё не отдала.

— Это уже ваше дело.

— Я знаю.

Она подняла поднос. Теперь Рид сам придержал ей дверь.

Эстер ожидала их в библиотеке. Перед ней лежали листы семейной истории, над которой она работала до убийства. Сверху красным карандашом были перечёркнуты несколько строк. Уитмор невольно прочитал начало: «Благотворительная деятельность старшего поколения…» Дальше шло зачёркнутое.

— Не исправляю задним числом, — сказала она, заметив взгляд. — Пишу заново. Это дольше.

— Вы закончили с планами, которые нам понадобятся?

— Почти. Хотела спросить, нельзя ли показать копии миссис Мортон. Не ваш протокол. Её старый дом. У нас есть рисунок фасада, она на нём стоит у двери, маленькая совсем.

Инспектор согласился. Эстер сняла очки и стала протирать стекло платком, хотя оно было чистым.

— Лайонел вчера приходил. После вас. Спросил, позволю ли ему поговорить с ней о переселении. Я сказала: не у меня нужно просить разрешения.

— Вы уже говорили о его письме?

— Да. Он всё объяснял время, обстоятельства, состояние крыши. А потом вдруг спросил, не сохранились ли её возражения письменно. Я ему сказала: она сама сохранилась, Лайонел. В третьем доме от колодца.

Эстер посмотрела на зачёркнутую страницу.

— Боюсь, это тоже было похоже на Гидеона. Мне не понравилось, как я сказала.

Уитмор не стал её успокаивать. Когда человек впервые слышал в собственном голосе семейную привычку, чужое утешение мешало больше, чем помогало.

Они вернули несколько планов под расписку. Эстер, пересчитав тубусы, спросила, продолжится ли поиск Элеоноры.

— Да.

— Даже теперь, когда её имя в счёте объяснилось?

— Оно объяснило этот счёт. Письмо, которое вы дали, остаётся. И деньги перед исчезновением.

Она кивнула. Впервые не попыталась сказать за него следующую фразу.

В гостиницу вернулись к вечеру. По дороге заехали к домикам: требовалось передать жильцам, к кому теперь обращаться с вопросами о проверяемых выплатах. Мерсер стоял у третьего крыльца, без шляпы. Миссис Мортон открыла ему, выслушала и велела войти: на улице было холодно. Дверь закрылась прежде, чем Уитмор успел разобрать её следующий ответ.

Рид посмотрел на инспектора и ничего не сказал.

В следующие два дня дело обрастало работой, которой не находилось места в газетной заметке. Люди перечитывали показания, исправляли неверно записанные слова, узнавали собственные вещи в описях. Проверка фонда продолжалась. Сумму, которую предстояло предъявить Беатрис, отделяли от сомнительных выдач и действительной помощи. Кроу получил доступ к необходимым материалам и сообщил, что намерен проверить заключения независимо. Уитмор не возражал.

Гидеона похоронили в субботу. Ветер мешал слышать священника, и люди подвигались ближе, ступая на край чужих пальто. Клара стояла между Эстер и Джулианом; Норр держался чуть позади. После службы она сама дождалась его у дорожки.

Миссис Марч пришла с Люси. Супруги Уэбб стояли у стены. Миссис Мортон не пришла: было слишком сыро, болела нога. За неё Нора Дейл положила несколько поздних цветов. Никто не спросил, от кого они.

Уитмор оставался в стороне. Он не умел на похоронах отделять служебное присутствие от непрошеного вторжения. Когда люди начали расходиться, отошёл к воротам, уступив дорогу женщине с ребёнком.

Рид дожидался у машины.

— Клара просила передать, что крыша не обойдётся так дорого, как ей говорили, — сказал он. — Норр посмотрел. Часть материала уже есть в поместье.

Инспектор кивнул. Он подумал, что хорошо бы в следующий приезд увидеть над третьим домом новую черепицу. Просто черепицу, без счётных книг на его столе.

Вечером, перед отъездом в понедельник, они наконец разобрали последнюю часть старого дела. Уитмор сел в маленькой гостиной гостиницы, где в первую ночь Рид изучал карту

города. Поставил лампу ближе к краю стола. Сержант принёс чай, затем ушёл дописывать письмо сестре.

Папка двадцать четвёртого года была тоньше, чем инспектор помнил. Отчёты о поиске, повторные опросы, копия сводки с его подписью. Почерк на полях принадлежал молодому Уитмору: быстрый, с недописанными окончаниями. Сейчас он раздражённо подумал, что заставил бы сотрудника переписать такую страницу.

Потом увидел собственную итоговую фразу и перестал думать о почерке.

«Имеются основания предполагать добровольный отъезд».

Он не стал зачёркивать старое. Положил рядом новый лист и перечислил, какие сведения добавились и какие прежние выводы требуется проверять заново. Ничего торжественного в этом не было. Хотелось закончить быстрее, закрыть папку, уехать домой. Именно поэтому он писал медленно.

За опросом продавца дорожных вещей лежала копия письма из книжной лавки. Его прислали уже после первых поисков. Элеонора заказывала печатный указатель старых владений; продавец спрашивал, куда переслать поступившее издание, и приложил её первоначальную записку. В верхнем углу стояла дата — четырнадцатое ноября.

Адрес для ответа она указала не в Эшкрофте.

Уитмор подвинул лампу.

«Мисс Э. Вейл. До востребования. Сент-Брайд».

На полях кто-то написал: «Уточнить получение». Дальше — короткая отметка, что сведений о вручении не поступило. Ни доказательства, что Элеонора добралась туда, ни подтверждения, что она вообще пыталась получить письмо, в папке не было.

Инспектор перечитал записку. За два дня до исчезновения она назвала место, где собиралась ждать корреспонденцию. Раньше это могло показаться ещё одной мелочью, подтверждавшей удобную версию отъезда. Теперь требовалось узнать, почему она не хотела получать ответ там, где жила.

Уитмор позвал сержанта.

Рид пришёл с незаконченным письмом и сел напротив. Прочитал копию, затем оборот.

— Это не значит, что она там была.

— Нет.

— И за восемь лет почтовые записи могли не сохраниться.

— Могли.

Сержант почесал бровь.

— Но лавка могла сохранить её заказ. Или сам указатель, если так и не забрала. У них бывает.

— Сначала запросим лавку и Сент-Брайд. Сам адрес уже проверяемый.

Рид положил рядом свой конверт. На нём он пока не написал адрес Нелл.

— Я думал, мы в понедельник домой.

— Домой. Запрос можно отправить отсюда. Ответ придёт в управление.

— Тогда хорошо.

Он помолчал.

— Я не к тому, что не хочу ехать в Сент-Брайд.

— Я понял, Томас.

Инспектор редко называл его по имени. Рид поднял глаза, но Уитмор уже начал писать запрос. Сержант дописал адрес сестры и заклеил свой конверт.

Миссис Фелл заглянула забрать посуду. Спросила, всё ли они закончили. Уитмор посмотрел на папку Эшкрофта: фотографии, показания, заключения, запись признания. Работа по ней продолжится ещё долго, но вопрос, с которого началась эта ночь, получил ответ.

— Здесь — да, — сказал он.

Хозяйка взяла поднос. Рид протянул ей два конверта для утренней почты.

Перед сном Уитмор вышел на крыльцо. На площади гасли окна. В стороне поместья не было видно ни одного огня — только тёмные деревья, за которыми продолжали жить люди, несколько дней говорившие с ним через стол.

Из гостиницы донёсся голос сержанта: он спрашивал, где взять нитку, чтобы пришить оторванную пуговицу. Миссис Фелл возмутилась, что он собирается делать это сам при таком свете. Уитмор постоял ещё минуту и вернулся в дом.

Запрос в Сент-Брайд лежал на стойке, рядом с письмом Нелл. Утром их должна была забрать одна и та же почта.

Последний звонарь Сент-Брайда

Глава 1. Письмо до востребования

На почте Сент-Брайда Рид оказался виноват прежде, чем успел снять шляпу. Он придержал дверь женщине с большой коробкой, пропустил её вперёд, и в следующую секунду конец шпагата захлестнул крючок на его пальто.

— Не тяните, — сказала женщина.

— Я и не тяну.

— Тогда почему оно едет ко мне?

Уитмор освободил крючок. Коробку поставили на прилавок. Из-за перегородки показалась темноволосая женщина в очках и посмотрела на всех троих с выражением человека, которому опять принесли нечто, превышающее допустимый размер.

— Если это торт, миссис Талл, его нельзя класть боком.

— Это не торт. Я бы не доверила вам торт. Формы для свечей.

Она назвала адрес, и служащая взяла бланк. Рид отступил к двери, предоставляя инспектору возможность начинать серьёзный разговор без привязанных к пальто хозяйственных предметов.

Они приехали в пятницу, девятого декабря. На рыночной улице продавали зелёные ветки, мокрый картофель и рождественские открытки. Рид оставил машину у сапожной мастерской и только потом заметил, что загородил половину витрины. Пока переставлял, Уитмор успел замёрзнуть. Теперь в почтовой конторе было так тепло, что пальцы болели в перчатках.

Посетительница расплатилась и повела коробку к выходу на коротком поводке из шпагата. За дверью снова пришлось помогать. Уитмор подождал, пока Рид вернётся.

— Мисс Беннетт? Мы писали вам из окружного управления.

Женщина сняла очки.

— Элис Беннетт. Да. Ваше письмо здесь.

Она вынула конверт из ячейки за спиной. Увидев удостоверение, не изменилась в лице, но придвинула к себе лежавший на краю счёт, словно тот вдруг стал более личным.

— Сразу скажу: я тогда ещё не работала в этой конторе. В двадцать четвёртом здесь были мистер Форд и его дочь. Мистер Форд умер, дочь уехала. Я вам это написала, но вдруг письмо не дошло.

— Дошло. Спасибо. Мы надеялись уточнить несколько вещей на месте.

— Если по письму до востребования, записей за то время у нас нет. Я искала. Не хочу, чтобы вы снова искали, а я стояла и смотрела, как будто просто поленилась.

Уитмор развязал папку. На копии старой записки короткие строки Элеоноры были увеличены фотографом; в этом чужом масштабе знакомый почерк потерял лёгкость. Инспектор положил лист на прилавок.

— Вы знаете дом или людей, у которых она могла остановиться? Женщина приезжая, двадцати шести лет. Возможно, ненадолго.

Элис посмотрела на фамилию, затем на адрес.

— Имени не помню. В то время приезжих принимали у станции, у миссис Портер и у Саттонов. Ещё в гостинице, конечно, но там дороже.

— Саттоны здесь?

— Он здесь. Мэй умерла два года назад.

Она заглянула за перегородку, будто проверяла, нет ли следующего посетителя. В конторе было пусто.

— У Мэй всё записывалось. Я иногда приносила ей деньги от сестры и ждала, пока она найдёт правильную графу. Если кто и оставил книгу за двадцать четвёртый, так это она. Только Эймос не любит, когда у него в вещах копаются.

— Мы спросим.

— Сейчас он в церкви. По пятницам с утра там. Приготовления, потом звон. Я тоже приду. Начальница подменит меня на время репетиции, потом вернусь закрывать окошко. Только Стэнли должен принести свои посылки заранее, иначе сам же из-за них опоздает.

Рид спросил, не неудобно ли уходить со службы на репетицию. Элис надела очки.

— Меня подменят, я же сказала. А Стэнли любит, чтобы его посылки принимала именно я. Он сегодня обещал явиться раньше закрытия своей лавки и ждёт за это особой благодарности. Впрочем, не пишите в полицейскую книжку. У нас и без вас хватает поводов поругаться.

Сержант улыбнулся и убрал карандаш.

От почты к церкви вела короткая улица, на которой ветер почему-то дул сразу с обоих концов. Уитмор придерживал шляпу. Рид нёс папку под полой пальто, прикрывая от мороси.

— Она не боится полиции, — заметил он.

— Боится, что её сочтут нерадивой.

— Я бы на её месте боялся коробки со свечными формами. Её поставили на весы, они ещё качались, когда мы ушли.

У ограды торговец разгружал падуб. Рядом мальчик держал пустую корзину и каждый раз отступал, когда колючие ветки поворачивались в его сторону. На воротах висела свежая афиша рождественского вечера. Ниже, под стеклом, стояла приходская неделя: службы, сбор пожертвований, репетиция хора и звонарей.

Рид прочитал время и посмотрел на свои часы.

— Если он занят до вечера, придётся ждать.

В притворе было ещё холоднее, чем на улице. Вдоль стены стояли ящики со свечами, лестница и большая жестяная маслёнка. Из нефа слышался женский голос:

— На венок этого не хватит. На венок и половины не хватит.

— Тогда сделайте маленький, — ответил мужчина.

— На ваших воротах маленький венок будет выглядеть так, будто его повесили по ошибке.

Уитмор прошёл внутрь. Седой человек в жилете держал моток верёвки. Женщина возле него перебирала ветки; подол её тёмной юбки намок. Мужчина заметил полицейских и тотчас перекинул моток из одной руки в другую.

— Памятники осматривать? Парсонс сказал, раньше трёх никто не придёт.

— Инспектор Уитмор. Мы к мистеру Саттону.

— Вот он.

Человек назвал это без радости. У него было длинное лицо, сильно выступавший нос и седые брови, которые делали даже спокойный взгляд сердитым. Женщина положила ветки.

— Я пойду, Эймос. Эти оставлю. За новые сами договаривайтесь.

— Марта, я не сказал, что…

Она уже шла к выходу. Инспектор посторонился. Саттон проследил за ней, потом снова посмотрел на полицейских.

— Если насчёт башни, сразу говорю: ничего не трогайте без меня. Там новички за одну минуту себе беды наделают.

Уитмор объяснил, зачем они приехали. Услышав о Мэй, старик опустил моток на скамью и погладил ладонью верёвку.

— Книга была. Не одна. У неё каждой бумаге место. Я теперь открою шкаф — и не знаю, с какого конца начинать. Как фамилия?

— Элеонора Вейл.

Саттон повторил фамилию. Ничего в его лице не подсказало, что он узнал её.

— Она одна была?

— Мы и это хотим выяснить.

— Тогда пока не говорите мне, кого вы там ищете ещё. Начну вспоминать за вас, а потом сам поверю.

Он говорил раздражённо, как будто полицейские виноваты в том, что люди стареют и путаются в собственных шкафах.

Уитмор предложил прийти вместе. Саттон покачал головой.

— Сейчас не могу. У меня вверху верёвка перетёрлась, Парсонс обещал человека, а привёл мальчишку с гвоздями. После звона посмотрю. Вы где остановились?

— Пока нигде.

— В «Вязовой ветви» места есть. Скажите, от меня. Комнаты там маленькие, зато кормят не тем, что оставили от воскресенья.

Рид записал название гостиницы. Старик заметил и добавил:

— Но не пишите, будто я знаю эту Вейл. Сначала посмотрю.

Из-за двери под галереей вышла девушка с матерчатой сумкой. За ней — мужчина в тёмном пальто, по возрасту чуть моложе инспектора. Девушка остановилась при виде незнакомых людей, мужчина сразу подошёл.

— Добрый день. Чарльз Латимер. Могу помочь?

— Мы разыскиваем старые сведения о приезжей, — сказал Уитмор. — Мистер Саттон уже обещал посмотреть.

— Тогда вы нашли нужного человека. Он помнит здесь даже тех, кого никогда не видел.

Саттон не улыбнулся.

Девушка попыталась передать Латимеру сумку.

— Папа, вот. Я у Уилкса забрала. Только не брось опять под органом, там отсыреет.

— Поставь на скамью, Эллен.

— Мне потом за ней возвращаться?

— Нет-нет, я сам. Спасибо.

Латимер откинул пальто. На нём был хорошо сидевший, уже не новый костюм. Он говорил мягко, смотрел прямо и легко пропускал мимо себя чужое недовольство. В первые минуты это располагало. Уитмор заметил, что Саттона та же манера только злит.

— Репетиция сегодня в половине шестого? — спросил Рид, глядя на объявление у двери.

— Перенесли, — отозвался старик. — На без четверти пять. Внутри написано.

Он указал на маленькую доску возле лестницы. К листу прикололи узкую полоску бумаги с исправлением. На старом времени лежали две густые чернильные черты.

— А хор после нас. Мы им мешаем, они нам. Какую-нибудь стену бы между нами, так ведь уже есть — мало помогает.

— Я слышу, Эймос, — сказала женщина у первых рядов.

Она разбирала стопку нотных тетрадей. Латимер повернулся к ней:

— Мисс Коул, вы помните, что сегодня раньше?

— Помню. Родителям записки раздали. Кому забыли — тот придёт к прежнему времени и будет доволен, что ребёнок уже свободен.

По боковому проходу к ним приблизился плотный мужчина с красным лицом. По виду он успел хорошо пообедать, но продолжал торопиться, словно за это время кто-нибудь успел решить важное без него.

— Парсонс, — представился он. — Староста. Прошу прощения, у нас тут немного беспорядок. Если хотите осмотреть памятники, сначала договоримся о свете.

Пришлось объяснить ещё раз. Парсонс кивал слишком часто.

— Конечно. Старые книги нужно беречь. Говорил я ему. Эймос, они же у тебя в сухом месте?

— В моём доме сухо.

— Я не это имел в виду.

— Знаю, что ты имел в виду.

Уитмор стал застёгивать пальто, но Саттон попросил Рида помочь переставить небольшой стол. На нём лежали картонки, две фотографии и блюдце с обрезками шпагата. Сержант взялся за край, старик тотчас остановил:

— Так столешница и лопнет. За ножку берите. Я сам бы перенёс, только потом Симс опять расскажет, чего мне нельзя.

Переставили к свету. Саттон подложил под короткую ножку сложенную открытку, поглядел, не качается ли. Парсонс заметил, что стол следовало бы давно выровнять. Старик ответил, что выровняет, когда тот перестанет каждый день требовать переставлять его на другое место.

— Это для рождественской продажи, — объяснил он Риду, кивнув на фотографии. — Книжечку делаем про церковь. Не про чудеса, а кто тут что менял. На колокольню все смотрят, а как внизу воду отводили, никто не помнит. Потом спрашивают, почему камень мокрый.

На одном снимке двое мужчин стояли возле вынутой плиты. У обоих были усатые сердитые лица, из-за долгого позирования или по иной причине. Саттон показал, где лежала старая труба. Рид сначала не понял, затем различил на снимке тёмную канаву.

— Вы это делали?

— Помогал. Молодой был. Мне велели таскать, пока другие будут знать. Потом всю жизнь таскал и знал понемногу.

Он перевернул снимок, собираясь что-то показать, и нахмурился: подпись закрывала нужную часть оборота.

— Кто сюда наклеил? Я же просил не клеить.

Мириам подняла голову от тетрадей.

— Вы вчера сами приклеили, мистер Саттон. Сказали, если не приклеить, потеряется.

— Вчера это было на другом листе.

— Вы переложили.

Рид отвернулся к столу, чтобы улыбка не стала насмешкой. Саттон посмотрел на картон, почесал бровь и сказал, что снимать теперь всё равно не нужно, испортят. Придётся написать сведения рядом. Саттон убрал клей подальше, чтобы никто не принялся исправлять.

Парсонс достал из кармана сложенную бумагу. Внизу будущей обложки собирались поместить список лавок, давших деньги на печать. Венн просил напечатать название его магазина крупнее остальных, потому что внёс больше. Староста считал просьбу разумной. Мириам спросила, останется ли на обложке место для названия самой книжки.

— Вот, — сказал Саттон сержанту. — Людям пятьдесят лет, а всё нужно на кончик скамьи усесться. Чтобы первым быть.

— Венн оплатил часть работы, — напомнил Парсонс.

— Я не против, чтобы он оплатил.

Рид невольно усмехнулся. Старик заметил и оживился, принял это за согласие. Стал объяснять, как правильно расположить имена, не спросив, знает ли сержант что-нибудь о печати. Уитмор видел, что Рид уже ищет вежливый способ отойти, и попросил показать вторую фотографию.

На ней стояли шесть звонарей. Саттон назвал всех по порядку. Себя — последним, хотя находился у края. Тогда брови у него были тёмные, жилет застёгнут до самого горла.

— Кроме меня, никого не осталось, — сказал он. — От прежнего состава. Элис всё просит подписать, кто где. Сделаю. Я сам ещё знаю, а после меня решат, что это шесть пасторов.

— Я не решу, — отозвалась Мириам.

— Так вы не после меня.

Он произнёс это без торжественности, занятый выравниванием фотографии. Инспектор посмотрел на старика и впервые подумал не о том, помнит ли он Элеонору, а о том, сколько других людей ему приходится помнить в одиночку. Саттон, вероятно, счёл бы такую мысль приглашением к ещё одному рассказу. Уитмор промолчал.

Эллен, проходя мимо, подала старику ножницы. Он попросил нарезать шпагат, объяснил длину, затем всё-таки забрал ножницы, чтобы показать.

— Я умею, — сказала девушка.

— Знаю. Только по-разному умеют.

Она отпустила ручку и отошла. Рид перехватил конец мотка, не давая ему съехать со стола. Старик, сделав три совершенно одинаковых отрезка, вдруг посмотрел вслед Эллен.

— Тётя моя тоже говорила: сама покажу, быстрее. Всё показывала. Потом я уже боялся при ней хоть что-нибудь начинать.

— Ножницы отдать? — спросил сержант.

Саттон хмуро положил их на стол.

— Положите. Найдёт.

Он заговорил о Мэй. Не о её смерти — о том, как она вела дом. У каждого гостя спрашивала заранее, рано ли нужно вставать, сколько воды подогреть, не будет ли неудобно соседям. Эймос злился, говорил, постояльцы и так за удобство платят. Мэй отвечала, что удобство каждый понимает по-своему. Одна женщина не ела за общим столом, пока хозяйка не перестала спрашивать почему. После этого прожила у них две недели и сама пришла попрощаться.

— Это была мисс Вейл? — спросил Уитмор.

— Нет, гораздо раньше. Фамилии не помню. Я про Мэй вам говорю. Не всё, что я скажу, в вашу книжку.

Инспектор извинился. Саттон кивнул, приняв извинение без смягчения.

Парсонс напомнил о человеке, которого ожидали днём. Старик собрал фотографии в картонную папку и поднял моток. Под столом остался узкий обрезок верёвки. Рид нагнулся подобрать; Саттон сказал, что это на выброс, затем всё-таки взял и убрал в жилетный карман.

— Для ключа пойдёт, — объяснил он. — Вечно у кого-нибудь кольцо ломается.

Уитмор ещё раз назвал гостиницу и попросил не тащить все тетради, если они окажутся тяжёлыми: можно будет прийти за ними. Саттон ответил, что сам разберётся, сколько нести. Потом добавил, уже тише, что с просьбой они не опоздали: Мэй не любила выбрасывать старое, и он после неё ничего не разбирал окончательно. Если книга цела, найдётся.

Инспектор поблагодарил и отступил от стола. За обыкновенным разговором о верёвках и бумагах обнаружилось несколько отдельных ссор, в которые его пока не приглашали.

Латимер проводил их до притвора. За спиной Эллен что-то сказала отцу о сумке; он ответил, не оборачиваясь, что помнит.

— Не обижайтесь на Саттона, — произнёс органист тише. — Он всегда так встречает незнакомых. В последний год особенно.

— Из-за жены?

Латимер помедлил.

— Возможно. И потому, что ему не нравится, как всё меняется. У нас теперь зовут молодых звонарей, а он слышит в этом предложение уйти. Никто его не гонит.

У двери мимо прошла Марта с пустой корзиной. Латимер кивнул ей. Она ответила, но задерживать шаг не стала.

В гостинице их поселили на втором этаже, в комнатах по разные стороны коридора. Хозяин показал, как закрывается форточка, и дважды предупредил про утреннюю горячую воду. Из окна Уитмора была видна башня. На её циферблате шевелились чёрные стрелки; на кладке темнела полоса, где недавно шёл дождь.

Рид принёс из машины папку.

— Останемся до завтра?

— Если найдётся книга, надо будет её просмотреть.

— Я всё ещё надеюсь, что старая история однажды даст нам что-нибудь, кроме новой истории про старую мебель.

Он сел на край стула и тут же поднялся: сиденье оказалось продавленным.

Уитмор разложил ответы на запросы. На одном листе писали, что книга поступила продавцу позднее предполагаемого отъезда покупательницы. На другом — что данные о вручении письма не сохранились. Ни один из двух ответов не был бесполезным, но после трёх недель ожидания инспектору хотелось большего. Он представил, как Эстер читает его короткое сообщение и ищет в нём то, чего он не написал.

— Саттон обещал после репетиции, — сказал он. — Пообедаем. Потом узнаем, где его дом.

— Он же собирался принести сюда.

— Собирался. Может, ему тяжело нести все книги.

Рид не стал спорить. Достал из чемодана сухую пару перчаток, посмотрел на них с удовлетворением и положил обратно. В этот раз Нелл прислала список того, что следует взять, и он уступил.

К пяти в церкви зазвонили. Сначала звуки шли неровно, один как будто догонял остальные. Потом порядок установился, и даже человек, не умевший его назвать, слышал, когда он нарушался. Уитмор стоял у гостиничного окна, затягивая шнурок на папке. На улице остановилась женщина с корзиной, послушала несколько мгновений и пошла дальше.

Рид постучал в дверь.

— Сходим?

— Подождём, пока закончат. Он ещё обещал разобраться с верёвкой.

Инспектор положил папку в ящик, не запирая. Запрос касался человека, которого восемь лет не могли найти. Ему казалось почти неприличным торопить старика из-за получаса.

Глава 2. Свет под лестницей

К шести книга так и не появилась. Хозяин гостиницы, заглянувший принести угля, сообщил, что миссис Талл передавала от Саттона: раньше семи не управится, но придёт обязательно. Весточку оставили ещё до звона, когда она развозила хлеб; полицейские в это время были наверху.

Рид посмотрел на инспектора. Тот сидел над копией старого опроса и уже третий раз исправлял в собственных заметках одно и то же сокращение.

— Мы могли бы сходить, — сказал сержант.

— Он велел ждать.

— Люди часто так говорят, когда им неудобно просить помощи.

Уитмор положил карандаш. Ему не нравилось, что Рид прав; ещё меньше — что возражение хотелось найти именно поэтому.

— Вы знаете, где дом?

— Спросил внизу.

Они начали собираться. Инспектор уже надел пальто, когда в дверь постучали. На пороге стоял полицейский в мокром плаще. Застёжку у горла он перекосил и теперь пытался поправить одной рукой, другой придерживая фуражку.

— Констебль Мосс. Извините, что беспокою. Мне сказали, вы у нас. В церкви человек разбился.

Уитмор взял шляпу.

— Кто?

— Саттон. Звонарь. Доктор уже там. Я только вернулся с площади, меня позвали.

Рид застегнул пальто на ходу. Внизу хозяин спрашивал у кого-то, нужен ли ещё кипяток. Никто не ответил.

По дороге Мосс рассказал то, что успел узнать. Парсонс пришёл в церковь к вечернему собранию, увидел свет внизу башни и нашёл Саттона на лестнице. Позвал людей, послали за доктором. Мосс был на другом конце города; в участок сообщили около двадцати минут назад. Он сходил в церковь, убедился, что помощь уже оказывают, и пришёл за инспектором.

— Падение? — спросил Уитмор.

— Похоже. У них там лестница дурная. Я не полез всех расспрашивать, пока доктор…

Он не договорил. Инспектор не стал требовать окончания.

В притворе пахло ламповым маслом и мокрыми пальто. У той же скамьи, где днём лежала сумка Эллен, теперь стоял таз с водой. Женщина присела рядом и выжимала край полотенца. Рид узнал Марту.

Она подняла голову и сразу отвернулась.

— Не надо туда всем, — сказала она. — И без того натоптали.

В проходе под галереей толпились четверо. Парсонс стоял ближе к башне; его лицо из красного стало серым. За плечом старосты виднелся Латимер. Органист уже надел пальто, но воротник был поднят только с одной стороны. Он держал чужую шапку и, кажется, не знал, кому её отдать.

Уитмор попросил освободить проход. Никто не спорил. Оттого, как охотно люди отступили, стало понятнее, чего они опасались увидеть ещё раз.

Нижнее помещение башни оказалось меньше, чем представлялось по наружной кладке. Слева начиналась каменная лестница. Внутренний край ступеней сужался возле толстого столба, наружный уходил вдоль стены. После нескольких ступеней ход скрывался за изгибом кладки; выше лестница вела к комнате звонарей.

Саттон лежал поперёк нижней части пролёта. Плечо упиралось в камень, ноги оставались выше. Жилет съехал, рубашка у горла расстегнулась. Доктор, стоявший на коленях, обернулся к инспектору.

— Симс. Помочь уже нельзя. Я всё-таки проверил, пока не понял…

Он поднялся с трудом. Мосс подал ему руку.

Уитмор присел у нижней ступени. Днём он смотрел на брови старика и думал, что тот сердится. Сейчас брови остались прежними, а выражения под ними не было. Это оказалось неприятнее самой неподвижности.

На камне возле головы лежал на боку разбитый фонарь. Осмотровая лампа стояла выше, у ноги доктора. Крупные осколки блестели у края ступени, мелкие терялись в тёмном влажном пятне.

— Его передвигали?

— Проверяли дыхание, — ответил Симс. — Я повернул голову, расстегнул ворот. Парсонс поддерживал плечи. Полностью не поднимали.

— Кто ещё здесь был?

Доктор посмотрел на старосту.

— Когда я пришёл, он и миссис Крейн. Латимер подал свет, потом я попросил всех выйти.

Уитмор отметил положения людей. Саттон лежал в той же одежде, что днём. На носке правого ботинка виднелась светлая потёртость. Масло на камне находилось ниже, возле разбитого фонаря.

В стороне валялась жестяная маслёнка. Её крышка осталась закрытой; носик был обращён к ступеням. Инспектор не стал поднимать её.

— Это его? — спросил он Парсонса.

— Церковная. Он смазывает… Смазывал. Там наверху. Я же говорил ему, не надо одному.

— Сегодня говорили?

Староста потёр щёку.

— Говорил вообще. Всегда говорю.

Мосс расправил плащ, чтобы пройти к наружной двери, но Рид остановил его за локоть.

— Давайте обойдём. Через сухое.

На краю масляного пятна виднелся след подошвы. Не целый отпечаток: носок терялся у края ступени, но узкий каблук и часть наружной стороны можно было различить. Один большой осколок лежал поперёк тёмной полосы.

Сержант наклонился, придерживая полы пальто. Он не стал вынимать стекло, только попросил Мосса посветить сбоку. Свет показал, что рисунок продолжается под прозрачным краем.

— Доктор, вы сюда наступали?

Симс посмотрел на свои ботинки.

— Мог. Я не выбирал место. Но у меня каблук шире. Не считайте это заключением, просто посмотрите.

Каблук действительно выглядел широким и тяжёлым. Рид зарисовал след, рядом отметил осколок и направление лестницы. Мосс назвал людей, которые проходили после обнаружения. Сержант записал их отдельно, не предлагая сразу наступить рядом для сравнения.

— Снаружи дверь была закрыта? — спросил инспектор.

Парсонс открыл рот и снова закрыл.

— Я вошёл через церковь. Снаружи не смотрел.

Мосс прошёл по сухому участку, проверил наружную дверь. Она была прикрыта, но не заперта. За ней темнела узкая дорожка, усыпанная мокрыми листьями. Дальше стояла калитка на кладбище.

Уитмор попросил констебля остаться у прохода, а Рида — найти местного фотографа. Доктору сказал, что хотел бы осмотреть место, прежде чем тело унесут. Симс кивнул, но посмотрел на холодный камень под стариком.

— Не до утра, надеюсь.

— Не до утра.

Когда инспектор вышел в неф, Латимер протянул ему шапку.

— Его. Нашёл на скамье. Вдруг вам…

Он не закончил, положил шапку обратно. Уитмор отметил место, но к ней не прикоснулся. Совершенно обычная шерстяная шапка с заломленным краем, ещё днём наверняка сидевшая на голове живого человека. Сегодня почему-то все старались отдавать другим его вещи.

— Вы помогали доктору?

— Только лампу принёс. Я уже уходил, услышал Парсонса.

— Из церкви уходили?

— Да. После репетиции остался поиграть. Думал, никого здесь больше нет.

— Когда видели Саттона последний раз?

Латимер посмотрел в сторону лестницы.

— После звона. Он собирался что-то делать наверху. Я сказал, чтобы не задерживался. Мне хотелось запереть западную дверь, там сквозит.

Инспектору показалось, что он старается вспомнить дословно. Иногда так говорили люди, испытывавшие стыд за последнюю мелкую ссору. Иногда — те, кому требовалась заранее приготовленная реплика.

— Вы запираете церковь?

— Не всегда. Сегодня оставался последним внизу. Я так думал.

Марта поднялась с корточек. На её юбке осталось мокрое пятно.

— Последним никто не бывает. Эймос всё равно потом обходит. Ему не нравится, как другие проверяют окна.

Латимер не возразил. Только положил руки в карманы.

Уитмор попросил пока всех остаться. Парсонс сказал, что собрание, разумеется, отменяется, и тут же начал объяснять, кто пришёл бы и кому необходимо передать. Его уже занимало дело, которое можно выполнить. Инспектор дал ему договорить и попросил составить список.

Марта тем временем собирала полотенца.

— Эти оставьте, пожалуйста.

Она замерла.

— Стирать не буду. Только в таз положу.

— Пока пусть лежат, как лежали.

Она выпрямилась, поставила пустой таз у стены и отошла. Несколько мгновений смотрела на ладони. Потом спросила, где можно вымыть руки, раз в этот таз больше нельзя.

В её голосе не было ни почтительности, ни вызова, просто она устала стоять с чужой кровью на пальцах. Уитмор указал на боковую дверь, откуда привели воду. Она пошла туда, не дожидаясь провожатого.

Фотограф приехал на велосипеде и сердился, что трясётся сумка с камерой. Увидев башню и открытый проход, перестал сердиться. Рид помог поставить лампы. Снимали общий вид, ступени, фонарь, маслёнку и участок следа со стеклом. Инспектор следил, чтобы никто не сдвинул крупный осколок, пока его положение не будет зафиксировано.

После этого доктор с помощниками подняли тело. Под ним остались тёмные следы, которые раньше нельзя было видеть. Уитмор отметил их на плане; Рид подписал рядом время. Подвижность старика ещё утром казалась назойливой, почти раздражала. Теперь несколько взрослых людей осторожно передавали друг другу его вес и извинялись, если мешали.

Парсонс отвернулся.

— Мне надо его племяннице сказать. Она в Челтнеме. У меня адрес есть.

— Сначала дайте адрес констеблю, — сказал Уитмор. — И скажите, где дом Саттона. Там кто-нибудь есть?

— Никого. Он один с тех пор, как Мэй умерла. Соседка присматривает. Не родственница.

Доктор накрыл лицо. Инспектор вышел вместе с ним, чтобы спросить о дальнейших действиях без остальных.

— Это могло быть обычным падением?

Симс устало посмотрел на проход.

— Могло. Пока. Он тяжело ударился, но вы сами видите лестницу. Я не стану обещать больше, чем смогу проверить при исследовании.

— А вы знали его здоровье?

— Знал, что от совета не лазить наверх он злился больше, чем от боли в колене. Предлагал прислать молодого помощника. Он спросил, пришлю ли я вместе с помощником его слух. На том разговор и кончился.

Доктор натянул перчатку, потом остановился.

— Он к вам должен был прийти?

— С книгой.

— Вот как. Значит, не хотел подвести. Человек мог забыть поесть, но чужую просьбу потом таскал с собой весь день.

Уитмор поблагодарил. Он пока не знал, относились ли просьба и смерть к одному делу, и не желал отвечать так, будто уже решил.

К девяти церковь опустела. На дверь башни поставили охрану; наружный проход тоже закрыли под запись. Остальные могли уйти, оставив адреса и первоначальные рассказы. Латимер забрал сумку из-под скамьи, надел шляпу. У выхода его ждала Эллен, запыхавшаяся, с красными щеками.

— Папа, мне сказали…

Он обнял её за плечи и повёл на улицу. Она смотрела через плечо на тёмный проход, пока дверь не закрылась.

Рид остался возле доски с расписанием. Печатное время внизу не совпадало с тем, которое исправили от руки. Сержант сфотографировал бы оба листа, но фотограф уже собирал камеру; пришлось снова попросить задержаться.

— Вы думаете, дело в расписании? — спросил Уитмор.

— Пока думаю, что завтра его заменят. Бумага-то для дела не написана, люди просто работу продолжают.

Инспектор кивнул и подождал у скамьи.

В гостинице им подали остывший ужин. Хозяин спросил, нужно ли оставить комнату для ещё одного человека; он всё ещё ждал Саттона и не понял до конца услышанного от возчика. Рид покачал головой.

Уитмор сел. Напротив него лежала чистая салфетка, приготовленная на случай, если старик останется поесть после своих книг. Инспектор сложил её и отодвинул.

В этот вечер искать Элеонору больше не получилось.

Глава 3. Шесть верёвок

В субботу Рид проснулся от запаха хлеба и некоторое время не мог понять, почему ему от этого тревожно. Потом вспомнил миссис Талл, мокрые ветки в церкви и шапку на скамье. Встал прежде, чем в дверь принесли горячую воду.

Уитмор уже ушёл к Моссу. На столике оставил записку: к девяти в церкви. Сержант посмотрел на часы и решил, что успеет зайти в пекарню. Накануне Агнес Талл не было среди тех, кого он видел у лестницы. Она звонила вместе с Саттоном и передавала его просьбу в гостиницу. Две причины поговорить, не считая завтрака.

Лавка оказалась открыта, но у прилавка никого не было. Рид позвал. Из задней комнаты ответили:

— Если калач, сами берите. Деньги не под пирог, я потом забываю.

— Сержант Рид. Я хотел…

— Тогда минутку. У меня печь, у вас подождёт.

Он подождал. На подоконнике стояла кружка с засохшей мукой у ручки. В витрине коробочки со свечными формами уже не было; видно, отправили благополучно. Рид порадовался этой маленькой удаче совершенно чужой женщины и сам себе удивился.

Агнес вышла, держа противень через сложенное полотенце. Сдвинула хлеб на доску, отставила железо и только после этого повернулась к нему.

— Сказали мне вечером. Что там случилось?

— Мы выясняем. Вы когда ушли из церкви?

— После звона. Сразу. Мальчик в лавке один оставался, ему нужно было домой.

— Долго звонили?

— Для пятницы мало. Перенесли на раньше, потом всем разойтись надо. У Парсонса собрание, у музыкантов дети. Эймос ругался, что звонарям всегда достаётся оставшееся время.

— Он остался наверху?

— Когда я пошла — да. С Дэниелом ещё говорил. Потом не знаю.

Она взяла со стойки нож и срезала край подгоревшей корки.

— Он не должен был один лазить. Я ему говорила.

— Часто?

Агнес перестала резать.

— Теперь, конечно, каждый скажет, что говорил. Я два раза. Он оба раза ответил, что колокола от советов не легчают.

Рид записал. Женщина следила за пером, потом отвернулась к хлебу.

— В гостинице просил передать, что придёт к семи. Это до репетиции было, вы мне не путайте. Я заносила хлеб. Потом сюда, переоделась, в церковь. В рабочем фартуке наверх не хожу.

— Кому передали?

— Хозяину. Он ящик принимал, крикнул наверх, но, видимо, вы не услышали.

Сержант вспомнил, как наверху сердился на отсутствие старика. Сообщение могло всё это время ждать за закрытой дверью.

— А после звона вы сразу пришли сюда?

— Да. Мальчик встретил у двери. Сказал, постовой заходил, хотел булку, не нашёл мелочи. Это ваш Мосс. Я потом ему отложила. Так и лежит.

На полке под счётом действительно стояла небольшая буханка в бумаге, на которой написали фамилию констебля.

— Он во сколько заходил?

— У мальчика спросите. Я не видела. Но когда вернулась, ещё рано было. Успела до очереди из мастерских. В половине шестого они выходят. Иногда раньше, если хозяина нет.

Она назвала, где найти помощника, и спросила, можно ли вечером запереть лавку как обычно. Рид сказал, что да, только пусть оставит адрес, если собирается уйти из дома.

— Я над лавкой живу. Если вы надумаете прийти на рассвете, стучите сзади. Спереди не слышно.

Она завернула калач и положила перед ним.

— Вы ведь хотели сначала это.

Рид достал мелочь. В этот раз нашлась ровно нужная сумма.

В комнате звонарей было тесно от людей и вещей. У одной стены стояла длинная скамья, над ней висели фотографии прежних составов. Под каждой — фамилии и годы. На самой старой мужчины сидели в одинаковых тёмных костюмах, держа шляпы на коленях. На следующей кто-то уже улыбался. Последняя, ещё не вставленная в раму, лежала на столе рядом с графином воды.

Верёвки отведены к стенам. Никто их не трогал. Уитмор стоял возле окна; Мосс держал лист с именами. Инспектор успел осмотреть лестницу до того, как сюда пустили остальных, и теперь собирался выяснить обычное устройство комнаты. Вниз и наружу по-прежнему проходили только с разрешения.

Стэнли Венн первым объяснил, кому принадлежало каждое место. Он показывал карандашом, стараясь не подойти к верёвкам слишком близко. Элис Беннетт остановила его на втором имени.

— Здесь я. Вы опять справа считаете.

— Я считаю от двери, как человеку понятно.

— Но стояли вы у окна.

Венн посмотрел на полицейских и опустил карандаш.

— Место, значит, первое. Я — второе. Потом Фёрт. Агнес — четвёртая, Хоббс — пятый. Эймос держал большой.

— По одному человеку на каждый? — спросил Уитмор.

— Когда звоним всем составом. Иначе никуда. Это же не дёрнул и слушаешь.

Элис добавила, что можно звонить меньшим числом колоколов, но вчера состав был полный. Пятеро живых подтвердили присутствие шестого. Саттон задавал перемены, поправлял опоздавших и к концу опять рассердился на Хоббса.

Возчик в ответ широко развёл ладони.

— Я запоздал один раз. А он потом каждую мою ошибку на этот раз записывал. Даже если ошибался не я.

— Он узнавал, — сказала Агнес.

— Теперь уж спросить не у кого.

После этих слов все замолчали. Хоббс поправил ворот рубашки и отошёл к фотографии на столе.

Рид посмотрел на верёвки. Вчера они оставались наверху, пока внизу несколько людей пытались удержать голову Саттона на полотенце. Сейчас привычные вещи снова требовали своих хозяев. Сержант заметил у большого окна вытертый дощатый участок пола; человек стоял там годами, перенося вес с одной ноги на другую.

Дэниел Фёрт держался отдельно. На нём был чистый пиджак, однако на одном рукаве белела древесная пыль. Он всё время сдвигал правую ладонь в карман и вынимал, будто проверял наличие маленького предмета.

— Мистер Фёрт, вы остались с Саттоном после репетиции? — спросил инспектор.

— Недолго.

— О чём говорили?

— О ремонте.

Парсонс, стоявший в дверях, шумно вдохнул.

— Вот именно. Ремонт давно следовало закончить.

— Тогда говорили бы со мной раньше, — ответил юноша.

— Я говорил. Деньги получены…

— Мистер Парсонс, — перебил Уитмор. — О расходах отдельно. Сейчас я спрашиваю о вчерашнем разговоре.

Фёрт посмотрел на пол. На лице у него выступили красные пятна.

— Спросил, принесу ли доску в субботу. Я сказал, принесу. Он велел не оставлять на кладбище под дождём. Вот и всё.

— Вы ссорились?

— С ним всегда будто ссоришься. Он по-другому не умеет.

Элис повернула голову, словно хотела возразить, но не стала. Рид записал ответ без добавления, что юноша говорил сердито. Все сегодня говорили иначе, чем вчера.

Венн тем временем вернулся к расписанию. Он принёс из лавки экземпляр приходского листка и показывал, что печатное время совпадает с наружным объявлением.

— Я наизусть его знал. Половина шестого. Поэтому и не понял, когда Элис велела прийти раньше. У меня покупатель был.

— Но пришли раньше? — спросил Рид.

— Пришёл. Она сказала, все уже знают.

— А вы как узнали? — обратился сержант к Элис.

— Мисс Коул передала записку в среду. Ближе к вечеру. Попросила обойти тех, кого увижу. Детям она сама написала, родителям тоже.

— Почему перенесли?

Парсонс поднял руку, хотя его никто не просил ждать очереди.

— Собрание в шесть. Требовалось убрать после хора. Звон тоже решили начать раньше, чтобы дети могли спокойно репетировать. Прежде накладывалось, Латимер жаловался. Всё обыкновенно.

— А наружное объявление?

— Не успели заменить. В новый листок войдёт. Исправлять на стекле не хотелось, неаккуратно.

Агнес медленно повернулась к старосте.

— Внутри чернилами наискось аккуратно, а снаружи нельзя?

Парсонс промолчал. Уитмор попросил передать полиции оба варианта и отдельно указать, кто кому сообщал об изменении. Рид пометил, у кого позже уточнить время ухода.

Разговор о Саттоне выходил то злым, то жалостливым. Хоббс вспомнил, как старик однажды запер его шапку за неверную верёвку. Венн сказал, что Саттон никогда не опаздывал на похороны, даже когда никому не платили. Элис заметила, что это зависело от того, к чьим именно похоронам его звали. Агнес попросила не начинать.

— Почему его называют последним звонарём? — спросил Рид. — Вас же шестеро.

Венн показал на старую фотографию.

— Последний из тех. При прежнем настоятеле. Он на этих снимках везде есть. Вот здесь ещё мальчишка, видите?

Рид приблизился. У крайнего окна сидел молодой мужчина, в котором уже можно было узнать Саттона по длинному носу. Рядом стояла женщина с корзиной, попавшая на фотографию случайно. Она смотрела не в камеру, а на кого-то за краем кадра.

— Мэй, — сказала Элис. — Она им чай приносила. И ругала, если пол пачкали.

Инспектор посмотрел на подпись, не касаясь рамы. Год не имел отношения к Вейл: снимок был значительно старше. Всё же он несколько секунд разглядывал лицо женщины, книгу которой так и не дождался.

Состав отпускали по одному, чтобы Мосс записал адреса и договорился о дальнейших встречах. Фёрта попросили задержаться. Парсонс тоже остался, однако инспектор отправил его вниз прежде, чем продолжить с молодым столяром.

— Не хочу снова при всех, — сказал Дэниел. — Мне и так…

Он вытянул из кармана маленький складной метр и тут же убрал обратно.

— По ремонту поговорим, — ответил Уитмор. — Сейчас скажите: Саттон после вашего ухода собирался спускаться?

— Остался за столом. Сказал, надо дописать. Потом убрать. Я спросил, не нужна ли помощь. Отказался.

— Писал в книгу?

— На листке. Не в книге. У него тетрадь была, куда для рождественской брошюры записывал. Он истории собирал — кто тут раньше звонил, кто чего построил. Уж лучше бы давно про верёвки написал, пользы больше.

— Этот лист вы читали?

— Нет.

Ответ вышел слишком поспешным. Уитмор не повторил вопрос, а попросил показать, где Дэниел стоял, когда разговаривал со стариком. Юноша указал место у двери. Оттуда до стола было несколько шагов, а свет падал с другой стороны. Разглядеть текст, не приблизившись, было бы трудно.

Они записали это и отпустили Фёрта с просьбой принести договорённости о ремонте. Он ушёл, не попрощавшись с Парсонсом, который ждал на лестнице.

Рид остался у фотографий. Ему хотелось пересчитать лица, найти одного из тех, кто ещё мог бы рассказать о Мэй. Уитмор, словно заметив, сказал, что с домом пока подождут: констебль выясняет порядок доступа и разыскивает племянницу.

— Мы опять не открыли книгу, — произнёс сержант.

— Откроем. Когда это можно будет сделать правильно.

Рид опустил карандаш. Спорить не хотелось, но от слов «правильно» и «позднее» за последнее время он устал не меньше, чем от холодной воды в гостиницах.

Во дворе их догнала Мириам Коул. Она несла школьные тетради и остановилась, не зная, можно ли начать разговор без приглашения.

— Мне нужно сказать про вчерашний вечер. Я проводила детей. После репетиции. Их иногда забирают у ворот, а вчера почти все пошли вместе. Хочу, чтобы это не забыли, если родителей станут спрашивать.

— Кто остался с Латимером? — спросил Рид.

Мириам посмотрела на него внимательнее.

— Где?

— В церкви.

— Он занимался своим. Я собирала вещи, ходила к воротам, потом ещё возвращалась. Мы не сидели все вместе до самого закрытия.

Она переступила с ноги на ногу. Одну тетрадь держала перевёрнутой, и Риду захотелось её поправить. Не стал.

— Вы играете? — спросил он, заметив между обложками нотный лист.

— Да.

— Я думал, вы только с детьми.

— С детьми я тоже играю, сержант. Они ведь не сами подбирают себе аккомпанемент.

Она сказала это сухо. Рид почувствовал, что промахнулся, и извинился. Мириам кивнула, не смягчаясь, спросила, когда ей лучше прийти для подробной записи. Договорились на следующий день в гостинице.

У ворот стояла Марта. Увидев полицейских, она отступила в сторону, пропустила учительницу и дождалась, пока та отошла достаточно далеко.

— Вы у меня вчера про него ничего не спросили, — сказала она Уитмору.

— Сегодня хотел прийти.

— Я знаю, все хотели. У него всегда кто-нибудь потом собирался прийти.

Она вынула из сумки сложенный лист. Держала его за середину, не расправляя, как держат плохо выстиранную вещь, которую всё равно придётся показать.

— Он просил меня вечером вернуться. Вот. Я и вернулась. Только Парсонс уже кричал.

Уитмор предложил пройти в притвор, где не дуло. Марта согласилась. Лист оказался короткой запиской Саттона. В ней он просил поговорить после репетиции и сообщал, что разговор касается Майкла.

— Кто такой Майкл?

Женщина посмотрела на инспектора. Он понял, что она рассчитывала обойтись без этого вопроса: в городе, где все знали её сына, не нужно было произносить, кем он ей приходился.

— Мой мальчик. Пять лет как на дороге погиб. Эймос тогда сказал, что ничего не видел. А теперь написал — нужно поговорить.

Она вытянула руку за листком, потом вспомнила, кому отдала, и медленно опустила её.

— Скажите, если знаете. Такое разве забывают? А потом вдруг вспоминают?

Глава 4. Книга Мэй Саттон

У Марты Крейн на подоконнике лежали мужские запонки. Две простые круглые запонки на выцветшей тесёмке; рядом — катушка ниток и раковина, привезённая откуда-то с моря. Уитмор заметил их, пока женщина освобождала стол. Не спросил, чьи.

— Это Майкловы, — сказала она сама. — В воскресенье надевал. Будни в такой рубашке дорого стирать.

Она переложила запонки на катушку и придвинула полицейскому стул. Рид остался у двери, чтобы не загромождать маленькую комнату. Марта сердито предложила сесть и ему.

— Вы мне так всё время выход загораживаете. Кипяток понесу, ещё оболью.

Он сел.

Записка Саттона лежала перед инспектором. Марта согласилась временно передать её полиции, но попросила копию. Не потому, что не доверяла: ей нужно было ещё раз прочитать, когда в комнате не будет чужих людей.

— Он отдал в четверг, — сказала она. — Тут, на улице. Окликнул и сунул. Я спросила, чего ему не говорится сейчас, он ответил: сейчас не время. Вечно у него не время.

— Вы прежде говорили с ним о сыне?

— После того, как случилось. Потом редко. Он говорил, что не знает ничего. Дорога тёмная, машин много. Какие там машины ночью…

Она поджала губы. Затем, словно вспомнив что-то неприятное о собственной точности, добавила:

— Не совсем ночью. Вечером. Я всё называю ночью, потому что меня уже разбудили, когда пришли.

Майкл шёл домой по дороге со стороны станции. На следующий день должен был работать. До дому оставалось немного. Его нашли у обочины; водитель, сбивший его, не остался. В газете написали о происшествии, полицейские расспрашивали людей в окрестных домах, но человека за рулём не установили.

— Саттон был среди опрошенных?

— Да. Возвращался от какого-то дела за станцией. Он умеет всё чинить, его раньше по всему району звали. Говорил, что прошёл до того, как случилось.

— У вас сохранилось что-нибудь? Газета, письма из полиции?

— Всё.

Марта сказала это сразу. Встала, отодвинула низкий комод от стены и вынула из-за него плоскую коробку. На крышке не было надписи. Она подняла её с такой осторожностью, словно содержимое могло перемешаться даже от дыхания.

Уитмор не стал предлагать помощь.

Газетная вырезка называлась «Водитель разыскивается». Марта объяснила, что первые дни перечитывала каждое утро. Потом перестала. Знала, где какое слово, и всё равно казалось, что может появиться новое.

Рид спросил дату. Женщина назвала двадцать второе октября двадцать седьмого года и взглянула на него с настороженностью: он тоже собирался записать и унести.

— Мы запросим прежние материалы, — сказал инспектор.

Она кивнула, не поблагодарив.

— Майкл не был святым, если вы начнёте спрашивать. Деньги иногда тратил, где не надо. Мог вернуться поздно. Но в тот вечер шёл домой. Пешком. Мне потом говорили, может, сам под машину попал. Так удобно: раз никто не остался, значит, виноват тот, кто уже не скажет.

— Кто вам это говорил?

— Не стану фамилии перечислять. Сначала пусть их слова из головы уберутся, потом я ещё раз всё повторю — нет уж.

Инспектор записал только то, что относилось к происшествию. Марта следила. Когда он остановился, подвинула коробку подальше от края.

— Эймос мне после смерти Мэй одежду приносил стирать. Я брала плату. Вы, если услышите, будто он помогал бедной Марте, не верьте. Работу приносил. Я делала.

— Слышали такое?

— Здесь всё так называют, если одному неловко взять, а другому приятно дать. Мы с ним из-за этого и ссорились. Он иногда переплачивал, а потом сердился, что возвращаю.

Рид посмотрел на запонки. Застёжки были слишком обычными, чтобы о них спрашивать, и слишком старательно сохранёнными, чтобы забыть. Он подумал о Нелл, которая недавно отдала в мастерскую его старую рубашку на тряпки, заранее предупредив, что плакать по ней не станет. Ему вдруг захотелось услышать её голос.

— Он написал «касается Майкла», — продолжила Марта, глядя на записку. — Я всё думала, нашёл человека. Или вспомнил номер. Но почему не пошёл в полицию? Почему меня позвал?

— Этого мы пока не знаем.

Она потёрла лоб и отодвинула чашку, к которой не притронулась.

Уходя, Уитмор попросил оставить коробку в том виде, в каком она была, до копирования нужных бумаг. Марта согласилась. У самой двери протянула ему старый почтовый конверт с именем полицейского, который вёл дело.

— Может, он ещё служит. Тогда ему меньше объяснять придётся.

Инспектор взял конверт и пообещал выяснить.

На улице Рид расстегнул пальто: в маленькой комнате было натоплено слишком жарко, и теперь холодный воздух неприятно лип к спине.

— Значит, не только из-за лестницы, — сказал он.

— Возможно, не из-за лестницы вообще.

Уитмор остановился возле поворота. Он не хотел менять одну поспешную догадку на другую, однако записка, написанная накануне смерти, требовала другого разговора со всем приходом.

Мосс ждал у гостиницы. С ним приехала племянница Саттона — Роуз Харпер. Невысокая женщина в коричневом пальто прижимала сумку к животу обеими руками; заметив, как крепко вцепилась в ручки, переложила её в одну руку и, кажется, разозлилась на себя.

Она приехала из Челтнема. Муж остался с детьми. Водителя одолжили у знакомых, и ему нужно было возвращаться до темноты. Роуз спрашивала о дяде коротко, без подробностей. Когда Уитмор объяснил, что требуется посмотреть его дом и сохранить бумаги, она согласилась и попросила не заставлять её сейчас разбираться с похоронами при водителе.

— Он не посторонний, — сказала она. — Просто я пока не могу всё это произносить.

Мосс отвёл водителя поговорить о дороге. Инспектор рассказал только необходимое, после чего они пошли к дому Саттона. Холодно было так, что Роуз дважды роняла перчатку, пытаясь убрать сумку под руку.

Дом стоял за поворотом к станции. Перед дверью рос голый розовый куст, привязанный к стене полосками ткани. У ступеньки был отбит угол. Рид заметил, как Роуз привычно переступила его, не посмотрев вниз.

Ключ принесла соседка, миссис Пембертон. Она приходила присмотреть за печью, если Саттон задерживался, но после сообщения о смерти не входила: Мосс просил подождать. Роуз взяла ключ, открыла дверь и сразу сказала:

— Он опять ничего не ел.

На столе стояла тарелка, прикрытая другой тарелкой. Хлеб засох по краям. Возле камина сохла одна пара носков, второй на верёвке не было. На спинке стула лежал шарф, аккуратно свёрнутый вчетверо, — чужая привычка среди беспорядка последних двух дней.

— Тётя так складывала, — сказала Роуз. — Он всю жизнь её дразнил. А теперь сам.

Она прошла в кухню, подняла полотенце с чистой посуды и положила обратно. Ни одну вещь не удавалось взять без необходимости решить, куда её девать дальше.

Полицейские начали с описания комнат и бумаг, пока племянница могла показать обычные места хранения. Рид вносил предметы в список, Уитмор осматривал стол. Констебль оставался у входа, записывая, кто и куда проходит.

В доме не было следов спешного поиска. Открытые ящики, как объяснила Роуз, оставались открытыми ещё при жизни тёти: направляющие разбухли, дядя всё собирался чинить, для соседей время находил, для себя — нет.

— Он ведь плотник? — спросил Рид.

— Вот именно.

Роуз коротко улыбнулась и тут же отвернулась.

Соседка постучала в открытую дверь. Принесла полотенце, которым накануне завернула ключ, и сама же посмеялась над тем, что от ключа теперь осталось полотенце.

— Я искала, куда его положила. Увидела и опять к вам пошла. Вы ведь на ночь здесь будете, Роуз?

Племянница посмотрела на кухню.

— Не знаю. Нужно остаться, наверное. В гостинице как будто неудобно.

— В гостинице удобнее, если печь не топили. Не решайте из-за того, что я спросила.

Миссис Пембертон не перешла порога, пока Мосс не кивнул. Рид записал время её входа. Женщина заметила запись и спросила, нужна ли фамилия полностью: на соседнем участке жила дальняя родственница мужа с такой же. Мосс ответил, что знает адрес, но всё-таки записал дом. Пембертон успокоилась. Порядок ей нравился, если не приходилось угадывать, какой именно.

Роуз предложила поставить чайник. Соседка спросила, есть ли уголь; сама заглянуть не пошла. На этом осторожном воздержании от привычных движений Рид впервые понял, как часто она бывала в доме. Знала, в какой шкаф нужно потянуться за совком, но теперь ждала разрешения даже там, где чужой человек давно действовал бы без вопроса.

— Вы видели мистера Саттона вчера? — спросил Уитмор.

— Утром. Он вышел со свёртком к церкви. Я сказала, что в доме окно открыто. Он ответил, что проветривает. Я предложила закрыть к обеду, а он сказал, не нужно, сам вернётся. Не вернулся, а я забыла. Потом весь вечер думала про это окно, пока Уолтер не сказал подождать у себя.

— Где окно?

— В задней спальне. Вот здесь.

Вместе посмотрели: створка была прикрыта, на крючке оставалась щель. Следов взлома не заметили. Уитмор отметил сообщение, не превращая его в самостоятельный путь преступника. Мосс проверил крючок и оставил створку как была.

Миссис Пембертон держала запасной ключ ещё при Мэй. На случай болезни или отъезда. Постояльцев сама не впускала, расчёты за комнаты не вела. Уитмор спросил, не хранились ли у неё какие-нибудь книги или старые письма Саттонов. Женщина покачала головой.

— Мэй не разрешала забирать бумаги из дома. Даже мне, хотя я за стенкой. Если нужен был адрес, писала отдельно. Один раз я взяла её тетрадку на вечер, чтобы переписать, кому обещала варенье, так она после ужина пришла за ней. Сказала, у меня оставит — сама забудет, куда положила. Я обиделась, потому что поняла совсем не так.

— Вы дружили? — спросил Рид.

— Да. Не значит, что каждый день ладили. Она мне могла сказать, когда я лишнее говорила. К другим подругам для этого ходить не требуется.

Роуз вернулась из кухни с пустой угольной корзиной. Решили, что на ночь ей пока лучше снять комнату. Соседка предложила достать уголь завтра, когда будет понятнее, надолго ли племянница останется. Роуз согласилась слишком поспешно и стала извиняться, что обременяет чужих. Пембертон сразу перебила:

— С четверга жду, когда ваш дядя починит мою кастрюлю. Я всё равно собиралась его искать. Не получается сегодня помочь одному и никогда ничего не попросить у него взамен.

Она стояла у стола, на котором Рид разложил чистую бумагу для описи. Взяла было со спинки стула шарф, чтобы не мешал, затем положила обратно.

— Запишите и кастрюлю, если найдёте. У неё ручка отвалилась. Ещё решите, что они все его, и увезёте в Челтнем.

Роуз впервые улыбнулась по-настоящему. Ненадолго, но соседка заметила. Показала взглядом на ещё один стул — этот можно брать смело, обе ножки ровные.

Уитмор объяснил, какую старую книгу надеются найти. Имя Вейл Пембертон не знала. В двадцать четвёртом она уже жила рядом, однако в комнаты Саттонов при жильцах не ходила и расспрашивать Мэй обо всех не считала своим делом.

— Они и без меня уставали от вопросов. Человек с дороги, его уже спросили, откуда, надолго ли, не женат ли. Я приходила вечером к Мэй на кухню. Если постоялец выходил — здоровались. По этому нельзя потом опознавать через восемь лет.

— А записи Мэй помните?

— На краю стола лежали. Она давала гостю карандаш, имя просила написать самому, чтобы не переспросить неправильно. Плату считала сама. Кто расписку хотел — получал. Я всё шутила: как в большой гостинице, а у тебя две комнаты. Мэй сказала, в большой гостинице, если человек заспорит, к нему выйдет мужчина в ливрее, а у неё Эймос днём вечно не дома.

Соседка посмотрела на племянницу, словно проверяла, не прозвучало ли это как упрёк. Роуз сказала, что тётя и при нём предпочитала разбираться сама.

Пембертон кивнула. На выходе вернула полотенце с ключа Роуз, затем вспомнила, что оно её собственное, и забрала обратно. Пообещала зайти к гостинице вечером и сообщить, найдёт ли кого-нибудь для печи. Мосс проводил её и снова занял место у двери.

Рид посмотрел на список. Между учтёнными книгами и шкафом с посудой появилось «кастрюля миссис Пембертон, ручка». Он оставил строку на месте. Роуз стояла у бюро и уже могла объяснять, какие бумаги тётя держала отдельно.

В нижнем ящике письменного бюро лежали старые тетради, обвязанные лентой. На верхней рукой Мэй было написано: «Комнаты». Под ней — ещё две, за более ранние годы. Отдельно лежали квитанции, письма и несколько листов, вложенных без обложки.

— Мне нужно посмотреть записи за двадцать четвёртый, — сказал Уитмор. — Это другой наш запрос. Я спрашивал у вашего дяди вчера.

Роуз посмотрела на него.

— Поэтому вы здесь?

— Поэтому мы приехали в Сент-Брайд. О смерти узнали позднее.

Она приняла объяснение не сразу. Инспектор видел, как она пыталась соединить чужую давнюю пропажу с вчерашним вечером. Не стал помогать ей выдумать связь, которой пока не было.

— Смотрите, — сказала наконец. — Только не разрывайте. У тёти всякая ленточка что-нибудь значила.

Рид подложил под тетради чистую бумагу. Страницы разошлись легко. Мэй записывала жильцов, сроки, плату, иногда — мелкие хозяйственные замечания: попросить вернуть ключ, не ставить чемодан на покрывало, утром дать горячую воду раньше обычного. По нескольким

записям можно было представить человека, который давно уехал, но оставил после себя прожжённую салфетку или сломанный крючок.

Уитмор нашёл ноябрь. Не стал листать дальше и позвал Рида ближе.

Восемнадцатое ноября 1924 года. Комната у сада. Мисс Элеонора Вейл, Блэквуд. Ниже значилась полученная плата и подпись; к странице подклеили корешок квитанции. На обороте Мэй отметила, что деньги приняла лично.

Инспектор прочитал запись ещё раз. Рядом был девятнадцатый день, затем фамилия другого жильца. В той же руке, теми же чернилами, среди столь же обыкновенных замечаний о ключах.

Рид не спросил, та ли это женщина. Вынул из папки копию письма Элеоноры к Эстер, положил рядом, не касаясь старого листа. Подписи имели сходные черты, но объявлять это достаточным сравнением они не стали.

— Вы помните эту фамилию? — спросил Уитмор у Роуз.

— Нет. Я в тот ноябрь сюда не приезжала. Могу сказать, что это тётин почерк. Но человека не помню.

Он кивнул. Часть его хотела услышать совсем другое. Он всё же предпочёл ясный отказ неуверенному рассказу, который потом пришлось бы разбирать по словам.

Роуз смотрела на страницу.

— Мэй всем давала расписки. Даже за одну ночь. Люди смеялись, а ей нравилось, чтобы потом не спорили. Вы с собой её возьмёте?

— Тетрадь и квитанцию нужно сохранить для проверки. Дадим вам подробную расписку. Ничего не будем отделять, пока не снимем.

Она согласилась и предложила поставить чайник. Рид, видя, что женщина не знает, чем занять руки, не отказался. Сам продолжил описывать остальные пачки.

Среди листов нашлась газетная вырезка о дорожном происшествии. Похожая на ту, которую Марта хранила за комодом. Саттон оставил её без даты на обороте, но заголовок и первые строки совпадали. На полях стоял короткий карандашный крест.

Сержант позвал инспектора. Уитмор прочитал, посмотрел на знак и спросил Роуз, не ставил ли её дядя так пометки обычно.

— Когда нужно было вернуться. Или когда не соглашался. По-разному. Не могу вам сказать по одному крестику.

— Я тоже не могу, — ответил он.

Вырезку описали отдельно, указав, между какими листами она лежала. К вырезке приложили копию записки Марте.

Когда Роуз вернулась с чайником, в руках у неё дрожала крышка. Рид подхватил её, пока она не ударилась о стол. Женщина поблагодарила и вдруг сказала:

— Я должна была привезти детей на Рождество. Он просил. Сказал, в доме всё равно пусто, пусть хоть кому-нибудь будет шумно. Я ответила, что посмотрим. Не хотела обещать.

Она налила чай и поставила чашку мимо блюдца.

— Вы бы тоже не обещали? Если не знаете, получится ли?

Уитмор поймал себя на желании сказать правильные слова. Вместо этого взял блюдце и подвинул под чашку.

— Я много раз так отвечал.

Роуз посмотрела на него и кивнула.

Из дома вышли затемно. Уитмор нёс коробку с учтёнными тетрадями, Рид — папку и пакет с вырезкой. У ворот сержант задержался, чтобы дать инспектору открыть машину.

— После шестнадцатого, — сказал он негромко.

Уитмор понял, о чём речь.

— После. Теперь нужно проверить саму запись, подпись и то, что удастся узнать о получении заказа.

— Я понимаю. Всё-таки после.

Инспектор поставил коробку на сиденье. Дверца закрылась не сразу: мешал край бумаги. Он осторожно заправил его внутрь и только потом повернулся к Риду.

— Да, — сказал он. — Восемнадцатое ноября.

Глава 5. Поздний хор

В воскресенье хозяин «Вязовой ветви» подал к завтраку вчерашний хлеб, поджаренный так старательно, что Рид сперва принял его за какую-то местную разновидность сухаря. Масло, напротив, оставалось твёрдым. Оно выламывало в ломте середину, и сержант, провозившись с первым куском, положил на второй целую жёлтую стружку.

— Сегодня служба в школе, — сообщил хозяин. — В церкви-то теперь нельзя. Жена пошла помогать со стульями.

Уитмор спросил, не помешают ли они мисс Коул, назначив ей встречу на утро.

— Она сама велела сказать, что придёт в десять. Дети сегодня с родителями, управятся без неё. Чаю ещё?

Мириам появилась раньше обещанного. Шляпу она сняла, перчатки оставила на руках; села на край стула и оглянулась на дверь, за которой хозяин принялся убирать посуду. Уитмор попросил его пока не входить.

— Вы разрешили обойтись без школы, — сказала учительница. — Я не хотела, чтобы меня видели у вас перед службой. Начнут спрашивать, что я рассказала.

— Вы можете никому не отвечать.

— Да, я знаю. В маленьком месте это очень удобно сказать.

Рид отодвинул тарелку, оставленную для хозяйки, и освободил учительнице место на столе. Мириам вынула тетрадь в серой обложке. Угол был загнут, между страницами торчали две узкие полоски бумаги.

— Это не журнал посещений. Здесь всё подряд, — предупредила она. — И не всё относится к пятнице.

На развороте стояли фамилии детей, номера нотных страниц и пометки: принести шарф, спросить о кашле, не ставить Нору рядом с сестрой. У фамилии одного мальчика значился вопросительный знак. Мириам прикрыла его большим пальцем.

— Я должна позвать его мать. К вашему делу это не имеет отношения.

Инспектор оставил страницу ей. Попросил рассказать вечер с того места, где она вошла в церковь, и не стараться придавать минутам больше точности, чем она помнила.

Дети собирались перед окончанием звона. Младшие кричали друг другу, потому что не слышали собственных голосов; Мириам дважды отправляла их назад снимать грязную обувь с подушек у скамей. Когда стало тихо, Латимер постучал карандашом по нотам. Начали почти сразу.

— Мы не могли заниматься долго. Мистер Парсонс просил к шести освободить всё для собрания. Я обещала матерям, что отпущу детей раньше обычного.

— Во сколько?

— Около половины шестого. Несколько минут после, наверное. Я не следила за стрелкой. У двух сестёр перепутались пальто — старшая надела на младшую своё, и обе принялись искать второе. Оно оказалось на другой скамье. Такое время в тетрадь не запишешь.

До ворот она проводила семерых. За четырьмя пришли взрослые, троих забрала с собой миссис Дрю, жившая на той же улице. Последний из этих четверых ждал отца у ограды. Мириам не ушла, пока отец не появился с велосипедом.

— Фамилию отца я напишу. Дома его зовут Берт, но для ваших записей это, наверное, мало.

Она сняла наконец правую перчатку. Под ней на среднем пальце было чернильное пятно.

— После ворот вы вернулись за вещами? — спросил Рид.

— За вещами тоже. Я хотела поиграть.

— На органе?

Мириам подняла глаза. Сержант поспешил добавить:

— Я записываю, мисс Коул. Не удивляюсь.

Она чуть улыбнулась.

— На органе. Дома у меня пианино хозяйки, к которому после ужина нельзя прикасаться. Она говорит, у неё начинает болеть голова. Свои гаммы я могу и в школе отстучать, но там совсем другое.

Латимер позволял ей заниматься между репетициями. Иногда слушал и делал замечания. Мириам платила ему за отдельные уроки, однако эти четверть часа уроком не считались.

— В пятницу он сидел с вами?

— Нет. Я говорила, что вернулась одна. То есть в церковь, конечно, входили люди. Но возле клавиш я была одна.

— Где был мистер Латимер?

— Я не знаю.

— Вы видели его, когда возвратились от ворот?

Учительница посмотрела на серую тетрадь, словно ответ мог быть записан среди домашних поручений.

— Я видела мистера Саттона. Он стоял возле прохода в башню и спросил, всех ли разобрали. Именно так: «Всех разобрали?» Я сказала, что у последнего отец наконец отыскался. Мистер Латимер там не стоял. Кажется, я услышала, как он что-то передвинул наверху, но это мог быть кто угодно. Не записывайте, что я его слышала.

Уитмор попросил показать, где находился старик. Они положили на стол план, начатый Ридом накануне. Мириам повернула бумагу к себе.

— Здесь. Одну руку он держал за спиной. В другой была бумага. Не письмо в конверте — просто лист, сложенный пополам. Я подумала, опять считает, сколько нужно свечей. Он вечно считал, а потом всё равно покупал лишние.

Она замолчала, смутилась от настоящего времени и поправляться не стала.

Когда Мириам поднялась к органу, скамья была свободна. Она играла две короткие пьесы, потом несколько раз повторяла неудобный переход. Около шести Латимер появился у лестницы на галерею. Уже был в пальто, но без шляпы. Сказал, что прихожане вот-вот начнут собираться и пора закрыть инструмент.

— Что значит «около шести»? — спросил Рид.

— Незадолго до. Он спросил: «Без двух?» У меня часы на ремешке, я посмотрела и сказала: «Да». Я помню, потому что подумала, мог и сам взглянуть. Его часы всё время при нём.

Рид записал ответ отдельно.

Мириам отдала ключ, забрала ноты. Спускаясь, видела Латимера ещё раз: он наклонился у скамьи, где оставляли верхнюю одежду. Она не заметила, что он делал. Вышла западной дверью; на ступенях пропустила двух женщин, шедших на собрание. Крика не слышала. Дома ей сперва сказали только, что с мистером Саттоном случилось несчастье.

— Значит, музыку после ухода детей слышали, когда играли вы, — произнёс Уитмор.

— Да. Если кто-нибудь слушал.

— Могли со двора решить, что это мистер Латимер?

Она отвела взгляд.

— Со двора могли решить что угодно. Я играю хуже. Но через стену это не каждый разберёт.

Рид уже собирался сказать, что качество игры их не интересует, и удержался. Ей оно было важно. Он попросил назвать пьесы и записал названия так, как она продиктовала, без попытки угадать написание.

— Я ничего не скрывала, — добавила Мириам. — Вчера вы спросили, кто оставался. Я ведь не могла перечислить всех, кого не видела.

— Не могли, — сказал Уитмор. — Вы ответили ясно. Если мы поняли иначе, это наша работа — поправить запись.

Учительница перечитала лист, вычеркнула слово «встретила» перед фамилией Латимера и надписала «увидела у лестницы». Потом отдала карандаш Риду.

— Он не подходил ко мне. Снизу спросил. Может, это и не важно.

Сержант внёс исправление.

За дверью стукнула посуда. Хозяин ждал с новым чайником так долго, что вода успела перестать шуметь. Мириам согласилась на чашку и впервые села как следует, отодвинувшись от края. Разговор перешёл на детей. Один из мальчиков вырезал для Саттона деревянный самолёт, надеясь, что старик поможет приделать колёса. Мириам спросила, можно ли отдать его племяннице. Инспектор обещал передать вопрос. Роуз ещё предстояло разобрать вещи дяди; самолёт пока оставили у учительницы.

К Латимерам поехали после полудня. Дом стоял в коротком ряду за аптекой; на дверях висели маленькие медные цифры, и чужой человек проходил мимо, прежде чем замечал нужную. Эллен открыла в переднике. Из комнаты за её спиной донёсся один и тот же неловкий аккорд, взятый три раза.

— У папы ученик. По воскресеньям обычно нет, но этому мальчику завтра в Лондон. Если вы сможете подождать…

Она не договорила. Уитмор снял шляпу.

— Подождём.

В передней было тесно. Рид оказался перед зеркалом, из которого на него смотрела собственная слишком серьёзная физиономия. Рядом висела фотография женщины в шляпе, под стеклом — засушенный цветок. Раму внизу придерживали бумагой, чтобы не съезжала.

Мальчик в комнате начал сначала. Теперь аккорд получился; вслед за ним всё рассыпалось.

— Не возвращайся, — сказал Латимер. — Иди дальше. Ты уже сыграл эту ошибку, зачем же играть её снова?

Рид невольно посмотрел на инспектора. Уитмор изучал подставку для зонтов.

Когда ученик ушёл, органист попросил пройти в гостиную. Он был в старом домашнем пиджаке. Один карман оттопыривался под тяжестью связки ключей. На пианино лежали ноты, на столике рядом, на сложенной салфетке, — перевёрнутая чашка. Эллен протирала посуду и ещё не успела убрать.

— Не ожидал вас сегодня, — сказал Латимер. — Есть что-нибудь новое?

— Уточняем пятницу.

— Я уже говорил констеблю. Репетиция, затем занимались до шести. Потом этот ужас.

— Кто занимался?

— Хор. Я. Мисс Коул. Вы её видели.

— Видели. Детей она проводила раньше, а потом играла одна.

Латимер потянулся к чашке, рассеянно перевернул её в ладонях и поставил обратно. Из кухни слышно было, как Эллен открывает ящик с ложками.

— Разумеется. Я не утверждаю, что дети стояли до шести. Маленьких нельзя держать так долго. Вы спрашиваете, был ли я всё время за инструментом?

— Именно.

— Нет. Мисс Коул упражнялась. Я разбирал бумаги, спускался. В церкви за неделю столько всего накапливается.

— В пятницу вы сказали, что после репетиции остались поиграть.

— Я и играл. Пока она выводила детей. Несколько минут. Разве я говорил, что весь вечер?

Уитмор открыл прежнюю запись и прочитал ему фразу. Латимер подтвердил слова, но повторил, что о продолжительности его не спрашивали.

Уитмор попросил перечислить, куда он ходил. Латимер назвал ризницу, скамью с одеждой, шкаф под галереей. В ризнице искал лист с порядком рождественской службы, хотя окончательного порядка ещё не утвердили. У шкафа хотел взять запасные свечи для настоятеля. Часть времени сидел в пустом нефе и слушал.

— Вы можете вспомнить, что играла мисс Коул?

Органист назвал первую пьесу верно. Вторую не вспомнил.

— Она их меняет. Играет одно, сердится и берётся за другое. Я не сижу с часами над каждым учеником.

— К башне подходили?

— После того как мистер Парсонс позвал.

— А прежде?

Он помедлил.

— Мы все мимо ходим. Проход рядом. Если вы хотите знать, поднимался ли я к звонарям, то нет.

Рид записывал за столиком у окна. На нижней полке лежал атлас автомобильных дорог с потрёпанным корешком, зажатый между двумя сборниками песен. Сержант отметил его машинально: на собственном столе у него справочник тоже служил подпоркой вещам, которыми пользовались чаще.

Латимер спросил, считают ли они смерть Саттона убийством. Уитмор ответил, что обстоятельства падения ещё проверяют.

— Он стал неосторожен, — сказал органист. — Я не о возрасте. Бывают люди, которые всю жизнь отлично знают лестницу, а потом перестают на неё смотреть. У меня в кабинете половицу заклинивает. Каждый день обещаю себе починить.

— Вы видели, чтобы он спотыкался?

— Нет. Я объясняю, что это возможно.

Эллен внесла поднос и убрала прежнюю чашку вместе с салфеткой. Для Уитмора поставила другую, с тонкой трещиной у ручки. Наливая, придерживала блюдце двумя пальцами.

— Мистер Саттон по этой лестнице ходил и с досками, — сказала она. — Помните, папа, ещё ругал меня за то, что я ему помогать полезла? Он сказал, с помощниками всегда хуже.

— Доски были короткие.

— Я не про доски.

Она села возле пианино. Уитмор спросил о её пятничных поездках. Эллен подробно рассказала о покупках: сапожник, аптекарь, бакалея, потом церковь. Позже она была дома. Когда соседка сообщила о происшествии, вернулась за отцом.

— Что вы забрали у сапожника?

— Папины туфли. Для органа. У них тонкая подошва, в уличных неудобно.

— Их ремонтировали?

— Каблук. Слева, кажется. Я отдала обе, чтобы не искать потом вторую. Уилкс вечно просит приносить пару.

Латимер сказал, что туфли очень старые и Эллен давно велит купить новые.

— Она полагает, я могу преподавать с утра до вечера, а в промежутках бегать по магазинам.

— Я сказала, что сама куплю.

— Без примерки?

— Мы уже об этом говорили, папа.

Дочь произнесла это спокойно, как человек, оставляющий на завтра неприятную домашнюю починку. Латимер с улыбкой повернулся к инспектору, приглашая его принять сторону разумного мужчины. Уитмор отпил слишком горячего чая.

— В туфлях вы играли на репетиции?

— Да.

— Когда переобулись обратно?

— Перед уходом. Я храню пару в сумке. Иногда оставляю у органа, но Эллен сердится — говорит, отсыреют.

— После крика мистера Парсонса вы сразу пошли в башню?

— Он попросил света. Взял лампу у ризницы и принёс. Я вам всё это рассказал ещё в пятницу.

Он впервые повысил голос. Эллен опустила руку на край подноса, но ничего не сказала. Уитмор вернул чашку на стол.

— В каких ботинках вы были, когда принесли лампу?

— В уличных. Я же собирался домой.

— Мосс или кто-то другой это видел?

— Вероятно. Я не спрашивал. И не предполагал, что придётся доказывать, во что обут.

Инспектор поблагодарил и попросил пока сохранить обе пары, не отдавая в чистку или ремонт. Латимер взглянул на дочь.

— Пожалуйста, Эллен. Даже щёткой не трогай, если господам так нужно.

— Я поняла.

— Если вы согласны, я предпочёл бы взять их сейчас, — сказал Уитмор. — Для сравнения с тем, что снято на лестнице. Констебль принесёт расписку, и каждую пару упакуют отдельно. На сколько времени, смогу сказать после осмотра.

Латимер откинулся на спинку стула.

— Сначала говорите — сохраните. Потом — отдайте. Мне нужны ботинки.

— У тебя есть вторые, — сказала Эллен и тут же прикусила губу. — Я хотела сказать, если ненадолго.

Он посмотрел на её ноги, на домашние туфли, у которых стёрся ворс на носках.

— Принеси, пожалуйста. Всё равно не отстанут.

Обувь она поставила возле двери в той самой сумке и на сложенной газете. Полицейские не стали вынимать её на ковёр. Рид съездил за Моссом; констебль принёс бумагу для упаковки, составил перечень и оставил хозяину копию. Эллен сама развязала сумку, чтобы показать содержимое. Уитмор смотрел на руки органиста. Тот держал их на коленях, пока не понадобилось расписаться.

В передней она вышла проводить гостей. Отец остался у пианино, переставляя ноты ушедшего ученика.

— Он не выносит, когда не может работать, — сказала Эллен вполголоса. — По воскресеньям мама его из дому выгоняла. Погулять, хоть до реки. Теперь я пытаюсь, а он говорит, что я командую.

Она поправила висевший на крючке шарф. Рид хотел спросить, давно ли умерла её мать, но из комнаты донеслось:

— Эллен, где мой карандаш?

— На пианино, возле твоей руки.

— Здесь нет.

Она на мгновение закрыла глаза. Полицейские попрощались и дали ей вернуться.

На улице стояло несколько мальчиков с бумажным пакетом. Они обсуждали, можно ли жечь сырые ветки; один настаивал, что достаточно облить их парафином. Уитмор обошёл группу, почти не слыша. Вопрос, который Латимер счёл нелепым, ему хотелось задать ещё раз.

Органист помнил свет, крик, лампу. Про обувь ответил слишком быстро для человека, уставшего от подробностей, — но быстрота сама по себе ничего не решала.

— Мириам не дала ему тех сорока минут, — сказал Рид, когда они сели в машину. — Никогда и не давала. Мы услышали «хор», «орган», «до шести» и сами усадили его на скамью.

— В вашем блокноте было так записано?

— Почти. Уже исправил.

Уитмор надел перчатки. Мизинец попал в соседний палец перчатки; пришлось снять её и начать снова.

— А в моём было без «почти», — сказал он.

Глава 6. Объявление на гвозде

В понедельник Стэнли Венн открыл лавку на двадцать минут позже обычного и объяснил это полицейским, хотя полицейские ждали его всего три минуты.

— Моя жена считает, что я должен был остаться дома. Всё-таки человек умер. Я спросил, сколько, по её мнению, должна длиться такая остановка торговли. Она сказала, что я прекрасно понимаю, о чём речь. Но я не понимаю.

Он поднял ставню и показал Риду, где нужно придержать. Сержант взялся за железное кольцо. Из щели пахнуло пылью, керосином и мешками; внутри за прилавком стоял таз с давно натёкшей водой.

— Крыша? — спросил Рид.

— Труба. Крыша, слава богу, пока держится. Спрашивайте, только я буду раскладывать. А то вы опять весь день у меня отнимете.

Уитмор остался у двери. Он и сам предпочёл бы сейчас заняться трубой. У Венна были ясные основания сердиться: в субботу ему пришлось идти в башню, в воскресенье отвечать на вопросы Мосса, теперь инспектор снова пришёл с блокнотом. Уитмор попросил прощения за повторение и спросил об отрезке пятницы после звона.

Лавочник поставил на прилавок жестяную коробку.

— Разошлись. Агнес поспешила к себе. Элис на почту. Фёрт остался наверху — говорил с Эймосом. Я встретил Хоббса во дворе, потом вернулся сюда. Чего ещё не хватает?

— Вы сказали констеблю, что вернулись после половины шестого.

— Значит, после половины. Я не помню, чтобы на что-то другое смотрел.

Рид вынул копию наружного объявления. Венн узнал её и провёл пальцем по времени.

— Вот. Пять тридцать. Позвонили, я вернулся. Не раньше.

— Но в пятницу вы пришли к без четверти пять.

— Я пришёл раньше, чтобы не суетиться.

— На три четверти часа?

Лавочник открыл рот, потом сердито отодвинул бумагу.

— Я же вам сказал: мисс Коул передала, что перенесли. Да, раньше. Здесь не исправили, там исправили. Не обязан я помнить каждую их переделку.

— Не обязаны, — согласился Рид. — Вы когда вернулись, кого-нибудь обслужили?

— А кого я, по-вашему, обслуживаю? Покупателей.

Сержант не улыбнулся. Венн побарабанил по крышке коробки, заметил на пальцах пыль и вытер их фартуком.

Вспомнил он миссис Дрю. Она пришла за свечами, которых не оказалось в её последнем заказе. Ушла ждать детей возле церковных ворот и собиралась вернуться на собрание. Ещё приходил мальчик от мясника; получил шпагат, но монету забыл, пришлось послать за деньгами. Всё это было до закрытия почты в без четверти шесть: Венн потом видел, как Элис убирала табличку у окошка.

Часы на стене лавки показывали десять минут девятого. У Рида было четверть.

— Они отстают? — спросил он.

— Пять минут. Я знаю.

Венн сказал это с такой обидой, словно сержант собирался объяснить этими пятью минутами всё несчастье. Рид только записал разницу. Попросил разрешения взять для дела старое объявление, когда церковь даст новое. Лавочник ответил, что ему оно и даром не нужно.

Утром на площади разгружали уголь. Хоббс стоял возле телеги, склонившись над ремнём, и делал вид, что не замечает полицейских. Из кармана его куртки торчал красный конец шарфа. Рид узнал его раньше, чем лицо.

— Минуту, мистер Хоббс.

— Я на работе.

— Вижу.

— Так мне некогда.

Уитмор попросил сказать, где тот был после пятничной репетиции. Хоббс ответил, что поехал домой. Сержант напомнил: в субботу возчик говорил о доставке.

— Домой, потом доставка. В каком порядке, что это меняет?

Рид положил блокнот в карман и подхватил свободный конец ремня. Хоббс дёрнул было его к себе, потом позволил придержать.

— Кого возили?

— Не кого. Вещи. На Липовую.

Получилось выговорить это только со второй попытки. В пятницу Хоббс взял церковную тележку — маленькую, на которой подвозили уголь к боковой двери, — и перевёз для аптекаря старую плиту. Свою большую телегу он к тому времени отдал брату. За работу получил деньги. Парсонсу сказал, что тележка понадобилась отвезти доски; разрешения на частный заработок не спрашивал.

— Она же свободная стояла. Колёса я сам чинил.

— Во сколько вы забрали плиту?

— Когда аптеку запирали на ужин. Он рано запирает, в пятницу у них дочь с мужем приезжают. Половина шестого, примерно. Спросите у него.

— Спрошу. В церковь после этого возвращались?

— Тележку вернул в сарай. Через двор. До крика это было или после, я вам не скажу: крика я не слышал. Людей видел у западных ступеней. Подумал, собрались на своё собрание. Про Эймоса узнал уже в гостинице, когда хозяину сказал.

Уитмор вспомнил, что именно возчик принёс туда позднюю весть. Этого было мало, чтобы восстановить весь маршрут, но рассказ перестал быть пустым «поехал домой».

Хоббс отпустил ремень и сердито обтёр ладони.

— Теперь Парсонсу расскажете?

— Мне нужно проверить время у аптекаря, — сказал Рид.

— Расскажете, значит.

Он отвернулся к лошади. Уитмор не стал утешать его обещанием о том, что разговоров не будет. В церкви уже спорили, кто вообще позволил чужим людям ходить по башне, и каждая маленькая хозяйственная ложь теперь выглядела хуже, чем в пятницу утром.

Эйнсли встретил их в притворе. Настоятель был без пальто; на чёрном рукаве приставали белые нитки от мешковины. Стулья после воскресной службы возвращали из школы, и он носил их вместе с двумя прихожанами.

— Если позволите открыть неф вечером, мы хотя бы венки закончим, — сказал он. — Башню трогать не будем.

Уитмор объяснил, какие проходы пока должны оставаться закрытыми. Затем спросил, кто утверждал новое время репетиций.

— Я согласился с предложением мистера Парсонса. В среду. Кажется, ему было удобнее со звонарями, а мисс Коул — с родителями. Я думал, всех известили.

— Почему прежнее объявление осталось?

Священник посмотрел на гвоздь возле двери. На бумаге почернел край: посетители годами придерживали здесь листы, читая мелкие строки.

— Потому что я его не снял, — ответил он после паузы. — Я видел старое время и всякий раз думал: надо попросить. Вам лучше не тратить утро на поиски того, кому я так и не сказал.

Парсонса нашли в боковой комнате. Перед ним лежали счета на свечи, уголь и какие-то работы у водостока. Староста приветствовал инспектора с явным облегчением: бумаги позволяли встречать вопросы сидя.

Рид попросил письма о переносе. Парсонс предъявил записку, которую передал Мириам в среду: звон в четверть до пяти, дети после него, уборка и расстановка скамей перед собранием. На обороте рукой учительницы стояло, что родителей предупредят. Даты и почерк предстояло подтвердить у неё, но содержание совпадало с уже данным рассказом.

— Снаружи расписание оставили по вашему распоряжению? — спросил Уитмор.

— Я сказал не портить печатный лист. Внутри исправили, всем сообщили. На одну пятницу этого достаточно.

— Для людей, которые его читают у двери, оказалось недостаточно.

— Это приходское объявление, инспектор. Оно не предназначено для того, чтобы по нему устанавливать, кто в какую минуту ходил.

— Верно. Поэтому я и спрашиваю людей.

На столе под счетами виднелся край конверта из строительной конторы. Уитмор не потянулся к нему. Спросил, получал ли староста замечания о лестнице и какие работы поручил Фёрту.

Парсонс поправил стопку, закрыв конверт.

— Небольшая работа. Полезнее было бы спросить, почему он до сих пор её не сделал.

— Я спрошу и у него. Какие были замечания?

— Крепление поручня.

— Где?

— На верхнем повороте. Там, где выходят к комнате звонарей. Оно расшаталось, но сам камень цел. Он не рассыпается, если вы об этом.

Староста говорил всё быстрее. Уитмор попросил показать письмо.

— Инспектор, если любую старую лестницу сейчас измерить вашими новыми требованиями, половину церквей придётся закрыть. Саттон сам знал об этом месте. Я его просил.

— Покажите, пожалуйста.

Парсонс освободил конверт. Письмо было недельной давности. Строитель советовал закрепить поручень и до ремонта ограничить пользование верхним участком. Цены за большую перестройку в нём не было — только предложение прислать человека для окончательного осмотра. Внизу карандашом стояло «Фёрт».

Уитмор прочитал дважды и попросил старосту рассказать, кому письмо показывали. Тот ответил: Фёрту и Саттону. Настоятелю пересказал, но, возможно, не все выражения.

— «Ограничить» означает не давать туда ходить? — спросил Рид.

— Это означает починить как можно скорее. Я дал деньги. Если бы молодой человек…

— Сколько?

Парсонс выдвинул книгу расходов. Сумма была записана без подробного перечня: материал и работа, аванс. Подпись Фёрта — только фамилия, крупно, с отдельно выведенной последней буквой.

— Вы взяли расписку, но не потребовали закрыть лестницу, — сказал Уитмор.

— Он собирался закончить до пятницы. Все знали.

— Вам обещал сам Фёрт?

— Саттон обещал проследить.

В боковую комнату вошёл Эйнсли за ключом. Увидев письмо в руках инспектора, остался возле шкафа. Парсонс сразу поднялся.

— Мы говорили о поручне. Я вам докладывал.

Священник взял лист, который Уитмор положил на свободный край стола. Прочитал молча. Когда вернул, староста начал объяснять, что ограничение не было приказом, а починка уже оплачена.

— Вы сказали мне, что всё поручили Дэниелу, — произнёс Эйнсли.

— Так и есть.

— Вы не сказали, что до этого нельзя ходить.

— Там написано другое.

Священник снова посмотрел на письмо. Попросил старосту пока не распоряжаться работами. Тот возразил, что именно задержка и привела к беде. Слово «привела» прозвучало так отчётливо, что Парсонс сам осёкся.

Уитмор объяснил: состояние креплений осмотрят отдельно; никому пока не следует чинить, подтягивать или проверять их своим весом. Фёрту передадут ту же просьбу. Прежнее письмо, запись об авансе и перечень работ нужны для копирования. Староста согласился отдать оригинал письма, но книгу расходов попросил оставить, и Рид выписал нужную страницу в его присутствии, отметив, где искать её для съёмки.

В нефе они остановились под галереей. Наверху стояла органная скамья; часть её скрывала перегородка. От западных дверей не было видно клавиш, а с северной дорожки — даже человека за ними.

— Если кто-нибудь слышал музыку, он мог пройти мимо обеих дверей башни, — сказал Рид. — Пока мы считаем, что органист наверху, ему никто не мешает находиться совсем в другом месте.

Уитмор посмотрел в темноту прохода. Теперь у падения появилась ещё одна понятная причина: расшатанный поручень. Инспектору не нравилось, что её скрыл именно человек, старавшийся с первой минуты объяснить всё старостью погибшего.

— Сегодня придут за обувью доктора и Парсонса, — сказал он. — У Марты Мосс уже попросил. Пусть не сравнивают всё на глаз здесь, на месте. И нужны снимки, где видно стекло.

— После поручня вы всё-таки думаете…

— Думаю, письмо не следует прятать. И стекло всё ещё лежало поверх следа. Одно другое не отменяет.

Из боковой комнаты донеслись голоса. Парсонс говорил, что всех предупреждал; Эйнсли пытался спросить, почему же никто не понял. Уитмор отвёл глаза от прохода. Эйнсли снова потребовал показать письмо, и голос старосты стал тише.

К полудню Рид успел обойти аптеку, пекарню и почту. Пришлось ждать, пока Элис примет два денежных перевода, а Агнес вытащит из печи целый противень. Никакой торжественной проверки часов не получилось. Мальчик-пекарь помнил белый шрам на руке Мосса, которому отдавал хлеб перед возвращением хозяйки. Мосс вспомнил покупку и показал запись следующего обхода. Аптекарь нашёл расчёт с Хоббсом на обрывке упаковочной бумаги. Миссис Дрю, приехавшая к нему за порошком, подтвердила, что успела купить свечи у Венна до того, как забрала детей.

В блокноте стало тесно от фамилий. Рид начал новый лист. Звон окончился раньше детского пения, а пение раньше закрытия почтового окошка. Часы разных людей расходились; порядок действий оставался тем же. Венн вернулся в лавку примерно после пяти, а не после половины шестого. Он привязал рассказ к печатной строке, хотя сам вовремя пришёл по новой записке.

Уитмор тем временем подготовил два конверта по делу Вейл. Прайса просил узнать, согласится ли Эстер предоставить оригинал письма для сравнения с подписью в книге Мэй. В книжную лавку послал уточнение: не осталось ли к заказу указателя дальнейших распоряжений о пересылке после шестнадцатого ноября. Приложил снятую страницу с адресом Саттонов, чтобы там искали не по одной фамилии. Корешок из тетради не отделял. Когда на обеих

копиях появились дата и отметка об отправке, инспектор убрал их в папку; ждать ответа теперь следовало на конкретный вопрос.

Когда сержант принёс лист в участок, Мосс прочёл его стоя. На столе констебля лежал ответ из окружного управления: старое дорожное дело нашли, бумаги доставят с ближайшей служебной поездкой. Внизу было приписано, что прежний сержант Хейл живёт недалеко и согласился приехать поговорить.

— Помню Хейла, — сказал Мосс. — Я только начинал. Он на свисток сердился. Говорил, мы свистим так, будто сами потерялись.

Он усмехнулся и сразу стал серьёзным. Уитмор пододвинул ответ к лампе. В последнее время им приносили слишком много старых бумаг, но эти нельзя было снова положить под свежие счета.

— Скажите ему, что буду здесь, — попросил инспектор. — И пусть захватит то, что сам считает нужным. Не только то, о чём мы спросили.

Глава 7. Человек на дороге

Хейл приехал с плоской корзиной, накрытой салфеткой. Мосс взялся помочь, но бывший сержант отодвинул руку.

— Это яйца, Уолтер. Не мои вещи. Хозяйка просила по пути занести сестре. Если вы поставите их на пол, я забуду.

Для корзины нашли место на скамье. Сам Хейл сел, не расстёгивая пальто. Был он сухой, высокий, с красными от ветра веками. Уитмор знал его по двум служебным встречам и помнил прежде всего тяжёлую поступь; теперь старик шёл осторожно, но сидел всё ещё как на допросе, который намеревался вести сам.

Дорожное дело привезли за полчаса до него. В папке были план, несколько опросов, переписка, фотография места и перечень вещей погибшего. Фотография оказалась бледной, с тёмным пятном у нижнего края. Хейл заметил его сразу.

— Вода попала на ящик. В том году в управлении текло. Негатив нужно отдельно поискать, если сохранился.

Уитмор спросил, что он помнит без бумаг.

— Мать работала в церкви. Мальчик возвращался со станции. Нашли у поворота к старому карьеру. Машина не остановилась — во всяком случае, при нём никого не было, когда подошли люди.

— Кто подошёл первым?

Хейл потянулся к папке и остановился.

— Не помню фамилии. Женщина с мужем. Я сейчас начну угадывать, а вы запишете, что я сказал.

Они нашли опрос супругов. Те шли к станции, увидели лежавшего человека и сперва решили, что он пьян. Муж остался, жена побежала к ближайшему дому. Рид прочитал эту часть дважды. Обычная первая ошибка не превращала их в бессердечных людей, но сколько времени они потеряли, в листе не было.

— А он был пьян? — спросил Уитмор.

— Нет данных. Мы спрашивали.

— Здесь мать пишет, что ей задавали этот вопрос трижды.

Хейл поднял взгляд.

— Возможно. Дорога тёмная, вечер субботний. Нужно было выяснить.

Рид положил рядом список вещей: бумажный пакет с двумя булками, письмо знакомого, кошелёк, железнодорожный билет. Ни бутылки, ни другого объяснения, на котором можно было бы остановиться.

Старик подвинул список к себе.

— Я не написал, что пил. Написал бы — вы бы сейчас читали это. Но спрашивать спрашивал, да.

В комнате было душно. Мосс приоткрыл верхнюю створку окна, и прохладный воздух пошёл поверх голов. Хейл наконец снял пальто. Под ним обнаружился аккуратно починенный жилет; нить на нижней пуговице была светлее остальных.

Они просмотрели остальные опросы. Семнадцатилетний Майкл Крейн приехал вечерним поездом. Двое пассажиров видели, как он вышел со станции один. До места, где его нашли, оставалось обычных пятнадцать или двадцать минут ходьбы, в зависимости от темпа. Час столкновения определили приблизительно: после семи, до того, как на дорогу вышли супруги. Ни точной минуты, ни надёжного описания машины не было.

Зато в папке нашёлся Уолтер Хоббс. Пять лет назад он уже возил грузы между станцией и городом. Написал, что у карьера видел встречные огни; машина отступила к обочине, пропуская его. Дальше он ехал к складу. Человека в канаве не заметил.

— Вы его проверяли? — спросил Рид.

— Проверял. В машине, по его словам, горело две фары. Одну плохо было видно из-за угла. Цвет не различил, водителя тем более. Ему пришлось уступить место самому, хотя потом он говорил, что уступили ему.

Хейл хмыкнул. Потом пояснил: Хоббс всегда считал свою телегу уже, чем она была, и сердился на встречных автомобилистов. Уитмор попросил не смешивать это с вопросом о видимости.

— Не смешиваю. Вы хотите узнать, поверил ли я ему? Поверил, что видел машину. Опознать не смог. Он был трезвый, лошадь спокойная, груз в порядке. У меня не было причины записывать больше.

Опрос Саттона помещался на одном листе. Он прошёл по дороге раньше, ещё засветло, свернул у креста и никого не встретил. Позже дома занимался с Мэй починкой стула. Мэй подтвердила, что вечером муж был дома, но часа не назвала. Уитмор провёл пальцем по строке, где её ответ был сокращён до уверенного «подтверждает».

— Где подробная запись слов жены?

— Только эта.

— Она сказала, когда он вернулся?

Хейл отвернулся к окну.

— Я бы написал, если бы назвала.

Уитмор хотел возразить, что это не совсем ответ. Вместо этого закрыл лист чистой бумагой и спросил о проверенных автомобилях. Их оказалось немало: владельцы, наёмные водители, приезжавшие на выходные. Осматривали то, что сумели найти, собирали сведения о ремонтах. Совпадения не дали человека, которого можно было бы обвинить.

— Свет могли видеть за несколько минут до наезда, — сказал Хейл. — Или уже после. Я и сейчас вам не скажу, какое из двух.

В списке местных машин была фамилия Латимера. Рядом — маленькая двухместная, зелёная. Уитмор спросил, что известно об органисте в тот вечер.

Хейл приблизил лист.

— Жена лежала в больнице, в окружном городе. Он ездил к ней. Здесь написано — подтверждено посещение. Это я сам писал.

— В какое время?

— Вечером. Оставался недолго, её утомляли визиты.

— Из города он мог проехать по этой дороге?

— Мог. И в город тоже. В больницу другой путь длиннее.

Подтверждение состояло из короткого ответа больничного служащего: мистер Латимер посещал жену в субботу. Час прибытия не указали. Отдельного опроса органиста о маршруте в папке не нашлось. Хейл не отрицал, что они могли ограничиться этим ответом. Он лишь попросил не считать отсутствие листа доказательством того, что разговора вообще не было.

— Не считаю, — сказал Уитмор. — Но пользоваться таким разговором теперь не могу.

Бывший сержант посмотрел на него без удовольствия.

— Вы сейчас на моей работе за пять лет столько дыр найдёте, сколько захотите. Когда вам мать в двери плачет, а другого человека только что из реки вытащили, листы становятся короче.

Уитмор не ответил сразу. Он помнил собственную сводку об Элеоноре, в которой тоже было достаточно коротких строк.

— Я знаю, — сказал он.

Рид переложил листы и попросил Хейла пояснить условный знак на плане. Разговор вернулся к работе. Старик показал старый съезд к карьеру, на котором могла остановиться машина, не загораживая дороги; объяснил, откуда шли первые свидетели и какой куст закрывал им поворот. Самого куста теперь не было. Мосс сказал, что зимой там срезали живую изгородь. На рисунке это место обвели отдельно: современный вид нельзя было выдавать за тот, каким он был пять лет назад.

Когда Хейл собрался, Уитмор спросил, не обращался ли к нему Саттон недавно.

— Нет. А нужно было?

Инспектор показал ему копию записки Марте. Старик долго рассматривал её, хотя прочитать там можно было всё за несколько секунд.

— Его бы я тогда ещё раз спросил, — сказал он. — С этим листком — спросил бы.

Он забрал корзину со скамьи и задержался у двери.

— Вы ей не говорите, что всё уже знаете. Даже если будете почти уверены. Мы в тот месяц каждый день что-нибудь почти знали.

После его ухода Мосс вынес холодный чай. Рид остался дописывать перечень запросов: больница, мастерские, старые адреса свидетелей. Уитмор пошёл к доктору. Симс обещал поговорить после приёма и уже дважды присылал мальчика узнать, не передумал ли инспектор.

Врач сидел за столом в комнате с перегретой печкой. На блюдце лежала половина сухого бутерброда, бумаги отодвинуты к самой лампе. Симс выслушал вопрос о состоянии поручня и потёр переносицу.

— Это может объяснить потерю равновесия. Как и многое другое. На предплечье есть повреждения, которые мне не нравятся, но заставлять их говорить я не буду.

Он показал на собственном рукаве, где находились кровоподтёки. Часть могла возникнуть при ударе о лестницу, часть напоминала следы сильного сдавливания. Точно отделить одно от другого пока не удалось. Парсонс держал плечи, доктор поворачивал голову, и при оценке следовало помнить об их помощи.

— Вы подозреваете, что его держали?

— Подозревать — ваша работа. Я могу написать, что это совместимо с захватом. Не напишу, что его непременно схватили перед толчком.

Смерть наступила от повреждения головы. Другие ушибы подходили к падению по каменным ступеням. Симс не видел оснований говорить, что старик потерял сознание ещё до падения. Уитмор попросил письменный отчёт с оговорками, не сокращая их до удобного слова.

— Я их для этого и произношу, — сказал Симс. — Хотя обычно после первой половины меня уже перестают слушать.

По дороге обратно инспектор встретил Марту. Она несла свёрток белья; сверху сползала верёвка, и ей приходилось придерживать её подбородком. Уитмор предложил помочь. Женщина посмотрела на его чистые перчатки.

— Там рубашки. Не покойницкие. Можете взять.

Он взял. Дом, куда она шла, оказался почти возле участка.

— Старые бумаги привезли? — спросила она.

— Привезли. Я разговаривал с мистером Хейлом.

— Он всё ещё думает, что Майкл шёл из трактира?

Уитмор ответил, что подтверждения этому в деле нет. Марта остановилась, и он едва не прошёл мимо со свёртком.

— Подтверждения нет, — повторила она. — Восхитительно. А я пять лет слышу: ну вы же понимаете, суббота, мальчики. Он булки мне вёз. Здесь не купишь таких, с корицей. Мне в городе когда-то понравились. Потом они мне эти булки обратно отдали.

Она поправила сбившийся воротник, злясь на него так, будто он один мешал ей идти.

— Я не говорю, будто он святой. Я вам это уже сказала. Но если он кого обидел, так спросите, кого. Чего его просто так из трактира посылают домой?

— В наших записях этого не будет.

— А в чужих головах?

Уитмор не сумел бы обещать ей, что исправит и это. Дошли до калитки молча. Марта взяла бельё и сказала, что завтра зайдёт за копией записки Саттона. Инспектор предложил принести самому; она ответила, что умеет ходить и хочет ненадолго выйти из дому.

Рид к тому времени разыскал мастерскую, куда Латимер прежде отдавал автомобиль. Владелец, Гарри Белл, хранил старые книги наверху, под запчастями. На вопрос о происшествии сперва ответил, что за пять лет починил столько вмятин, что не пожелал бы никому искать по ним убийцу.

— Мне нужна запись, — сказал сержант. — Воспоминания тоже нужны, но начнём с записи.

Белл поставил лестницу, полез за книгой, закашлялся в пыли. Рид придерживал лестницу внизу, разглядывая гвозди в задних карманах хозяина. Когда тот спустился, пришлось перенести кипу старых бланков с верстака, прежде чем удалось разложить счета.

По понедельнику, двадцать четвёртому октября 1927 года, значился Латимер. Крыло, крепление фары, небольшая работа по передней части кузова. Причина повреждений не отмечена. Серийных подробностей, пригодных для опознания, не было: Белл записывал, за что собирался получить деньги.

— Вам объясняли, как это произошло?

Мастер пожевал щёку.

— Что-то про ворота. В тесное место загнал или выезжал. Не поручусь за слова. Вы же понимаете, человек не обязан рассказывать мне всю поездку.

— Сам пригнал?

— Наверное. Не скажу. Здесь не написано.

У даты оплаты стояла другая фамилия. Саттон. Второе ноября.

Рид попросил Белла прочитать её вслух. Тот прочитал, нахмурился и потёр лист сухим пальцем; сержант остановил его, прежде чем кожа смазала старую карандашную пометку.

— Эймос и заплатил, — сказал мастер. — Долги он иногда за других заносил. Мне это не казалось странным. У Латимера жена болела, деньги им были нужны. Он после сам мог вернуть.

— Вы говорили об этом сержанту Хейлу?

— Он спрашивал, не видел ли я помятую машину в субботу. Я не видел. Эту в понедельник привезли. А потом… Потом я разве думал, что одно с другим связано?

Белл смотрел на страницу, где через две строки значился ремонт грузовика. Рид попросил пока не перелистывать и послал за фотографом. Книгу договорились сохранить целиком. Вырезать нужную строку, как предложил мастер, сержант не разрешил.

Когда инспектор вернулся, Рид показал ему запись. Уитмор прочитал сумму, дату работы, фамилию плательщика. Пятилетняя давность не мешала двум именам оказаться в одной строке.

— К Латимеру сейчас? — спросил сержант.

— Да.

Он закрыл папку, оставив внутри закладку. На пальцах у Рида всё ещё была пыль с верхнего этажа мастерской. Сержант вытер их платком, но тот только размазал серую полосу.

— Если это были ворота, там могли остаться следы, — сказал он.

— Могли. Нам придётся проверить и ворота.

На этот раз в передней у Латимеров никого не было. Эллен услышала звонок из кухни; открывая, придерживала на плече полотенце. Увидела папку в руках инспектора и тихо сказала, что отец сегодня не принимает учеников.

— Мы к нему по другому делу.

Она отступила, не спрашивая, по какому. Из гостиной донёсся голос Латимера:

— Эллен, если это про обувь, пусть скажут, когда вернут. Мне на неделе работать.

Уитмор повесил шляпу на тот же крючок. На этот раз зеркало у двери было повёрнуто к стене: Эллен протирала раму и не закончила.

Глава 8. Левый башмак

Латимер перестал перебирать бумаги, когда услышал дату. Оставил ладонь на раскрытой папке, прижал её, потом аккуратно закрыл.

— Вы приехали из-за Эймоса, — сказал он.

— Да. И теперь спрашиваем о Майкле Крейне.

— Каким образом это касается меня?

Уитмор назвал ремонт автомобиля. Органист посмотрел в сторону двери; Эллен, впустив гостей, ушла на кухню и сейчас не могла его видеть.

— Пять лет. Вы серьёзно полагаете, что я помню, в какой день мне чинили крыло?

— В книге Белла стоит понедельник, двадцать четвёртое октября. Я не прошу вас помнить его записи. Хочу узнать, как повредили машину.

— Задел ворота. Вам у него не сказали?

— Сказали, что вы могли так объяснить. Какие ворота?

Латимер поднялся, прошёл к окну и раздвинул занавески. За стеклом была улица, на которой рано зажгли фонарь. Мальчик на велосипеде ехал, придерживая под мышкой буханку; свет на мгновение выхватил белый бумажный край.

— У старого склада возле станции. Там было узко. Не тех ворот, что сейчас, — деревянных, сбоку. Не думаю, что они ещё стоят.

— Когда это случилось?

— Перед ремонтом.

— В субботу?

— Возможно. Не стану говорить, что помню число.

Уитмор записал название склада. Рид спросил, кто был с ним. Латимер ответил: никто. Служащий склада мог увидеть повреждение, но с ним органист не разговаривал. Он приехал узнать, не доставили ли заказанное пианино для ученика; фамилию ученика пришлось искать в старых записях. Латимер сказал, что посмотрит, хотя не обещает, что сохранил список.

— О наезде тогда знали?

— Весь город знал. Я сочувствовал миссис Крейн. Но моя жена лежала в больнице, и я не мог обсуждать чужое горе целыми днями.

— Вы ездили в больницу в субботу?

— Конечно.

— По дороге у карьера?

Он вернулся к креслу.

— Я ездил разными путями. Там рабочие иногда разрывали обочину, приходилось объезжать. Простите, инспектор, вы предлагаете восстановить каждую мою поездку за месяц?

— Одну. Вечером двадцать второго.

— Не могу. Я был у жены. О времени спросите в больнице.

Уитмор сообщил, что старый ответ больницы не содержит часа. Латимер недоверчиво улыбнулся.

— Тогда следовало спросить пять лет назад. Пока там работали те же люди.

Рид поднял глаза от блокнота. Органист посмотрел на него и потерял улыбку.

Деньги Саттона он объяснил долгом. Старик одолжил ему, когда расходы на лечение стали невыносимыми. Не только на ремонт: помогал с разными счетами. Латимер расплатился позднее наличными. Расписок друг от друга они не требовали.

— Вы говорите, он сам внёс деньги в мастерскую, — сказал органист. — Вполне мог. Я просил у него взаймы, а он сказал, что с Беллом разберётся. Эймос любил сам распоряжаться. Это не делает меня преступником.

— О чём вы говорили с ним в последнее время?

— О службе. О том, что хору мешает звон. О мокром угле. Как все.

— О Майкле Крейне?

— Нет.

— Саттон собирался поговорить с его матерью в пятницу вечером.

Латимер провёл ладонью по колену.

— Тогда жаль, что не поговорил. Может, она бы хоть перестала мучиться.

Из кухни звякнула тарелка. Уитмор подождал, но органист ничего не добавил. Спросил лишь, кто ещё рассказывает о нём такие вещи и не ходили ли полицейские с расспросами к ученикам.

— О вашей работе учеников пока не спрашивали.

— «Пока». Я понимаю. Только доход у меня от неё. Если здесь решат, будто я задавил человека, никакого решения суда никто ждать не станет. Эллен останется без дома раньше, чем вы проверите свои ворота.

Он говорил уже без раздражения; это был самый спокойный и самый неприятный ответ за весь разговор. Уитмор обещал обращаться с вопросами осмотрительно. Оправдать человека заранее он не мог, а спорить о том, как быстро расходятся слухи, не имел права.

Когда они вышли в переднюю, Эллен стояла у вешалки. Полотенце по-прежнему лежало у неё на плече.

— Мама болела долго, — сказала она. — Вы знаете?

— Ваш отец сообщил.

— Он иногда ездил к ней каждый день. Мы на всём экономили. Даже на поездке ко мне тёти, потому что папа сказал, я уже большая и могу оставаться дома. Я не жалуюсь. Просто если мистер Саттон дал ему денег…

— Мы проверяем ремонт машины, мисс Латимер.

— Я слышала.

Она сказала это громче, чем собиралась, и посмотрела на открытую дверь гостиной.

— Вы помните повреждённый автомобиль? — спросил Рид.

Эллен прижала полотенце к шее.

— Плохо. Я не хочу вспоминать так, как вам нужно. Или как ему нужно. После ваших вопросов мне кажется, что помню фару, а может быть, я просто только что услышала про неё. Я была ребёнком.

— Тогда пока не отвечайте.

Она кивнула. Оттого, как быстро опустила глаза, Рид понял, что готовилась защищать каждый ответ и не нашла, куда деть приготовленные слова.

Латимер появился у двери комнаты. Попросил дочь не стоять на сквозняке. Эллен отступила и дала инспектору пройти к выходу.

Ворота проверяли уже на следующее утро, во вторник. Склад сменил владельца, деревянную створку давно пустили на растопку. На месте оставался один каменный столб. Рид осмотрел его вместе с Моссом, записал размеры проезда и понял, что пять лет дождей не оставили им удобной вмятины с чужими инициалами. Старый кладовщик нашёлся у дочери за станцией. Он помнил пианино, привезённое осенью, но не помнил, кто из посетителей цеплял ворота. Там цепляли часто. Соседи сердились, складские работники пожимали плечами.

Это не подтверждало рассказа Латимера и не опровергало его. Рид вернулся к машине с грязным краем брюк и пустым листом, на котором надеялся записать больше. Мосс предложил, пока есть дневной свет, съездить к карьеру. Хоббс должен был везти туда пустые мешки; его предупредили у станции и попросили задержаться у поворота.

Возчик ждал, сидя на облучке и жуя хлеб. Увидел полицейских, спрятал недоеденное в карман. Лошадь переступила с ноги на ногу; Хоббс успокоил её ладонью, затем спросил, опять ли разговор про тележку.

— Про двадцать седьмой год, — ответил Рид.

— Тогда у меня этой лошади не было.

— У меня вопроса про лошадь тоже пока нет.

Хоббс слез. На подножке остался кусок сухой грязи, по форме похожий на половину каблука. Мосс подвинул машину дальше, освобождая проезд. Теперь было видно, каким узким становилось место, когда встречались телега и автомобиль.

Сержант вынул копию старого плана. Хоббс взял её, повернул, нахмурился.

— Здесь съезд не так нарисован. Он дальше.

— Сейчас дальше или тогда был?

Возчик посмотрел в сторону карьера. Там лежали новые отвалы щебня, и к ним вела расширенная колея.

— Тогда, кажется, ближе. Эту дорогу после прокладывали. Я вам по сегодняшнему покажу не то.

Прошли к низкой каменной стене. На старой фотографии её край ещё совпадал с изгородью, теперь между ними оставалась голая полоса. Хоббс вспомнил столб, возле которого застревали длинные повозки. Самого столба не было; о нём независимо помнил Мосс. Рид отметил постоянные части — стену и поворот — и отдельно всё, что пришлось восстанавливать со слов.

В двадцать седьмом Хоббс ехал к складам возле станции. Машина шла навстречу. Он увидел свет, выругался, придержал лошадь. Водитель отвёл машину к съезду. Или уже стоял там, а Хоббс только позднее решил, что тот уступил. Теперь возчик не мог уверенно разделить эти две вещи.

— Вы тогда рассказали, что она отступила, — сказал сержант.

— Я тогда не знал, что вы будете каждое колесо потом от меня требовать. Видел огни. Проехал. Назад не смотрел.

— Звук мотора слышали?

— Слышал. А какой, не спрашивайте. На телеге всё гремит, ещё лошадь фыркает. В городе любой сразу скажет вам, что машина большая или маленькая. Пусть на моём месте послушает.

Он провёл сержанта по краю дороги и показал, откуда свет попадал в глаза. Одна фара на изгибе закрывалась, другая некоторое время била прямо. Вспомнить по этому повреждённую лампу или цвет кузова не получилось. Сержант не заставлял его выбирать между зелёным автомобилем Латимера и всеми остальными. Само имя ещё не произнёс.

— Я не видел, чтобы там человек лежал, — сказал Хоббс. — Вы это пишете?

— Уже написано.

— Не потому, что не хотел смотреть.

— Я вас в этом не обвиняю.

Возчик потёр рукавицей шею. Рид понял, что тот спорит не только с ним. Пять лет назад Хоббс проехал, потом узнал о мальчике, потом многократно объяснял, почему ничего не заметил. Слова становились жёстче, хотя дорожный поворот оставался тем же.

Мосс отошёл к месту, отмеченному на фотографии как положение тела. Далеко не сразу нашёл нужный угол: прежний куст убрали, обочину расширили. Там не было ни следов, ни цветов, ни предмета, который позволил бы почувствовать, что это особенное место. Несколько камней, мокрая земля, бутылочное стекло, гораздо более позднее. Рид велел не трогать стекло ради бессмысленной надежды найти улику через пять зим.

Вдоль дороги шла женщина с корзиной. Телега и полицейская машина заставили её перейти на другую сторону. Она узнала Мосса, спросила, снова ли кого сбили. Констебль ответил, что проверяют старые сведения, и помог обойти лужу. Хоббс смотрел ей вслед.

— Если я всякому встречному начну уступать, до склада не доеду, — сказал он.

Рид хотел ответить, что женщина шла пешком и выбирать ей почти не из чего. Удержался. Хоббс уже провёл лошадь вперёд, чтобы освободить узкое место, и ворчал на то, что только что сделал сам.

Когда телега уехала, сержант прошёл часть пути в сторону станции. Мосс остался у машины. Рид пытался представить не удар, а обычное возвращение: холодные руки, свёрток под мышкой, надежду, что дома ещё не легли. Шёл до того места, где дорога переставала просматриваться с поворота, затем вернулся.

— Время мерили? — спросил констебль.

— Нет. Здесь многое поменялось. Хотел понять, где он мог идти.

Мосс посмотрел на обочину.

— Марта несколько раз сама сюда приходила. Я однажды встретил. Она сказала, что думала пройти обратно от этого места до дома, тогда хоть не будет всё время воображать, сколько ему оставалось. Не знаю, помогло или нет.

Рид сложил план. В блокноте прибавились направления, границы видимости и исправленная запись Хоббса. Водителя эти сведения не назвали. Зато следующий человек, который станет объяснять свою поездку больницей, воротами или темнотой, должен будет говорить об этой дороге, с этим съездом, а не о любом удобном пути между двумя словами.

Вернулись в город ближе к полудню. Рид очистил край брюк у входа в участок; с них осыпались мелкие светлые камни. Один закатился под дверь, и Мосс поднял его прежде, чем тот помешал закрыть.

На столе в участке уже стояли четыре отдельных свёртка с обувью. Пятая пара — Марты — была завёрнута в плотную хозяйственную бумагу. Мосс принёс ей взамен старые башмаки жены; Марта взяла их, заметив, что чужие хотя бы не жмут в том же самом месте.

Уитмор сам освободил длинный стол, попросил закрыть печную дверцу и отодвинул посуду. Рядом положили снимки лестницы. Местный фотограф пришёл с увеличениями и проявленными пластинками; на рукаве у него белела полоса, словно он не успел вытереть руки после работы.

— Вот здесь стекло, — показал Рид. — Вы снимали, прежде чем его подняли.

— Именно. И вот этот кадр немного сбоку. Я боялся, лампа отражается.

На одном снимке свет отражался почти от всего пятна, зато второй ясно показывал полосу под краем осколка. Масло лежало на камне неровно. В отпечатке терялась передняя часть, у каблука одна сторона уходила в густую тень. Но наружный край сохранился достаточно, чтобы увидеть короткий косой участок там, где ожидалась плавная дуга.

— Это не излом стекла? — спросил Мосс.

Рид сопоставил оба кадра.

— Нет, край стекла дальше. А вот что сделало сам след, по одному увеличению не скажем.

Фотограф объяснил, почему нельзя просто положить башмак на снимок: ракурс и размер изображения не совпадали с размером предмета. Уитмор не разрешил никому обводить предполагаемую подошву прямо по фотографии. Снимки требовались целыми, со всеми неудобными участками.

Сперва рассмотрели обувь помощников. У Симса широкие каблуки были стёрты сзади, у Парсонса — с внутренней стороны. Мартины башмаки казались узкими сверху, но имели тяжёлую круглую подошву. Ни одна пара не давала такого же контура. Их расположение и осо-

бенности записали, не объявляя одно отличие достаточным для окончательного исключения. На лестнице могли стоять под углом, переносить вес, скользить.

Уличные ботинки Латимера оказались обыкновенными, добротными. На швах ещё держалась светлая засохшая грязь. В пятницу Рид смотрел на лицо Эллен, когда она пришла за отцом; вспомнить теперь, во что именно был обут органист, не мог. Он помнил пальто и сумку, но подошв не рассматривал.

Мосс развязал второй свёрток. Внутри лежали низкие чёрные туфли со старой кожаной подошвой. На левом каблуке выделялся свежий ремонт. Наружный угол был срезан косо; по краю сидели небольшие гвозди, один заметно ближе к соседнему. В узкой щели возле нового куска виднелось тёмное загрязнение, а дальше, у края подошвы, белело что-то тонкое. Рид не стал выковыривать находку остриём карандаша. Туфлю следовало осмотреть при лучшем свете, сохранив всё, что в ней застряло.

Рид позвал инспектора, хотя тот и так смотрел на каблук.

Уитмор попросил сначала описать оба башмака, затем сделать отдельные снимки. Сотрудник, приехавший из окружного управления для осмотра, сохранил образцы загрязнения до любых проб. Лишь после этого он помог получить контрольные отпечатки на чистой бумаге, записав, чем покрывали подошвы. На лестницу обувь не понесли. Сохранившийся след там ещё оставался под защитой.

— Вот этот угол похож, — произнёс Мосс.

— Похож, — повторил Уитмор. — Не пишите пока сильнее.

Сапожника привёл Рид. Уилкс явился в рабочем фартуке, оставив помощника одного в мастерской, и сердился прежде всего на это. Остановившись у стола, он увидел туфли и сказал:

— Опять отклеилось?

— Нет. Вы их чинили на прошлой неделе?

— Да. Забрала мисс Латимер в пятницу. Я ей велел не сушить у огня.

Рид спросил о косом крае. Уилкс показал пальцем над каблуком, не касаясь.

— Здесь старое выгрызло. Пришлось край убрать. Он говорил, что цепляет, когда ногу переносит. Я подровнял. Новую пару давно надо, но это их дело.

Гвозди он тоже узнал. Два близко оказались потому, что первое отверстие не годилось и пришлось сместить крепление. Не особая метка, не знак мастерской — обычная маленькая неудача при ремонте.

— У других туфель мог быть такой же срез?

— Если были так же испорчены. Я делаю по ноге, а не для ваших отпечатков. А по этим двум гвоздям на масле, наверное, и не различишь ничего.

На снимке действительно нельзя было уверенно пересчитать все точки. Однако одна пара близких углублений находилась там же, где на контрольном отпечатке отремонтированного каблука. Контур совпадал на доступном участке; оставшаяся часть уходила под блик и тёмную полосу. Рид отметил, до какого места изображение оставалось различимым.

Уилкса спросили, могло ли загрязнение остаться после ремонта. Он ответил, что пропитывал кожу обычным составом, но в масло готовую пару не ставил. В пятницу каблуки были сухими: Эллен смотрела работу, прежде чем заплатить. Сапожник согласился показать свои материалы тому, кто будет проверять загрязнение; по запаху определять чужую жидкость отказался.

Перед уходом он оглянулся на обувь Марты.

— Ей бы носок укрепить, пока совсем не прорвало.

Мосс пообещал передать. Уилкс сказал, что подождёт с расчётом, и тут же добавил: только недолго, у него тоже лавка, а не приходская касса.

Когда за ним закрылась дверь, Рид разложил рядом список людей у тела. Латимер утверждал, что подошёл уже в уличных ботинках. Его туфли к тому времени находились в сумке. Если след принадлежал им, органист был на нижних ступенях раньше, чем говорил.

— Или переобулся ещё раз, — сказал Мосс. — После того, как принёс свет.

— Тогда нужно узнать у всех, отходил ли он, — ответил Рид. — Но стекло уже лежало. Чтобы оставить след под ним, пришлось бы сначала поднять осколок, наступить и положить обратно.

Мосс посмотрел на фотографию. Рид не стал продолжать вслух. Можно было придумать последовательность, при которой человек, помогая после случайного падения, разбил уже повреждённый фонарь. Можно было передвинуть стекло, не заметив. Они ещё не имели права исключать это только потому, что нашли удобный каблук.

Уитмор вызвал констебля, охранявшего башню, и сверил записи о доступе с пятничного вечера. Затем попросил Мосса отдельно расспросить Симса и Марту: где стоял фонарь, кто приносил осмотровую лампу, уходил ли органист переобуваться. Вопросы требовалось задавать без фотографий туфель перед глазами.

Сам инспектор пошёл к Латимеру. Рид остался договариваться об исследовании обуви и загрязнения; когда выбрался из участка, уже темнело. У «Вязовой ветви» стояла Эллен.

Она не подошла сразу. Дождалась, пока хозяин уйдёт в зал, и спросила:

— Это папины туфли? То, что вы нашли?

Рид остановился у крыльца.

— Вы говорили с инспектором?

— Я слышала, как он спрашивал отца, не подходил ли тот раньше к лестнице. Потом папа велел мне выйти. Я не хочу, чтобы вы спрашивали меня отдельно только потому, что думаете: я на него обижена.

— А вы обижены?

— Постоянно. Он не умеет сам найти чистый воротничок. Он говорит, что я ещё слишком молода, чтобы уезжать, а когда нужны деньги или надо вести дом, оказывается, я взрослая. Но это не значит, что я…

Она зажала ладонью край кармана. Сержант подождал.

— Вы не обязаны хотеть того, что, как вам кажется, нужно мне, — сказал он.

— Мне не нужны ваши слова о том, что я ничего не обязана. Я принесла квитанцию Уилкса. Нашла в кошельке. Вы ведь спрашивали, когда я забрала пару. Здесь число и сумма. Не время. Только число.

Она вынула сложенный листок, держала его, пока Рид не протянул руку, затем всё-таки отдала. Попросила записать, что передала сама. Он достал блокнот прямо на ступенях.

— Отец знает?

— Нет. Но я ему скажу. Мне надоело, что в нашем доме все сначала говорят в другой комнате.

Рид дал ей перечитать запись. Она поднесла бумагу к свету из окна, подтвердила и вернула. Квитанция не сообщала ничего, чего сапожник уже не сказал. И всё же сержанту пришлось заставить себя убрать её в папку с тем же вниманием, с каким он убрал бы самую важную улику.

Когда Эллен ушла, он вошёл в гостиницу. За стойкой хозяин спросил, будет ли инспектор к ужину. Рид ответил, что, вероятно, будет, и обнаружил, что не знает, сколько людей сегодня сумеют спокойно сесть за стол.

Глава 9. За что платили столяру

Уитмор вернулся к ужину, когда у Рида уже забрали тарелку. Сержант передвинул ему хлеб и спросил, что сказал Латимер.

— Что похожая подошва ещё ничего не значит. Что он не спускался по лестнице, пока не понадобилась лампа. И что дальше хочет отвечать при поверенном.

— Вы сказали ему про старую машину и след вместе?

— Сказал, что проверяем и то и другое. Он попросил точнее сформулировать, в чём его подозревают.

Уитмор взял нож, посмотрел на остывающую еду и положил обратно.

— Справедливый вопрос, — добавил он.

Рид развернул присланную к вечеру записку: Фёрт должен был явиться в участок с бумагами о ремонте, но не пришёл. Мосс заходил домой — дверь заперта. Мать столяра, жившая на другом конце улицы, ответила, что не видела его с воскресенья. У работодателя констебль ещё не был; вечернее отсутствие само по себе не давало причины стучать во все дома.

— Завтра съезжу, — сказал сержант.

Инспектор кивнул. Начал есть и вдруг заметил на столе оставленный Эллен листок.

— Это откуда?

— Принесла дочь. Квитанция за обувь. Я записал передачу.

Уитмор прочёл короткую запись Рида, затем убрал лист в отдельную папку.

— Она очень на него сердится, — сказал сержант. — А к нам пришла, чтобы мы не решили, будто она от злости всё подтвердит.

Уитмор пододвинул к себе соль. Ему хотелось, чтобы у Эллен оказался кто-то, к кому можно пойти, кроме собственного отца и полицейских. Чужое семейство не принимало от него советов; и это было разумно.

В среду утром Рид нашёл Фёрта в столярной мастерской. Тот работал над спинкой детского стула. Стул стоял на верстаке вверх ногами, одна ножка была обмотана тряпкой, чтобы не оставить следов от зажима. В углу жужжала муха, непонятно каким образом пережившая декабрь.

Дэниел увидел сержанта и продолжил строгать. Стружка завивалась тугой лентой и падала на фартук.

— Вам велели прийти вчера, — сказал Рид.

— Знаю.

— Почему не пришли?

— Работал.

— До ночи?

— Вы меня ночью искали?

Он поднял голову. Под глазами синела кожа; на подбородке осталась засохшая мыльная точка. Сержант подумал, что молодой человек брился второпях, собираясь как раз туда, куда потом не пошёл.

Хозяин мастерской вышел из задней комнаты. Спросил, надолго ли нужен Дэниел, и напомнил о заказах. Фёрт с силой опустил рубанок.

— Я доделаю.

Рид предложил поговорить во дворе. Там лежали брусья, накрытые брезентом; с края стекала вода прямо в расколотое ведро. Дэниел вытер руки о фартук и стал ждать.

— Поручень в башне не закреплён, — сказал сержант. — Аванс у вас. Парсонс утверждает, что вы должны были закончить до пятницы.

— Парсонс много чего утверждает.

— Что обещали вы?

— Сделать.

— К какому дню?

— Я не называл дня.

Рид подождал. За стеной звякнуло железо: хозяин передвигал инструменты, чтобы было слышно, что работа продолжается и без подмастерья.

— Вы думаете, я нарочно его оставил? — спросил Фёрт. — Дождался, пока Эймос пойдёт, и не привинтил? Мне надо было, чтоб он шею сломал?

— Я думаю, вы не сделали оплаченную работу и не хотите объяснить почему.

— Денег не было.

— Вам дали.

— Их и не было.

Он сказал это устало, без попытки выиграть ещё минуту. Аванс Дэниел потратил: часть отдал за жильё, часть за новое пальто. Рассчитывал закончить заказ у другого клиента, купить крепления и дерево уже с тех денег. Заказчик не заплатил вовремя. Ничего особенно страшного, полагал Фёрт, не произошло: поручень шатался давно, Саттон ходил осторожно, а через неделю материал всё равно удалось бы приобрести.

— Письмо строителя читали?

— Парсонс показывал.

— Там советовали ограничить проход.

Фёрт долго счищал ногтем смолу с большого пальца.

— Он сказал, надо подправить крепление. Я ответил, что сделаю. Он спросил, сколько. Вот и всё.

— Вы письмо прочли или вам пересказали?

Дэниел посмотрел на дверь мастерской.

— Если нужно, пусть сам придёт и скажет.

Рид предложил пройти в участок. Молодой человек покачал головой: если уйдёт сейчас, хозяин удержит плату. Сержант вернулся внутрь, договорился о часе отсутствия и не стал обещать, что час будет оплачен. Когда вышли на улицу, Фёрт спросил, долго ли Рид собирается всюду объяснять людям, как с ним обращаться.

— Сегодня объяснил, потому что иначе вы бы не пошли, — ответил сержант. — Завтра, если придёте сами, объяснять будет нечего.

Дэниел надел старую куртку. Нового пальто на нём не было.

В участке их ждал Уитмор. Он приготовил отдельную комнату и попросил Мосса не входить без стука. Фёрт сел, поставив ботинки ровно по краю половиц, как школьник возле учительского стола.

Инспектор положил перед ним копию строительного письма, но не предложил прочитать вслух.

— У вас был этот текст?

— Нет. Там Парсонса имя. Он его у себя держал.

— Вы согласились на всю работу или на то, что он объяснил?

— На то, что объяснил.

Уитмор спросил о встрече с Саттоном после звона. Дэниел повторил место, разговор об авансе и слова старика о том, что нужно дописать. Когда инспектор дошёл до листа на столе, юноша отвернулся.

— Вы тогда очень быстро ответили, что не читали.

— Так и не читал.

— А он вам что-нибудь читал?

За стеной скрипнул стул. Дэниел вздрогнул и сердито посмотрел на дверь. Потом ответил:

— Мою бумагу. От хозяина.

Рид перестал писать. Уитмор остался сидеть так же, сложив руки на столе.

Работодатель дал Фёрту бумагу о вычетах за инструмент и материалы. Дэниел понимал отдельные строки, но не мог разобраться, что означала вся сумма. С короткими записками справлялся; длинный печатный текст заставлял его перескакивать, возвращаться, начинать заново. При людях становилось хуже. Проще было делать вид, что читать не хочется.

Саттон помогал ему давно. Не каждый день, не за деньги. Сначала Дэниел принёс старый счёт, сказав, что не разбирает почерк. Эймос заметил, что счёт напечатан, но спросил только, с какой строки начать.

— Я хотел ему отдать, — сказал Фёрт. — За время. Он не взял. Велел принести нож, который я в мастерской испортил, и показать, как затачиваю. Сказал, за это поговорим. Я думал, смеётся.

— Вы принесли?

— Принёс. Он не смеялся.

Дэниел провёл ладонью по щеке, точно всё ещё пытался стереть след от утреннего мыла.

В пятницу он вернулся к столу звонарей со своей бумагой. Не знал, что Парсонс поднимется следом. Увидев старосту, спрятал лист. Отсюда и поспешное объяснение о ремонте. Саттон прочёл письмо тихо, написал на обороте несколько простых строк: сколько удержано, за что следует переспросить. Потом сказал, что ему самому ещё нужно дописать, и отпустил Фёрта.

— О рождественской книжке он говорил в тот вечер? — спросил Уитмор.

— До этого. На прошлой неделе. Я подумал, её и пишет. В церкви все про неё говорили.

— Видели первые строки на его листе?

Дэниел кивнул.

— Только имя. Марта. Он рукой прикрыл, когда я свою бумагу подал. Я не старался смотреть.

— Вы в субботу показали, что стояли у двери, — напомнил инспектор.

— Я туда отошёл, когда закончили. К столу подходил, конечно. Как бы он мне объяснял через всю комнату? Просто не хотел говорить про мою бумагу.

Рид дописал это рядом с прежним рисунком. От двери Дэниел действительно не мог бы разглядеть начало письма; у стола оно лежало перед ним.

Уитмор записал ответ и дал молодому человеку время заметить, что никто не собирается заставлять его читать остальное. Затем спросил, где теперь письмо работодателя.

Оно оказалось в подкладке куртки. Дэниел долго не мог нащупать прореху в кармане; в конце концов вывернул полу и достал смятый лист. На обороте стояли строки, написанные рукой Саттона. Их сняли для дела с согласия Фёрта, оригинал вернули. Молодой человек расправил бумагу о колено и убрал уже во внутренний карман.

Выходя, он сам остановился у порога.

— Хозяину об этом не нужно.

— О чём именно?

— Как Эймос мне помогал.

Уитмор сказал, что для проверки времени ему хватит того, когда Фёрт ушёл с работы и когда вернулся. Превращать остальное в разговор по мастерским он не намерен. На том Дэниел согласился показать имеющийся материал и потом возместить аванс, если придётся заказывать другого человека. Рид записал сумму и условленный срок.

Осмотр креплений провели после полудня. Приглашённый строитель поднялся со своим помощником, полицейские оставались рядом и записывали, что трогали. За поручень не дер-

жались. У верхнего поворота одна опора отходила от стены, вторая сохраняла крепление; старое дерево было гладко вытерто ладонями. Недавнего пропила или вынутого кем-то целого болта не обнаружили. Место расшаталось давно, и от сильной нагрузки поручень мог податься именно тогда, когда на него рассчитывали.

— Нужно было закрыть, — сказал строитель.

Парсонс, стоявший ниже за ограждением, ответил, что так никто не формулировал. Помощник строителя отвёл глаза. Уитмор попросил в заключении отдельно указать состояние каменных ступеней: не требовалось ли чинить и их. Переделывать лестницу до окончания осмотра не позволил.

В комнате звонарей стало заметно холоднее, чем в пятницу. Верёвки оставались неподвижны; к ним никого не подпускали. Пустой стол стоял у стены. Рид положил на него свой блокнот и посмотрел, куда мог упасть лист, который Саттон прикрыл ладонью.

Под столом было чисто. Это уже проверяли при первом осмотре и потом при описании вещей. В ящике хранились старые списки звонарей, свечной огарок, карандаши, листки для рождественского издания. Начатого обращения к Марте среди них не оказалось. В учтённых домашних бумагах его тоже не видели.

— Возможно, унёс в кармане, — сказал Мосс.

— У тела были все карманы описаны, — ответил Рид. — Такого листа нет.

— Мог выбросить. Передумал.

Уитмор посмотрел на сержанта.

— Мог. Или там было одно имя, а дальше ничего. Мы не знаем, что он собирался написать.

В блокноте оказались две записи: имя на столе и сложенный лист у прохода. Инспектор велел ещё раз просмотреть описание бумаг и уточнить у тех, кто убирал неф, не поднимали ли они отдельный лист. Искать следовало сейчас, а не после того, как нужные слова станут всем известны.

Внизу Парсонс ждал с книгой расходов. Он хотел немедленно вычеркнуть из неё выданный Фёрту аванс и записать сумму как долг, чтобы не выглядеть ответственным за работу. Рид удержал его руку над страницей.

— Новую запись сделаете рядом. Прежнюю не зачёркивайте, пока её не сняли.

— Он ведь сам признал, что растратил.

— Прежнюю всё равно оставьте.

Староста посмотрел на Уитмора, не нашёл поддержки и захлопнул книгу. Сказал, что зря доверял молодым людям. Сержант почувствовал, как сильно ему хочется напомнить о спрятанном письме. Удержался: Парсонс должен был отвечать за то, что сделал, а не выслушивать обиды Рида за всех Фёртов на свете.

У церковных ворот их догнал мальчик из пекарни. В руках он держал пакет, на котором Агнес написала фамилию Мосса. Констебль взял пакет, удивлённо потрогал ещё тёплый бок.

— Это вчерашний хлеб? — спросил Рид.

— Сегодняшний. Она сказала, вы опять будете спрашивать, когда я пришёл, так пусть хотя бы еда будет.

Мосс засмеялся. Мальчик не засмеялся: он действительно ждал вопроса и хотел поскорее отделаться.

— Во сколько ты забрал хлеб? — спросил сержант.

— Только что. Вон я оттуда шёл.

Рид кивнул и отпустил его. Пакет под мышкой констебля хрустел, пока они шли к участку. Мосс отломил корочку, предложил остальным. Уитмор взял кусок и съел на ходу; он с утра ничего не ел. Сержант спросил, оставили ли ещё чаю.

На столе Уитмор разложил два плана: дорога у карьера и лестница. Отодвинул один от другого. Рид, вернувшись с горячим чаем, вопросительно посмотрел на свободное место между листами.

— Сначала пятница, — сказал инспектор. — Понадобятся Мириам и те, кто забирал детей. Вы договоритесь?

Рид кивнул. От хлеба на плане лестницы осталась крошка; он осторожно стряхнул её на блюдце.

Глава 10. Конец репетиции

У миссис Дрю в кухне сушились три варежки. Четвёртую, как выяснил Рид, искали с пятницы, и хозяйка приняла его появление за начало ещё одного разговора о потерянной вещи.

— Я уже сказала мисс Коул: у меня её нет. Дома обеих девочек спросила. Пусть в школе посмотрят.

— Я по поводу того, когда вы их забрали.

— Девочек?

— И мальчика, который пошёл с вами.

Женщина уступила ему место у стола, не убирая миску с замоченным горохом. Из соседней комнаты слышалось, как дети спорят о клее. На подоконнике стояли две картонные короны; одна заваливалась набок, потому что её зубец оклеили слишком тяжёлой золотой бумагой.

Рид повторил, что спрашивает о пятнице. Миссис Дрю помнила: сначала свечи у Венна, затем к воротам. Дети ещё пели, и ей пришлось подождать. У неё в сумке лежала маленькая бутылка лекарства для мужа, поэтому часы она смотрела — хотела вовремя дать ему вторую дозу. Вернулась домой раньше без четверти шесть. Муж заметил, что она поторопилась, и спросил, не заболел ли кто-нибудь из детей.

— Можно с ним поговорить?

— Можно. Только он решит, будто я ему что-то не то давала.

Муж оказался раздражительным человеком с распухшей щекой. Сидел в кресле возле печки, прижимая к лицу сложенный платок. Он подтвердил возвращение жены, но назвал время на несколько минут раньше. Рид записал оба ответа.

— Тогда зачем спрашивать, если вы всё равно ей поверили? — сказал мистер Дрю.

— Я записал и ваше время.

— А толку? Часы в кухне спешат.

Миссис Дрю, стоявшая в дверях, посмотрела на мужа с таким терпением, какое обычно оставляют для очень больных или очень маленьких. Объяснила: в пятницу он сидел в комнате и смотрел на каминные часы. На кухню не ходил. Муж согласился, но потребовал всё же отметить, что кухонные спешат. Рид отметил. На выходе нашлась и варежка — за его спиной, между спинкой стула и стеной. Она не имела отношения к делу, и от этого хозяйка, кажется, обрадовалась ей ещё больше.

Отец последнего мальчика работал в ремонтной бригаде на станции. Звали его Бертрамом Шоу. В участке он появился прямо после смены, с тёмной полосой на лбу, которую безуспешно пытался стереть рукавом.

Он опоздал за сыном из-за велосипеда. Проколол колесо, какое-то время вёл рядом, потом решил, что мальчик подождёт у ворот, а не убежит один. Так и оказалось: рядом стояла Мириам. Шоу извинился, она отдала ему свёрток с шарфом и велела следить, чтобы сын в следующий раз не пришёл в школу без него.

— Часы видели?

— На станции, перед тем как ушёл. Половина шестого была с чем-то. Во сколько дошёл, не знаю. Только это не могло быть шесть: я ещё до шести к мастеру вернулся, инструмент забыл.

Его возвращение можно было проверить. Рид записал фамилию мастера и попросил самого мальчика пока не учить, что отвечать. Шоу с удивлением спросил, зачем учить, если тот и так всё помнит. Потом подумал и кивнул:

— Он скажет, что ждал вечность. Это я сразу предупреждаю.

К вечеру показания дали промежуток, достаточно узкий для работы и недостаточно узкий для красивой таблицы с минутами. Мириам вернулась от ворот заметно раньше шести,

но уже после ухода основной группы. Саттон в это время ещё стоял. Поздняя музыка принадлежала учительнице. Ни Дрю, ни Шоу не видели Латимера у клавиш; никто из них и не утверждал этого прежде. Уитмор вычеркнул из собственного листа длинную скобку, соединявшую фамилию органиста со всем последним часом.

Мириам пришла после школьных занятий. От холодного ветра глаза у неё слезились, и она сердито промокала их платком, пока Рид не предложил сесть дальше от окна. Она спросила, нельзя ли на этот раз обойтись без церкви: там теперь каждый встречный смотрел так, будто она знает, кто кого убил, но не желает говорить.

Инспектор согласился. Им был нужен путь, а не новая прогулка по лестнице. На плане она ещё раз показала ворота, западный вход, место Саттона и галерею. Рид измерил эти расстояния днём, однако не стал переводить их в точное время её ходьбы: никто не знал, сколько она задержалась с шарфом, остановилась ли перед дверью, пропускала ли людей.

— Когда вы вернулись, мистер Саттон поднимался или спускался?

— Стоял внизу. Повернулся ко мне. Потом я пошла дальше и не видела.

— Фонарь у него был?

Мириам посмотрела на свои руки.

— Я помню бумагу. Другой рукой он держался за поясницу. Мог поставить фонарь рядом, но в руках его не было.

— Вы заметили масло на полу?

— Нет. Там темно. Если вы спросите, был ли пол сухой, я не смогу ответить.

Она помолчала, затем добавила:

— Я не хочу каждую минуту говорить «не помню». Вы тогда решите, что я вам не помогаю. Но я действительно смотрела на человека, а не на пол.

— Его-то вы видели, — сказал Уитмор. — С этого и начнём.

Он попросил вспомнить, как старик говорил. Не шатался ли, не держал ли голову необычно, не жаловался ли на слабость. Мириам ответила, что Саттон показался обыкновенным: слегка недовольным тем, как долго родители разбирают детей. Хотел было рассказать ей что-то ещё, но остановился, сказал, что она замёрзла, и пропустил к галерее.

Уитмор записал и эту незаконченную попытку разговора. Она могла касаться совсем не Марты. Он не предложил учительнице готовую тему.

Потом спросил о звуках во время игры. Мириам пожала плечами. Когда она занималась, слышала прежде всего собственные ошибки. Внизу могли пройти, закрыть дверь, передвинуть скамью. Она не различила бы, что именно случилось за стеной башни. На вопрос, не было ли громкого удара, она ответила после долгого молчания:

— Я начну его вспоминать, если вы будете спрашивать. Лучше напишите, что не услышала.

Рид закрыл блокнот. На мгновение ему стало стыдно за всё множество звуков, которые люди начинали помнить именно после появления полицейского карандаша.

В четверг утром встретились с теми, кто подходил к телу. Уитмор назначил отдельные часы и не объяснил, в чём ответы должны сойтись. Симс пришёл первым. Доктор был голоден и рассеян; пока инспектор открывал папку, он по ошибке положил рядом с ней рецепт, который собирался оставить аптекарю.

На чистом плане Симс обозначил, где стоял и где поставили дополнительную лампу. Крупное стекло возле головы заметил при первом наклоне. Руку через него не переносил, поднять не просил. Когда подошёл Латимер, лампу взял сам, велел остальным отойти.

— В туфлях или ботинках был органист?

— В ботинках. Тёмных. В шнурованных. Я не рассматривал каблуков, если это следующий вопрос.

— Он менял обувь при вас?

— Нет. Ему бы пришлось меня отодвинуть, чтобы вы здесь заподозрили переодевание. Там тесно. Я первым делом выставил лишних людей.

Доктор извинился за резкость. Сказал, что с утра уже объяснял одной женщине, почему не может написать свидетельство о болезни её мужа, которого не видел; теперь боялся начать одинаково отвечать всем. Уитмор отдал забытый рецепт и поблагодарил.

Парсонс пришёл с книгой расходов под мышкой, хотя её на этот раз не просили. Большой осколок он тоже увидел сразу. Обошёл, чтобы наклониться к Саттону со стороны плеча. Когда пошёл звать помощь, в нижнюю комнату вошла Марта; позже появился врач. Латимер показался из нефа после крика.

— Вы видели, как он шёл оттуда?

— Он показался из нефа. Я не мог видеть сквозь стену. Вы всякий раз переспрашиваете так, будто я намеренно что-то прибавил.

— Я спросил, откуда вы его видели.

— Из нефа. А за лампой я его послал, когда пришёл Симс. Врач попросил осветить ступени получше.

Лампа находилась у двери ризницы. Органист принёс её быстро. После прихода врача не уходил настолько надолго, чтобы староста заметил; во всяком случае, его не искали. Парсонс не смог припомнить обувь и рассердился на себя за это сильнее, чем на вопрос.

Марта пришла последней и принесла взятые у жены Мосса башмаки в бумаге: свои она уже получила обратно. Села, положив свёрток на колени.

— Стекло видела. Парсонс его ещё мне показал: осторожнее, порежетесь. Я полотенца принесла, куда вы бы с ними пошли? К голове. Вот он и сказал.

— Вы осколок передвигали?

— Нет. Не выметала. Под кровь чистое полотенце подложила. Вы его забрали.

— Латимеру приходилось через него переступать?

— Свет он подал с другой стороны. Симс уже был. Не через голову же лампу тянуть.

Марта показала на плане. Расположение людей совпало с рассказом врача. Она не стояла всё время у прохода и не ручалась за каждое движение органиста в нефе. Но в нижней комнате башни большой осколок лежал до его прихода с лампой и оставался на месте, пока осматривали тело. Подойти к нему, поднять, наступить и снова опустить незаметно между четырьмя людьми было бы трудно.

— Зачем вы про это спрашиваете? — сказала она.

Уитмор объяснил, что на камне под стеклом остался след. Она посмотрела на свёрток с башмаками.

— Моим не подошло?

— Нет.

— Я бы сказала, если бы растоптала. Мне не нужно, чтобы вы из-за моих ног всё сначала начинали.

Она поднялась, но осталась у стола. Попросила копию записки. Рид достал её из конверта. Марта сперва прочла, потом свернула так же, как был сложен оригинал.

— Здесь ничего другого нет, — произнесла она. — Я почему-то думала, вы на своей бумаге больше увидите.

Инспектор хотел предложить ей ещё чаю. Не предложил: она уже надела перчатки и явно старалась уйти до того, как голос изменится.

После полудня пришёл ответ из больницы. Старую книгу с часами посещений, если она вообще велась в нужном виде, не нашли. Сотрудница, чья подпись стояла под ответом Хейлу, уехала, её адрес уточняли. Подтверждалось только прежнее — Латимер жену посещал. Окружной служащий извинился за неполноту сведений и приложил перечень мест, где искали. Уитмор оставил его в деле. Не всякий запрос должен был возвращаться подарком.

Во второй половине дня Рид успел поговорить со станционным мастером. Тот нашёл запись о выданном Шоу инструменте и подтвердил, что в пятницу работник за ним возвращался до шести. Секунды они установить не смогли. Отец задержавшегося ребёнка не ошибся настолько, чтобы Мириам всё это время оставалась внизу с хором.

Сержант принёс эти сведения в гостиницу, где Уитмор ждал человека из управления. Тот задерживался в дороге. На столе лежало пальто инспектора: у подкладки оторвался крючок, и хозяин обещал найти иголку.

— Теперь он не может сказать, что музыку слышали после шести и всё перепутали, — заметил Рид. — Она сама проверила часы. Шоу вернулся к мастеру до шести. Дрю уже дала мужу лекарство. Дети были дома, пока она играла.

— Он и не спорит, что играла Мириам.

— Зато мы перестали ждать, что кто-нибудь вспомнит его руки.

Рид пододвинул план. Он отметил свободный промежуток без фамилии Латимера. Прежде ему хотелось непременно заполнить каждую клетку. Теперь пустота была полезнее: ни один свидетель не ставил органиста в безопасное место в то время, когда Саттон оставался у башни.

Хозяин вошёл с иголкой, но без нитки. Сказал, что жена унесла коробку наверх, и снова ушёл. Уитмор посмотрел на оторванный крючок и наконец сел.

— Когда человек из управления вернётся, пусть сначала расскажет про находку в туфле, — сказал он. — Наш рисунок подождёт.

Рид убрал план в папку. За дверью хозяин окликнул жену, спрашивая, куда она опять дела чёрные нитки. В гостинице все жили, как прежде, только в их комнате всё чаще недосчитывались времени на обычные починки.

Глава 11. То, что услышала Марта

Поверенный приехал без Латимера. Назвался Олдриджем, снял мокрое пальто и долго искал, куда положить его так, чтобы не намочить чужие вещи. Мосс принёс второй стул. Гость поблагодарил с таким облегчением, будто это и было самым трудным в предстоящем разговоре.

Уитмор принял его в участке. Рид остался за отдельным столом; Олдридж взглянул на открытый блокнот и попросил записывать точно, с кем состоялся разговор.

— Мистер Латимер готов дать собственное письменное объяснение. По происшествию двадцать седьмого года. У меня оно с собой. Я не прошу вас сейчас согласиться с каждым словом.

— Что изменилось с понедельника?

Олдридж поправил на столе портфель.

— Ему стало ясно, что молчание о прошлом мешает выяснению нынешнего дела. Он не хочет, чтобы вы принимали одно за другое.

— Я тоже не хочу.

Поверенный вынул несколько листов. Объяснение было написано рукой Латимера. На последнем стояли дата и подпись; два исправления подписаны отдельно. Олдридж не диктовал его здесь, и инспектор попросил позже подтвердить происхождение у самого автора. Гость согласился.

Уитмор прочёл. Затем начал сначала, уже с карандашом.

Латимер ехал из больницы по дороге у карьера. Столкновение произошло в темноте, когда он не заметил пешехода у края проезда. Утверждал, что остановился дальше, не сразу поняв, во что ударился. Впереди оказался Саттон. Органист попросил его посмотреть, что случилось. По его словам, старик вернулся и сказал, что мальчик мёртв и ничего уже не сделаешь.

Дальше шло о больной жене. Об Эллен, которую он не хотел оставлять без отца. О том, что Саттон сам предложил не заявлять: всё равно никого не вернуть, а семью погубят. Повреждение машины они объяснят воротами. Саттон помог с платой за ремонт. Латимер утверждал, что сперва пытался возражать.

Рид видел, как инспектор задержал карандаш на этом месте, но пометки не сделал.

В конце объяснения говорилось о недавней беседе. Саттон сообщил, что больше молчать не намерен. Хотел сначала сказать Марте, затем полиции. Латимер просил не устраивать разговор в церкви и не втягивать дочь. Саттон ответил, что Эллен не маленькая и сама решит, как к этому отнестись.

Они поссорились в четверг. На следующий день, настаивал органист, он не обсуждал с ним старого происшествия. После хора занимался обычными делами, лестницы не касался, о несчастье узнал на крик Парсонса.

— Вы понимаете, что здесь признано? — спросил Уитмор у Олдриджа.

— Понимаю. Поэтому и принёс вам подписанное объяснение. Скрывать его, когда мой доверитель решил сообщить, я не собираюсь.

— О том, что якобы предложил Саттон, мы можем спросить только у вашего доверителя.

— Я вижу затруднение.

Олдридж сказал это без обиды. Он был невысоким человеком с усталыми глазами; не походил на того, кто пришёл выгородить приятеля громким голосом. Попросил не рассказывать содержание всему приходу прежде, чем уточнят обстоятельства. Уитмор ответил, что за приходскими разговорами не посылал, но мать погибшего не должна узнать из лавки.

— Он готов с ней встретиться, — сказал поверенный.

— Это решит она.

Некоторое время оба молчали. За стеной Мосс передвигал стул; отозвалась скрипом половица. Рид подумал о женщине, которая сама два часа назад принесла чужую обувь обратно и теперь уйдёт в ту же кухню уже с другими именами в голове.

— Я хотел бы поговорить с мистером Латимером сегодня, — произнёс Уитмор. — В вашем присутствии, как он просил. О времени, маршруте и этой четверговой беседе.

Олдридж согласился вернуться с ним после обеда. Копию объяснения оставил себе. Оригинал получил номер, а не исчез в портфеле инспектора между прочими бумагами.

Когда поверенный вышел, Рид спросил:

— Он решил признать старое, чтобы мы перестали искать новое?

— Возможно. А возможно, понял, что счёт Белла и без него заговорит. В этой части он наконец дал то, что мы можем проверить.

— Саттон оказался не тем, кем его все…

Сержант не закончил. Уитмор посмотрел на первую страницу.

— Нам пока рассказал о нём Латимер. Не прибавляйте за старика слов, которых здесь тоже нет.

Инспектор попросил Мосса передать Марте, что зайдёт. Не приводить её сюда, не объяснять на улице. Констебль взял фуражку, спросил, можно ли сначала предупредить жену, чтобы накормила детей без него. Получив кивок, ушёл быстро, как за врачом.

У Марты было слишком жарко. На плите кипела кастрюля с бельём, в углу у стены высыхала доска, которой придавливали ткань. Женщина открыла дверь в переднике и, увидев Уитмора, вытерла руки не сразу.

— Нашли?

Он понял вопрос, но не ответил одним словом.

— Латимер сообщил, что был за рулём машины. В тот вечер. Он дал письменное объяснение.

Марта посмотрела мимо него, на переулок. Там шла соседка с покупками; остановилась поздороваться, но, увидев лицо хозяйки, только кивнула и пошла дальше.

— Заходите.

Уитмор остался у стола, пока она закрывала дверь кухни. Она переставила кастрюлю, сняла крышку, снова надела. Пар тяжело вышел в комнату. На стене появилась влажная полоска.

— Мальчик-то ещё жив был?

Инспектор ответил, что из нового объяснения это установить нельзя. По прежним показаниям люди, нашедшие Майкла, не сразу поняли его состояние. Симс уже запросил старые медицинские бумаги. Решать сейчас, что помощь ничего не могла изменить, Уитмор не станет.

— Он так написал? Что нельзя было помочь?

— Да. По его словам, это сказал Саттон.

Она поставила ладони на стол. У правой руки, возле большого пальца, белел старый ожог.

— Эймос знал?

Уитмор рассказал, что удалось проверить независимо: автомобиль в ремонте после той субботы, оплата, старый рассказ Саттона о времени возвращения. Затем сообщил, что Латимер признаёт общую договорённость скрыть происшествие, но старается представить её предложением старика. Марта слушала, не перебивая. Только когда инспектор дошёл до просьбы о нынешнем разговоре, спросила:

— Поэтому он мне дал бумажку?

— Видимо, собирался сообщить о своём участии. Латимер подтверждает, что они спорили об этом в четверг.

Марта отодвинула стул и села. Уитмор предпочёл бы остаться стоять, но она показала на другой стул. Он тоже сел.

— Мэй знала?

— Не установлено.

— А вы установите. Не пишите заодно. Если не знала — не нужно, чтобы теперь и за ней…

Она закрыла глаза. В кухне снова закипела кастрюля. Инспектор поднялся и спросил, можно ли передвинуть её дальше от огня. Марта кивнула; потом сама встала и переставила, взяв мокрую тряпку так, что Уитмор испугался за её руки. Она сделала это привычно, не поморщившись.

— Я ему рубашки стирала, — сказала она. — Эймосу. И деньги с него брала. Он никогда не торговался. Я думала, человек понимает, сколько работа стоит. Теперь мне что думать?

Уитмор ответил не сразу.

— Работа столько и стоила. Вы её делали.

— Да, — сказала она. — Делала.

Она открыла кухонную дверь, выпуская пар. В передней на крючке висел его мальчишеский шарф. Тот самый или другой, Уитмор не знал. Не стал спрашивать.

Латимер предлагал встретиться. Инспектор передал это без слов «просит прощения», которых в объяснении не было. Марта долго смотрела на порог, потом сказала, что не хочет. Не сегодня. Пусть сначала ответит тем, кто может спрашивать, сколько понадобится.

— И не надо его ко мне посылать, чтобы он здесь плакал. Я всё равно не буду знать, что с ним делать. Чаю наливать? Вот чего они всегда хотят — чтобы после всего ещё знаешь, как себя вести.

Она взяла со стола его шляпу и отдала. Остановила уже у двери:

— Если старик сам решил рассказать, вы это тоже напишите. Я его не прощаю. Только пусть не получится, будто Латимер всё вам первым принёс, а он так и промолчал.

Инспектор обещал сохранить записку и показания о её передаче. Превращать намерение Саттона в состоявшееся признание он не мог, но вычеркнуть его теперь тоже было бы неправдой.

К Латимеру Олдридж приехал раньше полицейских. Эллен впустила их молча, на ходу положив на кухонный стол хлебный нож. На доске осталась наполовину разрезанная буханка. Рид задержался у двери, давая девушке убрать нож подальше от края.

Олдридж предложил встретиться без дочери, и Уитмор согласился с условием, что Эллен сама решит, куда уйти. Заставлять её ждать в холодной передней никто не станет. Она сказала, что выйдет к знакомой. Отец хотел что-то добавить, но не нашёл распоряжения, которое прозвучало бы уместно.

Письменное объяснение Латимер подтвердил. Назвал путь от больницы, место остановки, показал на старом плане, где, по его словам, стоял Саттон. На вопрос, видел ли он самого Майкла после удара, ответил: нет, подошёл только к краю дороги. Смотреть не мог. Саттон пошёл вперёд.

— Тогда откуда вы знали, что сбили именно мальчика? — спросил Рид.

Латимер открыл рот. Поверенный чуть поднял ладонь, предлагая не торопиться.

— Эймос сказал. А на следующий день уже все знали имя.

— Раньше вы говорили, что задели ворота.

— Раньше я лгал. Если бы мог сделать это иначе, я бы не писал вам сейчас.

Уитмор спросил о фарах и встречной телеге. Латимер вспомнил, как прижался у съезда. Не был уверен, до столкновения или уже после. Хоббса не узнал, но узнал лошадь — серую с тёмной гривой, принадлежавшую тогда другому владельцу. Проверить это было возможно; угадать весь рассказ Хоббса из сегодняшних слухов труднее, хотя разговоры о старом деле уже шли.

Объяснение ворот отпало по словам самого водителя. Ни сгоревшие створки, ни плохая память кладовщика больше не имели права выглядеть его оправданием. Рид почувствовал досаду за утро, проведённое у каменного столба; затем понял, что без того утра они сейчас просто сменили бы одну неподтверждённую историю на другую.

О четверге Латимер говорил охотнее, пока инспектор не спросил, чего именно он боялся.

— Оставить Эллен без средств. Опозорить память её матери. Вы представляете, что значит в этом городе…

— Миссис Латимер не была в машине, — сказал Уитмор.

— Я знаю.

— Тогда мы спрашиваем о вас.

Органист отвернулся. Олдридж попросил дать ему закончить ответ.

— Я боялся тюрьмы, — произнёс Латимер. — Вот. Этого вы хотите? Боялся потерять всё, что осталось. Не умею говорить об этом благородно.

— В пятницу этот страх исчез?

— Нет. Но я никого не толкал.

Он впервые сам произнёс слово. Уитмор не стал записывать это как промах человека, знающего слишком много: его уже несколько дней спрашивали о падении, а весь город говорил об убийстве. Инспектор повторил, что ни признание старого обмана, ни отрицание нового не закончат проверку лестницы.

Латимер молчал. Глядя на его руки, Рид вспомнил мальчика за пианино: не возвращайся, иди дальше. Сам учитель пять лет делал именно это и теперь хотел, чтобы его остановили только на той ошибке, которую он согласился сыграть вслух.

У выхода Олдридж попросил оставить номер, по которому можно связаться вечером. Уитмор назвал участок и гостиницу. Поверенный сказал, что ещё побудет с Латимером, затем отвезёт его объяснение в управление лично, если потребуется.

Эллен вернулась, когда полицейские уже стояли у калитки. В руках несла узкий бумажный пакет. Спросила, уехала ли миссис Харпер. Уитмор ответил, что Роуз пока в доме дяди.

— Я хотела ей пирог отдать, — сказала девушка. — Мы покупали до… До всего. У нас его никто не ест.

Она посмотрела на входную дверь. Потом спросила, можно ли пройти к Саттонам по северной дорожке, не заходя в церковь. Рид объяснил путь. Эллен поблагодарила и пошла, прижимая пакет к пальто. В доме за её спиной отец задвинул занавеску.

Глава 12. До разбитого стекла

Келл приехал к вечеру, продрогший и недовольный дорогой. Шофёр высадил его возле гостиницы, но выгрузить вещи с первого раза не дал: из багажника вывалился домкрат, и пришлось сначала положить его так, чтобы не раздавить коробки.

— Всё цело? — спросил Уитмор.

— Да. Мне просто хотелось бы, чтобы оно таким и осталось.

Рид взял один ящик. В нём что-то тихо передвинулось; он сразу остановился. Келл объяснил, что это не стекло, а пустая рамка между прокладками. Самое важное упаковано отдельно.

На этот раз о ночной поездке обратно он не думал. Попросил комнату, оставил чемодан, выпил полчашки чаю и поехал с ними в участок. Риду понравилось, что человек не торопится показать удачу прямо на обеденном столе, возле чужих локтей и чашек.

В комнате Мосса освободили длинный стол. Келл разложил бумаги, проверил номера на упаковках и только потом вынул узкий осколок, найденный в ранте туфли Латимера. С одной стороны он походил на обломанный ноготь, с другой сходил на остриё. Без увеличения можно было понять, почему Рид во вторник не решился назвать находку.

— Он сидел здесь, — показал Келл на снимке обуви до извлечения. — Между краем кожи и подошвой. Я снял положение. Не высыпался из коробки и не лежал в сумке отдельно.

Другую упаковку открыли рядом, на второй подложке. В ней находился крупный осколок из нижней комнаты башни, тот самый, который лежал поперёк следа. У одного края недоставало узкого выступа.

Келл повернул маленькую находку. Не прижимал её к большой, не пытался заставить войти. Сопоставил края под лампой, дал посмотреть через увеличительное стекло. Выступы и впадины продолжали друг друга; неровность на одной поверхности находила место на другой. На обломанных гранях виднелись тонкие линии, которые также не обрывались случайно.

Рид смотрел дольше, чем требовалось. Почти хотелось проверить пальцем, но пальцы он держал под краем стола.

— Это часть того же стекла? — спросил инспектор.

— Я так заключаю по соединяющимся поверхностям. Здесь не просто одинаковые толщина и цвет. Я подготовил снимки раздельно и при сопоставлении. Нужно будет показать другому человеку для проверки, покажем.

Келл убрал лупу, не соединяя куски окончательно. Сказал, что края хрупкие; достаточно неудачного движения, чтобы стало труднее увидеть то, что они сейчас видят. В протоколе оставил описание и места на снимках. Уитмор прочёл, попросил отдельно указать, кто и когда получал каждую упаковку. Смешивания на столе не было: туфля и стекло с лестницы с самого начала хранились раздельно.

О масляном загрязнении результат оказался скромнее. Оно не походило на одну только сапожную отделку; в нём было маслянистое вещество, совместимое с тем, что нашли на лестнице. Объявлять это содержимым именно церковной маслёнки Келл не собирался. Подобным маслом пользовались во многих мастерских. Уилкс предъявил свои материалы, и их учли.

Уитмор кивнул и отвёл в записи этому обстоятельству короткую строку. Келл приложил к ней перечень использованных образцов.

Левую туфлю сфотографировали рядом с контрольным следом. Косой край и близкие гвозди по-прежнему давали сходство, а не полный отпечаток. Теперь оно не стояло отдельно. В туфле находилась часть конкретного разбитого стекла, и её присутствие требовалось объяснить вместе со следом под крупным осколком.

— В ботинках, когда принёс лампу, — негромко сказал Рид.

Келл посмотрел на него.

— Это вы выясняйте. Я могу сказать, где был кусок. Не кто в это время носил пару.

Сержант кивнул. Ему самому случалось приклеивать к вещи владельца раньше, чем удавалось восстановить движение. В этот раз он открыл чистый лист и стал выписывать, кто мог касаться туфель.

Уилкс чинил и передал сухую пару Эллен. Девушка принесла её в церковь. Латимер признал, что переобулся и играл в ней. Потом туфли оказались в сумке, которую он сам унёс домой. До передачи полиции она оставалась у Латимеров. Эллен развязала её в присутствии инспектора и Мосса. Уже после этого пара не покидала учтённого хранения без записи.

Рид подчеркнул время, когда Латимер сам признал туфли на своих ногах. Остальное предстояло сверить с показаниями людей у тела.

Келл убрал стекло и попросил на сегодня закончить. Он не ел с утра ничего, кроме бутерброда в машине. Мосс пошёл вместе с ним до гостиницы: хотел спросить, чем лучше закрыть ступень, пока след ещё нужен. Рид остался с Уитмором.

— Он мог подойти раньше к уже упавшему человеку, — сказал сержант. — В туфлях. Испугаться, решить, что начнут спрашивать про дорогу. Потом всё это устроить.

— Мог бы так сказать.

— И это было бы не то же самое, что столкнуть.

— Не то же.

Уитмор посмотрел на план. Внизу карандашом стояли имена первых помощников. Выше — место, где начинал шататься поручень. Отметка была слишком близка к дверному проёму, и инспектор поправил её по обмеру строителя.

— Завтра пусть объяснит собственный путь. С начала. Мы не будем давать ему удобную историю заранее.

Пока Рид собирал снимки, Уитмор перечитал медицинский отчёт, который Симс прислал в тот же день. Часть касалась тела и была написана так, что на странице не оставалось ни бровей Саттона, ни его досады на чужую небрежность. Инспектор заставил себя прочесть и эту часть целиком. На полях отметил вопрос о предплечье.

Симс ещё не ушёл из приёмной. Встретил их, стоя на коленях перед шкафом: на нижнюю полку закатился пузырёк, и врач не мог дотянуться. Рид подвинул шкаф вместе с ним. За ним нашлись пузырёк, перо и завёрнутая в газету дверная ручка.

— Ручку я потерял в октябре, — сказал Симс. — С тех пор все ругают плотника. Положите на стол, иначе опять исчезнет.

Уитмор показал отчёт. Спросил, могут ли следы на руке относиться к тому моменту, когда Парсонс поддерживал плечи. Доктор взял чистый лист и нарисовал положение руки. Кровоподтёки находились ниже места, которое, по своему рассказу, держал староста. Не все повреждения выглядели одинаково: был отдельный ушиб от камня, были участки сдавливания.

— Мог ли его подхватить человек, стоявший ниже?

— Мог схватить за руку. Если вы хотите, чтобы я отличил попытку удержать от попытки столкнуть по этим следам, не сумею. Обе требуют силы.

— Саттон мог получить их уже после смерти, пока вы с Парсонсом помогали?

— По виду это прижизненные повреждения. Но я не собираюсь отделять последнюю минуту жизни от первых движений помощи так, будто у него внутри были часы. Я помню, как держали мы, и записал. С этим сравнивайте.

Рид отметил ответ. Им хотелось получить от врача окончательный глагол — удержали, толкнули, сорвался. Врач оставил им руку и следы на ней. О глаголе нужно было спрашивать живого человека.

Симс поднял найденную дверную ручку и машинально повертел.

— Поручень плохой, — сказал он. — Человек мог за него ухватиться. Вы ведь этого не забыли?

Уитмор ответил, что не забыл. За вопросом слышалось беспокойство о собственном прежнем совете Саттону. Доктор говорил старому пациенту не ходить одному; старик сердился; оба разошлись со своими доводами. Теперь легко было вообразить, что нужные слова следовало произнести ещё раз, громче. Инспектор знал эту бесполезную поправку к прошлому.

Перед уходом они осмотрели обувь Саттона по снимкам и описанию. На подошвах не нашли такого масла, в котором отпечатался узкий каблук. Это не исключало падения на сухом верхнем участке. Зато обычный рассказ «поскользнулся в масле, уронил фонарь» не объяснял сразу всё, что лежало внизу. Масло возле головы и чужая туфля с обломком стекла относились к действиям другого человека.

Возвращались медленно. Туман спускался к рыночной улице, возле фонарей свет расплывался широкими пятнами. Рид чуть не прошёл мимо поворота к Саттонам. У дома стояла Эллен с тем же бумажным пакетом, теперь пустым. Рядом с ней Роуз пыталась открыть калитку, которая упиралась нижним краем в мокрый гравий.

Сержант придержал створку. Роуз поблагодарила, посмотрела на инспектора.

— Нам сказали, завтра можно всё устроить. Похороны. Я не знаю, долго ли нужно было ждать, но до воскресенья не хочу. Муж приедет утром.

Уитмор ответил, что примет к сведению. Вопросы о теле уже согласовали; дополнительных задержек с его стороны не требовалось. Роуз кивнула, будто инспектор разрешил наконец дело, на которое ей самой недоставало решимости.

Эллен сказала, что пойдёт. Роуз попросила подождать, сходила в дом и положила две груши в её пустой пакет. Девушка растерянно посмотрела на них.

— Это вам оставьте.

— Мне и так много. Возьмите. Я не буду сейчас выяснять, кто кому сколько принёс.

Эллен ушла по улице, придерживая пакет обеими руками. Рид отступил, давая ей пройти, и увидел, как она вытирает лицо концом шарфа. Не стал окликать.

Роуз закрыла калитку, снова с трудом.

— Она попросила прощения, — сказала она. — Я ответила, что не знаю за что. То есть знаю, что говорят. Но она-то?

Уитмор промолчал.

— Я сама хотела к Марте сходить. Потом подумала, что у меня получится примерно то же самое. Я же не знала. Эймоса любила и не знала. Это теперь всё время придётся вместе говорить?

Она спросила почти сердито. За окнами стояли коробки; половину вещей упаковали, половину ещё не решались тронуть. На подоконнике в гостиной виднелся тот деревянный самолёт, который мальчик сделал для старика.

— Сейчас ей, вероятно, нужно побыть без объяснений, — ответил инспектор.

— Вероятно. А если ей помощь нужна?

— Спросите о помощи.

Роуз посмотрела на дорогу, по которой ушла Эллен, и кивнула. Рассказала, что мистер Саттон помогал не только Фёрту. Когда Роуз была маленькой, отец задолжал за аренду, и дядя приехал разбираться; на него потом сердились и должник, и хозяин. Он не умел просто дать и уйти. Хотел, чтобы дальше поступали, как он велит.

— Я думала, это надёжность, — сказала она. — Иногда это и была надёжность. Не знаю, как теперь отделить.

Уитмор вспомнил объяснение Латимера, в котором Саттон предложил решение за всех. В нём могло быть больше правды, чем органист заслуживал доверия. Это не отнимало у Марты её пяти лет и не превращало самого Латимера в послушного мальчика.

Они попрощались. Из участка уже принесли ответ Олдриджа: завтра в девять он готов явиться вместе с доверителем. Уитмор попросил Мосса освободить ту же комнату и найти ещё один стол. Большие снимки нельзя было держать друг над другом, как обычные письма.

Рид расставил на плане отметки по порядку. Сначала живой Саттон. Потом промежуток, в котором никто не видел Латимера у инструмента. Затем органист в пальто у лестницы на галерею. Осколок уже на камне при первом входе Парсонса. Свет, принесённый в уличных ботинках. Каждое звено имело своего свидетеля или предмет, а не одно общее «так получилось».

Сержант оставил снизу свободное место.

— Для его ответа? — спросил Уитмор.

— Да.

Инспектор выключил настольную лампу. За окном прошёл Мосс; остановился, снимая с рукава паутину, которой зацепился в сарае. Рид запер ящик со снимками и вдруг заметил, что весь вечер сжимает в кармане ключ от гостиничной комнаты. Разжал пальцы. В ладони отпечатались зубцы, и их ещё долго хотелось потрогать большим пальцем.

Глава 13. Последний перебор

В пятницу Латимер пришёл без шляпы. Олдридж держал свою в руке и, заметив, что клиенту некуда девать перчатки, предложил положить их сверху. Органист отказался. Сел, оставив перчатки на коленях, хотя в комнате было тепло.

Рид убрал лишний стул. Уитмор дождался, пока Мосс закроет дверь, и предложил прежде всего подтвердить вчерашнее объяснение. Латимер подтвердил. Дата на последнем листе была его рукой, исправления тоже. Прежние ответы о воротах и обычном денежном займе он отозвал в той части, где они скрывали столкновение на дороге.

— Денег я ему потом действительно вернул, — добавил он.

Уитмор записал. Не собирался заставлять всю жизнь человека измениться одним росчерком. Заём мог быть возвращён, а ремонт оставался ремонтом машины, которой сбили Майкла.

Олдридж попросил копию дополнения. Рид придвинул ему лист, чтобы не откладывать это на конец. Поверенный просмотрел и указал на слово «долг»: следовало написать «плату за ремонт», потому что речь шла не обо всех деньгах между двумя людьми. Исправление внесли.

Только после этого инспектор спросил о девятом декабря.

— От момента, когда дети закончили петь. Куда вы пошли?

— Остался за органом. Мисс Коул повела их к воротам. Я поиграл.

— Сколько?

— Несколько минут. Я вам говорил.

— До её возвращения?

Латимер провёл пальцем по шву перчатки.

— Вероятно. Я не следил за ней.

— Потом?

— Спустился. Искал порядок службы. Подходил к шкафу. Не могу дать вам последовательность на каждую минуту.

Уитмор назвал места по одному. Ризница, шкаф под галереей, скамья с одеждой, пустой неф. Латимер согласился. На верхнюю галерею, когда Мириам уже упражнялась, не возвращался, только подошёл к её лестнице сказать, чтобы закрывала инструмент. Затем переобулся, взял пальто. Поправился: пальто уже надел, переобулся после. Перчатки оставались у него в руках.

— Вы сказали мисс Коул, что скоро соберутся люди?

— Да.

— Знали, что собрание в шесть?

— Все знали.

— Значит, не рассчитывали оставаться в церкви последним надолго.

— Я хотел уйти до них. Когда собирают деньги, всегда вспоминают, что нужно выдать органисту за дополнительные занятия. Мне не нравится стоять при этом возле стола, как нищему.

Он ответил с прежней, живой злостью. Рид почти обрадовался ей: в комнате слишком много было фраз, сказанных для будущего чтения. Уитмор записал и это.

Латимер собирался выйти, услышал крик Парсонса, вернулся. Когда пришёл врач, староста попросил лампу. Органист взял её возле ризницы, подал доктору, затем остался в проходе. Наклоняться к телу не стал. Саттона в тот вечер до обнаружения видел после звона; к башенной лестнице не поднимался.

Инспектор уточнил:

— Крупное стекло возле его головы вы передвигали?

— Нет.

— Собирали осколки?

— Нет. Вы всем велели ничего не трогать.

— А прежде моего прихода?

— Не трогал.

Олдридж попросил обозначить, какие вопросы относятся к обуви. Уитмор ответил, что сейчас подойдёт к ним, и предложил Латимеру посмотреть на подписанную им же опись. Туфли, уличные ботинки, сумка. Никакой чужой пары среди взятого не было. Органист узнал каждую.

— Туфли надевал кто-нибудь другой в пятницу?

— Откуда мне знать, пока меня нет?

— Расскажите о том времени, когда вы были.

— Я играл. Потом снял и положил в сумку. Между этим никому их не давал.

Рид спросил, оставалась ли сумка дома распакованной. Латимер повернулся к Олдриджу; тот предложил отвечать, если помнит.

— Я её поставил у шкафа. В субботу не играл. В воскресенье вы всё забрали. Дочь могла передвинуть. Она не носит мои туфли.

— Мы об этом её спросили отдельно, — сказал Уитмор. — Она переносила сумку, но пару не надевала и никуда не отдавала. Уилкс подтвердил, что передал её сухой после ремонта. Вы сами играли в ней после доставки.

Латимер откинулся на спинку. Спросил, будет ли дальше ещё раз то же самое про каблук. Уитмор ответил: нет, сейчас будет о стекле.

Келл вошёл с коробками. Приветствовал обоих, занял свободное место у второго стола. Рид разложил снимки извлечённого осколка и туфли до извлечения. Большой осколок лежал на отдельной подложке; маленький — рядом, в положении, которое показывало соответствие краёв.

Олдридж первым поднялся посмотреть. Латимер остался сидеть.

Келл объяснил, где нашёл тонкую часть стекла и что сохранил при извлечении. Затем показал соединяющиеся поверхности. Поверенный взял увеличительное стекло, посмотрел, попросил повернуть лампу. Задал вопрос, могут ли два случайных прямых края так сойтись. Келл показал изгибы и мелкие особенности излома, по которым сделал вывод. Вещи не подходили друг к другу как две ровно отрезанные полоски; они продолжали сложный обломанный край.

— Вы можете предоставить снимки для независимого осмотра? — спросил Олдридж.

— Снимки и сами предметы сохраняются.

— Находка уже была в туфле, когда её упаковали у моего доверителя?

— Во время первого осмотра в участке она видна до извлечения. Как попала раньше, я сказать не могу. После поступления обуви её движение отмечено.

Поверенный просмотрел записи. В них не было промежутка, когда туфля лежала россыпью вместе со стеклом с лестницы. Воскресная опись, отдельная упаковка, вторничный осмотр, снимок находки. Келл отвечал коротко, не стараясь выиграть спор.

Латимер наконец поднялся. Посмотрел, опершись ладонями о край второго стола. Один палец дрогнул; он убрал руку и оставил на столе другую.

— Значит, я мог наступить, когда принёс свет.

— В уличных ботинках? — спросил Рид.

Органист не ответил сразу.

— Я мог перепутать. Все были перепуганы.

Уитмор вернул его к воскресному рассказу: перед уходом переобулся, в ботинках пошёл на крик, принёс лампу. Сам подтвердил это сегодня. Симс видел шнурованные ботинки. Остальные не заметили смены обуви между криком и приходом полиции. После того как орга-

нист принёс лампу, подхода к стеклу никто не описывал; доктор оставил свет у себя, а помощников отослал к проходу.

— Симс тоже мог ошибиться, — сказал Латимер.

— Мог, — ответил Уитмор. — Поэтому есть ещё след.

Рид разложил два исходных снимка, не закрывая на них бликов и плохих участков. Отдельно — зарисовку, сделанную в пятницу. След уходил под крупное стекло. Он появился, пока камень был в масле, а большой осколок ещё не закрыл его часть. Каблук по доступным признакам соответствовал левой туфле. Недостающий край этого же большого осколка нашли в ней.

— Даже если забыть, в чём вы принесли лампу, — сказал сержант, — если вы наступили позже, это не объясняет след под стеклом. Парсонс увидел осколок первым, доктор видел его, Марта обошла. Вы сказали, что его не поднимали и не перекладывали. На снимке он лежит там, где его описали.

Латимер выпрямился.

— Я не сказал, что не было другого человека.

— Кто мог взять ваши туфли?

— Я не знаю. От меня требуют помнить за всех.

Уитмор дал ему время. Олдридж положил перед клиентом стакан воды. Органист взял его обеими руками, но пить не стал.

— До хора в туфлях были вы, — произнёс инспектор. — После хора, по вашему рассказу, тоже. В них, пока Мириам играла, вы ходили по нижней части церкви. Никто не видел вас всё это время в нефе или ризнице. Затем вы переобулись и хотели уйти. След со стеклом помещается в тот промежуток, когда пара была на вас. Чтобы сделать это поступком неизвестного человека, придётся предположить ещё одну смену обуви, о которой вы не рассказываете.

Олдридж заметил, что отсутствие свидетельства не равно невозможности. Уитмор согласился и попросил назвать любой факт, который позволил бы проверить такое предположение. Поверенный посмотрел на Латимера. Тот покачал головой.

Инспектор сложил снимки, оставив на виду один. Не было причины держать все предметы перед лицом человека, который уже их увидел.

— Саттон был жив, когда мисс Коул вернулась от ворот. Он стоял у башни с бумагой. Она поднялась играть одна. Вы знали, где она. В прежнем ответе о музыке вы назвали занятие и опустили своё отсутствие у инструмента. Когда спросили прямо, признали, что ходили. Башню при этом исключили. Теперь у нас ваш след и стекло.

— Я не знал, что он там ещё…

Латимер остановился. Олдридж предложил сделать перерыв. Уитмор согласился; Келл убрал открытые предметы, и полицейские вышли в соседнюю комнату. Никакого нового значения оборванной фразе инспектор не придал. Она могла означать что угодно, а подстерегать человека на каждом глаголе было легче, чем закончить дело.

Мосс наливал чай из плохо закрывающегося чайника. Услышав шаги, поднял голову. Рид покачал своей: пока ничего передавать не нужно.

— Будет говорить, что нашёл его уже мёртвым? — спросил сержант вполголоса.

— Может быть.

— Тогда мы вернёмся к поручню.

— Поручень остаётся. Но человек, случайно нашедший упавшего, должен объяснить, почему раньше стекла оказался в масле, зачем всё скрыл и зачем вернулся изображать первый приход. У него есть возможность ответить.

Уитмор взял чашку и не выпил. Он представил ту четверть часа слишком отчётливо: музыка сверху, старая лестница, человек, который завтра расскажет. Следовало помнить, что отчётливость не делает воображение показанием.

Олдридж открыл дверь через несколько минут. Клиент не хотел дополнять рассказ о пятнице. Поверенный просил зафиксировать, что отказ объясняться сейчас не является признанием. Рид записал именно это.

Уитмор вернулся к столу и подвёл то, что будет направлено дальше. Латимер признаёт нынешний страх разоблачения и четверговый спор с Саттоном. Записка матери и увиденное имя на листе подтверждают, что старик собирался говорить. В последнем промежутке жизни Саттона у органиста не было непрерывного наблюдения. Туфля связывает его с местом до первого обнаружения; ранний вход он неоднократно отрицал. Положение следа и стекла показывает действия у тела раньше прихода помощников. Повреждения предплечья совместимы с сильным захватом до падения и не объясняются тем, как Симс и Парсонс держали Саттона внизу. Опасный поручень не устраняет присутствия другого человека и последующего изменения места.

— Я считаю, что вы поднялись к нему из-за разговора с Мартой, — сказал Уитмор. — Удерживали его за руку, затем столкнули и внизу устроили видимость падения во время работы. Разбитый фонарь и масло должны были стать объяснением, которое все примут. После этого вы ушли к своей одежде и вернулись уже со светом.

— Вы не видели, — ответил Латимер.

— Не видел. Я предъявляю обстоятельства, по которым вас обвиняю. Их будут оценивать дальше, и ваше объяснение тоже.

Он сообщил Латимеру, что задерживает его по обвинению в убийстве Эймоса Саттона. Олдридж потребовал внести возражение против вывода об умышленном толчке. Его внесли. О старом наезде составят отдельные бумаги; виновность в нём не должна была подменить нынешнее обвинение.

Латимер посмотрел на дверь, как человек, у которого осталась ещё одна работа до выхода.

— Эллен придёт ко мне к десяти.

Рид взглянул на часы. Было начало одиннадцатого.

— Я её предупрежу, — сказал Олдридж. — Не здесь.

Органист кивнул. Перчатки упали с его колен, когда он поднялся. Он наклонился за ними, но Мосс оказался быстрее. Вернул обе, не надевая на него. Латимер стиснул их и вышел вместе с констеблем.

Рид остался собирать листы. На краю первого плана виднелись следы прежних исправлений. Он посмотрел на них, затем закрыл папку: вытирать старый карандаш ещё чище не требовалось.

В соседней комнате Латимер ждал, пока принесут его пальто. На стене висел дешёвый календарь. Пятница. Под числом напечатали, сколько дней осталось до Рождества. Он не стал считать.

Саттон тоже говорил о Рождестве. Они стояли наверху, и старик сказал, что не может снова петь рядом с Мартой, словно ничего не случилось. Чарльз велел ему не начинать. Внизу играла Мириам, сбивалась и повторяла один переход; ему хотелось крикнуть, чтобы шла дальше. Старик смотрел прямо и не уставал говорить. Не собирался никого щадить только потому, что пять лет назад уже пощадил.

Латимер отчётливо помнил, как взял его за предплечье. Саттон не падал. Обе его ступни стояли на камне. Он повернулся, пытаясь высвободить руку, и Чарльз толкнул. Движение получилось коротким, сердитым, почти таким, каким отодвигают человека от дверей. Назад его уже было не вернуть.

Потом он спустился. Думал о двери, об Эллен, о том, что Парсонс скоро придёт со своей книгой. Маслёнка стояла наверху среди хозяйственных вещей; фонарь был рядом. Чарльз принёс их вниз, разлил масло и разбил фонарь о край ступени. Бумагу, которую выхватил у Саттона, сунул за подкладку своей нотной папки в шкафу. Читать тогда не стал. Один раз поста-

вил ногу не туда и потом долго вытирал подошву о тряпку возле того же шкафа. Не заметил тонкий кусок стекла. Пока собирался уходить, Мириам играла всё тот же трудный переход, и ему казалось, будто она никогда не закончит.

Теперь из-за стены тоже доносился повторяющийся звук: Мосс никак не мог закрыть ящик. Латимер услышал его трижды и приготовился рассердиться. Привычка оказалась быстрее понимания, где он сидит.

Он посмотрел на свои руки. С этих рук по-прежнему можно было дать урок, отпереть дом, разрезать пирог, который Эллен унесла к чужой женщине. Чарльз знал, чего хотел бы сейчас: чтобы дочь вернулась, спросила, не замёрз ли он, и позволила бы ему сначала подумать о себе. Она слишком часто это делала.

Принесли пальто. Он встал, попал рукой мимо рукава, отказался от помощи и попробовал снова.

Эллен пришла в участок ближе к полудню, уже после разговора с Олдриджем. Принесла небольшой пакет. Мосс перечислил вещи, которые собиралась передать отцу, и записал их. Девушка смотрела, как он проверяет узел, словно именно это движение могло объяснить ей больше, чем слова поверенного.

Рид вышел из комнаты, остановился у скамьи. Предложил сесть. Эллен покачала головой.

— Мне нужно отменить его уроки. Дети сегодня придут, а я даже не знаю, кому сказали, кому нет. Список в доме есть, только папа туда вписывал карандашом и потом стирал. Я хотела его спросить.

Сержант предложил передать вопрос и получить перечень, если отец согласится. Девушка кивнула, потом сказала, что, пожалуй, справится сама: откроет тетради, начнёт звонить тем, у кого есть телефон, остальным напишет. В лавке рядом оставит записку. Не стоит из-за этого приводить его к столу ещё раз.

— Там у ворот всегда один мальчик раньше всех ждёт, — добавила она. — Я ему велела не мёрзнуть и звонить сразу. Он теперь тоже позвонит сразу. Мне кажется, я до вечера только буду дверь открывать.

— Можно попросить знакомую побыть с вами.

— Можно. А потом она расскажет, как я держалась. Все теперь говорят, как кто держится.

Рид сел на край скамьи. Эллен осталась стоять, но перестала сжимать пустые руки. Пакет уже унесли, и ей явно не хватало того, что можно поставить перед собой.

— Я не хочу, чтобы отец остался без нужного, — сказала она. — Но когда он спросит, поела ли я, я, наверное, рассержусь. Потому что он и раньше спрашивал, когда всё уже приготовлено, и можно больше ни о чём не заботиться. Это ужасно сейчас так думать?

Сержант посмотрел на закрытую дверь. Из комнаты за ней доносилось, как Уитмор диктует Моссу адрес для отправки.

— Вы сегодня успели обо всём подумать раньше нас. И об уроках тоже. Злость от этого не обязана пропасть.

Она кивнула, не поблагодарив. Некоторое время смотрела на скамью рядом с Ридом, потом всё-таки села. Попросила оставить ей минуту и не вызывать никого.

Сержант вернулся к работе. Когда снова вышел в коридор, скамья была пуста. Мосс сказал, что Эллен ушла к мисс Коул попросить помочь с адресами. На деревянном сиденье осталась мокрая полоса от края её пальто; констебль вытер её тряпкой и повесил тряпку сушиться у печки.

Глава 14. Одна свободная верёвка

После задержания органиста церковь на несколько часов снова закрыли. Эйнсли сам предупредил людей, нёсших цветы. Одни обиделись, другие сразу принялись спрашивать, что ещё нашли, и священнику оказалось легче объяснять обиженным.

Полицейские осмотрели шкаф под галереей и вещи Латимера, оставшиеся там. Среди нот лежала старая папка с разошедшейся подкладкой. За ней, в плоской щели, оказался сложенный лист. Он не выпал, когда папку раскрыли, и его могли бы снова пропустить, если бы не проверяли отдельно каждый внутренний карман.

Вверху стояло имя Марты. Дальше — несколько строк рукой Саттона. Он писал, что в ночь гибели Майкла находился у карьера позже, чем показал полиции, видел машину и говорил с её водителем. После слов «я не сказал тебе» строка обрывалась. Ни имени водителя, ни точного рассказа не было.

Рид отдал лист для съёмки и сопоставления с другими бумагами старика. Фёрт увидел бы на нём именно то начало, о котором рассказал. Было ли это всё тем же листом, который Мириам заметила в руке у прохода, по одному сгибу решить нельзя; но теперь собственное намерение Саттона перестало зависеть только от объяснения Латимера.

Олдриджу сообщили о находке и месте. Он попросил копии описи и снимков. Человек, который спрятал бумагу в своей папке, знал о ней больше, чем признавал при первом разговоре. Содержание не заменяло ни следа, ни стекла, ни проверки времени — оно дополняло их. Обвинение появилось раньше этой находки, и Уитмор велел сохранить последовательность в отчёте.

Сержант задержался у двери ризницы. Неделю назад здесь брали лампу, внизу кричал Парсонс, а музыка уже кончилась. Сейчас не было ни крика, ни музыки. На крючках висели обычные пальто, кто-то забыл шарф. Рид коснулся своего воротника, застегнул пуговицу и пошёл помогать переносить стол, чтобы к похоронам освободить проход.

Саттона хоронили после полудня. Башенные колокола молчали: наверх по-прежнему нельзя было допускать людей. Уитмор, подходя к воротам, невольно прислушался к пустому месту над крышами. Потом увидел Роуз и её мужа; тот приехал из Челтнема один, детей оставили с родственницей. Роуз держала его под руку так крепко, что на рукаве собралась ткань.

Перед службой Эйнсли попросил Мириам сесть за орган. Она согласилась только на самое простое и велела не ждать от неё всего, что играл Латимер. Настоятель ответил, что всё и не нужно. Разговор услышали двое прихожан и переглянулись, но ничего не сказали.

Эллен вошла одна. Сняла перчатки у дверей, не решаясь идти дальше. Уитмор стоял у стены и видел, как девушка начала отворачиваться. Мириам спустилась за оставленными нотами, заметила её и показала свободное место возле своей сумки.

— Если хотите, поднимайтесь ко мне. Там холоднее, зато никто не будет заставлять вас с кем-нибудь садиться.

Эллен ответила не сразу.

— Я не знаю, нужно ли мне здесь быть.

— Я тоже не знаю, кому теперь где нужно. Пойдёмте, пока не начали.

Они поднялись вместе. Через некоторое время прозвучал аккорд, слишком тихий для большой церкви. Мириам поправила звук, сделала паузу и начала. Ни уверенности прежнего органиста, ни его нетерпения в этом не было. Уитмор поймал себя на том, что слушает, как человек справляется, и отвёл взгляд к скамьям.

Марта сидела с края, возле прохода. Не смотрела на галерею. Когда Роуз прошла мимо, слегка посторонилась, освобождая ей место, хотя племянница направлялась к другой скамье.

Потом вернула сумку на колени. На ногах были её собственные башмаки с тёмной заплатой у носка.

Эйнсли говорил мало. Назвал работу Саттона, годы в приходе, покойную Мэй. Не произнёс, что старик был безупречным человеком и всю жизнь никому не сделал зла. Уитмор заметил, как при этой сдержанности Парсонс несколько раз поднимал голову, ожидая привычной похвалы, которая позволила бы всем выдохнуть. Не дождался.

На кладбище ветер сдвигал букеты. Муж Роуз поймал ленту, запутавшуюся за ограду, и принёс обратно. Дэниел Фёрт стоял чуть позади звонарей в новом пальто. Оно оказалось светлее, чем Рид предполагал по рассказу; рукава были длинноваты. Юноша всё время подбирал их у запястий, будто хотел сделать незаметным то, на что потратил чужой аванс.

Марта дождалась конца. Положила цветы, не задерживаясь, затем подошла к Уитмору. Спросила только:

— Нашли, что он начал мне писать?

Инспектор ответил. Сказал, какие слова есть, каких нет и где находился лист. Женщина слушала, глядя на его пальто: на груди к ткани прилипла маленькая мокрая веточка. Она сняла её почти машинально и держала, пока разговор не закончился.

— Я прочту. Не сегодня.

— Сделаем копию.

Она кивнула и пошла к выходу. Веточку по дороге положила на каменный край ограды. Роуз хотела окликнуть её, но передумала; догнала уже у калитки и спросила, не нужна ли помощь с бельём, которое осталось у дяди. Марта ответила, что нужно решить, кому оно теперь принадлежит, и обе остановились обсуждать наволочки. Разговор получился неловким, зато его можно было продолжать.

Звонари задержались возле северной дорожки. Хоббс спросил, когда разрешат подняться. Эйнсли ответил, что после осмотра и ремонта, не раньше. Венн заметил: кто-то же должен стать к большому колоколу. Агнес посмотрела на него так, что он потянулся к шляпе, хотя уже держал её в руках, и неловко сжал поля.

— Я не собирался сейчас выбирать, — сказал он. — Просто говорю, место пустое.

— Все видят, — ответила она.

Фёрт стоял рядом и не вмешивался. Когда остальные пошли к улице, он подошёл к старосте. Рид услышал, как сказал, что принёс первую часть денег. Не всю, остальное отдаст после расчёта в мастерской. Парсонс потребовал отдать сразу всё. Эйнсли предложил поговорить об этом в конторе и записать срок так, чтобы оба понимали одно и то же.

— Меня заменят? — спросил Парсонс.

Настоятель не стал делать вид, что не понял.

— Приходу нужно знать, как вы распорядились письмом. Я сообщу. Что будет с вашей обязанностью дальше, решим после этого.

— А он? — Староста показал подбородком на Фёрта.

— О своих деньгах он тоже расскажет. Сегодня мы не будем перекладывать всё с одного на другого.

Парсонс затянул шарф. С места не уходил, пока Фёрт не вынул конверт. Эйнсли нашёл карандаш и записал на обороте сумму и дату; расписку пообещал оформить в комнате, где была книга. На этот раз никто не предложил зачеркнуть прежнюю строку.

Позднее Рид встретил Дэниела у мастерской. Тот стоял в старой куртке, новое пальто аккуратно висело на вбитом в стену крючке. Работать до вечера ему всё-таки пришлось.

— Хозяин узнал? — спросил сержант.

— Про деньги да. Про остальное сам сказал. Он дал мне бумагу и велел прочитать при нём, что я подписал. Я сказал: не так быстро.

— И что он?

— Разозлился. Потом прочёл сам. Теперь оба знаем, сколько вычитает.

Дэниел усмехнулся одним уголком рта. В победу этот разговор не превращал. Рид не стал поздравлять его, только спросил, когда должен быть закончен детский стул.

— Завтра заберут. Если никто больше не придёт.

Сержант отступил от двери. Фёрт уже взялся за рубанок, но окликнул:

— Вы скажете мисс Харпер, что я зайду? Не из-за денег. У него нож остался. Мой. Не хочу, чтобы потом выбросили.

Рид обещал передать. Нож можно было вернуть по описи, если он не относился к делу; не всё, к чему прикасался мёртвый человек, требовалось навсегда оставлять в полицейской коробке.

В субботу Уитмор работал над отчётом. Писал без спешки, возвращаясь к датам. О показаниях Мириам первоначально составили слишком широкую фразу — её исправили с указанием причины, а не заменили чистым листом. Время Венна оставили рядом с действительной последовательностью. В раздел о прежнем происшествии внесли добровольное объяснение Латимера, но слова о предложении Саттона пометили как рассказ самого водителя. Одного мёртвого человека не следовало делать автором всей чужой лжи.

Старое дело вновь передали на рассмотрение с новыми сведениями. Хейл приехал подписать уточнение к собственным опросам. На этот раз без корзины. Подробно отметил, чего не помнит и что подтверждает только по сохранившимся записям. Потом спросил, не считает ли Уитмор, что он нарочно дал всему затихнуть.

— Не считаю.

— В городе уже говорят.

— В городе много говорят.

Хейл разложил на столе руки. Он хотел услышать больше; инспектор не мог дать ему оправдания за каждый старый вопрос, но и обвинять ради удобного конца не собирался.

— Ваше уточнение сохранено, — сказал Уитмор. — Теперь будет видно, что именно проверяли тогда.

Бывший сержант постоял у двери. Спросил, ответила ли Марта. Инспектор покачал головой.

— И не должна, — произнёс Хейл. — Я просто спросил.

Он ушёл медленнее, чем в понедельник. Рид, проводив его до крыльца, вернулся с пачкой почты. Прайс прислал оригинал письма Элеоноры с письменным согласием Эстер и подробным перечнем того, что передал. Отдельно лежал ответ книжной лавки: дополнительная переписка нашлась не в заказах на указатели, а среди незакрытых денежных расчётов. Владелец просил приехать посмотреть, потому что лист был вложен между счетами, и по одной копии он не хотел ручаться за всё.

Уитмор прочёл ответ, передал Риду.

— В понедельник, — сказал он.

— До отъезда?

— Сначала туда. Потом решим, куда ехать.

Сержант положил письмо отдельно. Давно уже хотелось закрыть хотя бы одну папку так, чтобы следующая не открылась сама собой, но теперь он не испытал раздражения. Там была женщина, которая когда-то заплатила за комнату и, возможно, ждала обычную посылку. Он всё ещё хотел узнать о ней больше, чем дату исчезновения.

В гостинице вечером хозяин просил решить, оставляют ли они комнаты ещё на неделю. Уитмор оплатил несколько следующих дней, попросил дождаться понедельника. Хозяин вздохнул и пошёл переписывать записи. За столом напротив сержант начал письмо Нелл, зачеркнул первую строку, затем перевернул лист.

— Плохо пишется? — спросил инспектор.

— Я обещал вернуться в субботу. Теперь думаю, писать «дела задержали» или всё-таки признаться, что не знал, когда освобожусь, ещё когда обещал.

Уитмор придвинул ему чернильницу.

— Она заметит разницу?

— Она на прошлой неделе сама подсунула мне в чемодан чистые носки. Так что, вероятно, обо мне кое-что знает.

Он дописал без официальной фразы. Уитмор сидел рядом с письмом Эстер, не разворачивая пока тонкий старый лист. Впервые за день им обоим было чем заняться без чужого ответа в конце.

В воскресенье Мириам пригласила Рида в приходскую комнату: ей нужно было забрать у Мосса фотографии для рождественской книжки. Сержант принёс те, которые уже можно было вернуть, и застал спор об обложке. Венн по-прежнему хотел крупные буквы. Теперь объяснял, что мелкий шрифт старые люди не прочтут.

— Тогда всем крупные, — сказала Элис. — У соседей покупатели тоже стареют.

Печатник развёл руками: весь список не помещался. Предложил ещё страницу, за отдельную плату. Венн посмотрел на смету и сразу согласился уменьшить название своей лавки. Эйнсли попросил подписать исправление на пробном листе, чтобы завтра не начинать сначала.

Перед Мириам лежали незаконченные записи Саттона. Она выбрала сведения о водостоке и прежних звонарях, остальное отложила: там не хватало дат. На отдельном клочке были только фамилия и вопросительный знак.

— Нельзя дописывать за него по догадке, — сказала учительница. — Лучше пусть будет меньше.

Рид узнал фотографию, которую они переставляли вместе со стариком. Теперь к ней аккуратно приложили подпись, не приклеивая. Мириам попросила его придержать край, пока перепишет последнее имя. Он придержал. Парсонс, проходя мимо, хотел поправить положение снимка, но отвёл руку.

— Про Эймоса страницу оставите? — спросил печатник.

Эйнсли ответил, что отдельной похвальной страницы пока не будет. Оставят имя составителя и годы его работы. Остальное требует слов, которых никто из них ещё не нашёл.

Венн вздохнул и предложил оплатить недостающий лист, если всё же понадобится. Тут же уточнил, что это за счёт прихода, а не вместо прежнего взноса. Элис пододвинула ему смету, чтобы он объяснил разницу на бумаге.

Рид отдал фотографии под запись. Мириам спросила, куда положить картонную папку Саттона; пока поставили на полку возле окна, там, где она никому не мешала. Из комнаты сержант вышел с клеем на пальце. Он счистил засохшую плёнку у ворот, поймал себя на том, что ищет глазами сутулого человека с мотком, и только потом пошёл к гостинице.

Глава 15. Восемнадцатое ноября

В книжной лавке не было места для двух мокрых пальто. Продавец велел оставить одно на спинке стула, второе попытался повесить за шкаф, уронил лежавшую сверху газету и рассердился на газету.

— Я просил её убрать ещё в четверг. Извините. У нас тут всё находится ровно до того момента, когда понадобится.

Он назвался Пелэмом и показал письмо, которым сам пригласил инспектора приехать. Уитмор подтвердил, что получил. Рид остался у двери, пока хозяин освобождал стол: убирал книги, перекладывал пачки каталогов, прятал под прилавок недоеденную грушу.

Был понедельник, девятнадцатое декабря. Из Сент-Брайда выехали после завтрака, обещая Моссу позвонить к вечеру. Констебль сунул сержанту в машину забытый шарф и только потом заметил, что это шарф Келла, уехавшего в субботу. Пришлось оставить его в участке и добавить ещё одну маленькую посылку к списку дел, которые оставались после большого расследования.

Пелэм принёс старую книгу расчётов и тонкую папку. В папке лежали письма по заказам, у которых оставались невыданные деньги. Пыльный верхний край он смахнул рукой и сразу пожалел: на манжете проступила серая полоса.

— Сначала искали в заказах на издания, — объяснил он. — Там было только то, что уже показывали вашей полиции в двадцать четвёртом. Четырнадцатое ноября, указатель, адрес до востребования. Я и теперь это вам написал. А по второму запросу посмотрели расчёты с остатками. Сумма маленькая. Из-за неё всё и осталось.

Первую записку Элеоноры они уже знали по старому делу. Новое письмо было датировано девятнадцатым ноября. На конверте сохранился оттиск Сент-Брайда следующего дня. Адрес лавки написан той же рукой, что несколько строк внутри; в углу стояла фамилия Вейл.

Элеонора сообщала, что находится у миссис Мэй Саттон, в комнате с окнами в сад, и просила до двадцать первого присылать туда. После этой даты, если издание всё ещё задержится, заказывать пересылку не следовало. Она оставляла следующий адрес для извещения: Розовый коттедж, Хейзелби. Остаток денег просила сохранить до нового распоряжения.

Уитмор прочитал письмо стоя. Потом сел на свободный край стула, потому что не хотел читать второй раз в той же неловкой позе. Рид придвинул к нему книгу расчётов.

Получение письма было отмечено в книге двадцать первым числом. Рядом стояли новое распоряжение клиентки, задержка поставки и небольшой невыданный остаток. Продавец другого города не записывал, что женщина пропала, что о ней спрашивают в поместье и что кто-то уже предполагает добровольный отъезд. Пелэм следил за изданием и деньгами. Поэтому его строки не повторяли полицейскую версию.

— Сам указатель она получила? — спросил инспектор.

— Нет отметки о выдаче. Он пришёл позже. Я посылал извещение по последнему адресу, ответа не получил. Расчёт остался открытым. Потом из-за этих денег не стал даже напоминать: почтовые расходы дороже выйдут.

— Почему дополнительное письмо не оказалось с первоначальной запиской в старом деле?

Пелэм погладил корешок книги.

— Я тогда отдал то, что запросили по заказу. Думал, у них всё про неё есть, а от меня нужна покупка. Не сообразил, что ответный адрес тоже мог понадобиться. Там и в запросе по-другому было… Слов не помню. Бумагу, если сохранилась, найду.

Уитмор попросил поискать, не угадывая формулировки. Пелэм согласился. Невнимательность восемь лет назад не делала каждую сегодняшнюю фразу ложью, но и исправить её одним сожалением не получалось.

Рид снял сведения с конверта и описал положение письма в папке. Пелэм разрешил передать оригинал для проверки, с распиской и сохранением целой переписки по этому счёту. Книгу расчётов пока оставили в лавке; нужные страницы следовало снять на месте. Инспектор записал, кто ещё работал здесь в двадцать четвёртом, и попросил не обсуждать со старыми служащими заранее, что они должны помнить.

— Они её вряд ли видели, — сказал хозяин. — Заказ прислали письмом. У меня нет женщины, которую можно вам опознать. Только её слова и мой счёт.

— С этого достаточно начать.

Пелэм предложил вернуть невыданный остаток сейчас, полицейским. Уитмор отказался: деньги принадлежали заказчице, распоряжаться ими они не могли. Продавец смутился, словно попытался откупиться, хотя хотел, вероятно, закрыть наконец восьмилетнюю строку.

На выходе Рид задержался возле дешёвых книг, сложенных в коробку. Нашёл сборник садовых советов, перелистнул и вернул. Нелл выращивала на подоконнике зелень, но книга начиналась с устройства большой теплицы; сержант представил её лицо и решил не приносить подарок, который прежде всего объясняет человеку, чего у него нет.

В машине долго не начинали разговор. Пакет с оригиналом лежал у Уитмора на коленях; отдельная папка Эстер была рядом. Рид проверил масло и отошёл к колонке намочить тряпку для ветрового стекла. На ветру рукав на секунду задрался, и инспектор заметил на запястье сержанта красную полоску от тугой манжеты.

Восемнадцатое ноября в книге Мэй. Девятнадцатое в письме лавке, двадцатое на конверте. Не общее имя на случайном счёте, как в записях фонда, а последовательность действий: приехала, заплатила, сообщила, куда писать. Кто-то должен был всё это сделать после шестнадцатого.

Рид вернулся, сел за руль.

— Сейчас в Блэквуд?

— Сначала вернёмся в Сент-Брайд. Тетради там. Всё должно пройти сравнение вместе.

— Вы думаете, письмо мог написать другой человек?

Уитмор посмотрел на край пакета.

— Я думаю, мы уже однажды слишком быстро закончили рассказ о ней. Сейчас хочу увидеть оригиналы рядом, а не разложенные по разным городам копии.

Сержант завёл машину. В машине было холодно; оба остались в перчатках. На дороге колёса несколько раз проходили по замёрзшей колее, и бумага тихо стучала о колено инспектора.

В следующие два дня сделали то, чего ему хотелось добиться без красивых обещаний. Сняли переписку лавки целиком, проверили записи, рядом с которыми находился счёт. Отдельно осмотрели книгу Мэй: порядок страниц, вклейку, соседние платы, отсутствие очевидного позднего вкладывания одного листа. Роуз подтвердила, как тетради хранились, а миссис Пембертон рассказала, что Мэй и при жизни не позволяла заменять старые корешки чистыми, даже если ошибалась в сумме. Ошибки зачёркивала одной чертой и подписывала. Эта запись не выглядела исправленной таким способом.

Подпись на квитанции сопоставили с оригиналом письма Элеоноры к Эстер и новым письмом в лавку. Для письменной оценки передали снимки и доступные оригиналы человеку, который занимался такими сравнениями, а не попросили Келла заодно рассудить почерк. От него не требовали обещать невозможное по трём коротким записям. Оснований считать подпись на квитанции подделанной сравнение не дало; устойчивые особенности письма согласовывались. Уитмор внёс результат вместе с ограничениями в отдельное заключение по Вейл.

Наиболее важным оставалось совпадение независимых подробностей. Письмо лавке не лежало у Саттонов. Книга Мэй не хранилась у продавца. Комната у сада, даты, оплата и личная отметка хозяйки подкрепляли друг друга. Эстер, увидев оригиналы позднее, узнала руку подруги, но её узнавание не пришлось делать единственной опорой.

В четверг Уитмор уехал в Блэквуд на несколько часов. Рид остался в Сент-Брайде заканчивать передачу материалов местного дела. До Рождества нужно было решить множество вещей, ни одна из которых не требовала нового подозреваемого: переслать шарф, вернуть нож Фёрту, проверить, получила ли Марта копию, передать Роуз личные вещи дяди, не относящиеся к обвинению.

Эстер ждала инспектора после обеда. На столе у неё лежал старый конверт, куда собиралась убрать возвращаемое письмо. Уитмор привёз документы в папке и сначала рассказал о Саттоне. Она выслушала молча; о его смерти уже знала из короткой весточки Прайса, о Латимере — нет.

— Он успел найти книгу? — спросила она.

— Сам не успел. Но сказал, где искать, и она сохранилась.

Эстер кивнула. Уитмор разложил снимок страницы, затем оригинал письма в лавку. Письмо Элеоноры, которое Эстер дала для сравнения, вернул ей в руки. Она разгладила старый сгиб, взглянула на первые строки и быстро спрятала в конверт. Не всё, написанное для неё одной, хотелось перечитывать при инспекторе.

— Это её рука, — сказала она о новом листе. — Здесь даже видно, как спешила. Последнее слово теснит. Она всегда сначала писала слишком широко.

— Я отмечу ваше узнавание. Сравнение уже провели отдельно.

— Значит, после шестнадцатого она была там?

— Восемнадцатого ноября она жила у Саттонов. Теперь у нас достаточно согласующихся сведений, чтобы так записать. Письмо в лавку отправлено позже. Я не могу по нему сказать, где она сейчас.

Эстер наклонилась к столу. Уитмор видел, как трудно ей удержаться от следующего вопроса; она всё же задала его:

— Но тогда она была жива.

— Тогда — да.

Она отодвинула стул и прошла к окну. За ним кто-то доставлял уголь. Мешок зацепил калитку, мужчина выругался, оглянулся на дом и стал говорить тише. Эстер стояла, пока он не прошёл.

— Я сейчас должна радоваться, — произнесла она, не поворачиваясь. — Я рада. Просто не понимаю, куда деть остальное. Получается, она снимала комнату, писала про книгу, а я… Я думала, её убили.

Уитмор не знал ответа, который не просил бы от неё великодушия раньше времени. Сказал, что пока неизвестно, что заставило Элеонору молчать.

— А если ничто не заставило?

— Тогда придётся понять и это.

Эстер обернулась. Прежде он, вероятно, посоветовал бы не судить, не зная. Теперь услышал в таком совете удобство для отсутствующего человека и неудобство для всех, кто ждал. Она имела право злиться и всё равно ждать.

Инспектор показал следующий адрес. Розовый коттедж в Хейзелби. Он уже направил туда запрос по прежним жильцам и владельцам, указав, что речь идёт о двадцать четвёртом годе. Приезжать с ожиданием найти женщину у того же окна спустя восемь лет было бы нелепо; ничего подобного Уитмор не обещал.

Эстер прочла название дома.

— Я его не знаю. Она не писала мне оттуда.

— Если вспомните любое упоминание Хейзелби, сообщите. Не нужно заставлять себя вспоминать прямо сейчас.

Она провела ногтем по краю снимка.

— Вы мне раньше тоже говорили, что пока ничего не известно. Теперь хоть известно что-то обыкновенное. Комната. Деньги. Письмо. Я уже почти забыла, что у неё могла быть обыкновенная жизнь после нас.

Он оставил ей копию страницы, не снимая с неё дат и пояснений. Оригиналы сохранялись для дела. Перед уходом Эстер спросила, исправит ли он старые бумаги. Уитмор ответил, что дополнение уже направлено. В нём уточнялось не только место пребывания: прежнее предположение о добровольном отъезде нельзя было считать установленным объяснением исчезновения. То, что она приехала в Сент-Брайд, не отвечало на вопрос, почему не вернулась.

Вечером инспектор снова был у Святой Бригитты. Рид встретил его у входа: хотел показать, что лестницу наконец начали ремонтировать. Старые крепления описали и сохранили, доступ рабочим дали после завершения необходимых осмотров. Башня оставалась закрытой для звона до проверки сделанного. Внизу пахло деревом и известью. На двери висело одно новое объявление с одним расписанием.

Элис помогала Венну разбирать бумажные украшения. Увидев Рида, указала на картонную звезду:

— Держите, пока я привяжу. Он всё время отпускает.

Венн возразил, что она велит держать не там. Сержант взял звезду, поднял на нужную высоту. Работа заняла несколько минут. Когда закончили, оказалось, что один луч короче, и Стэнли немедленно захотел начать заново. Элис сказала, что в темноте никто не увидит.

Мириам сидела за органом. На этот раз прозвучала та самая короткая пьеса, которую она называла в гостинице. Рид не узнал бы её сам; учительница показала ноты, когда спустилась за шарфом. Сказала, что пока согласилась помочь на праздники, о постоянной работе разговора ещё не было. Эллен придёт завтра переписать детские партии. Ей заплатят за сделанное, как заплатили бы любому другому человеку.

В проходе показалась Марта с ведром. Остановилась, увидев полицейских, спросила, уезжают ли. Уитмор ответил: утром. Она кивнула, подумала и сказала, что копию начатого письма прочла. Больше ничего добавлять не стала. Рид отступил, пропуская её к двери; ведро задело его ботинок, вода плеснулась на край подошвы.

— Не успеете до машины дойти, всё равно замочите, — заметила Марта.

— Постараюсь ровно этим и утешиться.

Она посмотрела на него, чуть качнула головой и пошла дальше. Это не было примирением со всем, что произошло. Сержанту хватило того, что она говорила с ним о мокрой обуви.

Уитмор задержался у подножия лестницы. Масла и стекла уже не было; место сняли, описали, необходимое сохранили. На камне осталась тёмная неровность, но инспектор не стал решать по ней, что именно видит. Позади снова зазвучал орган, затем остановился: Мириам попросила кого-то не двигать скамью, пока она играет.

— Восемнадцатое, — сказал Рид, подойдя сзади.

Уитмор повернулся.

— Восемнадцатое, — подтвердил он.

Сержант не стал прибавлять ничего про следующие годы. В папке больше не лежало одного общего слова «исчезла», из которого каждый мог вырастить удобную историю. Там была женщина, заплатившая за комнату у сада через два дня после того, как её перестали видеть в Блэквуде.

На улице Рид придержал дверь. Уитмор вышел, подождал, пока сержант застегнёт пальто, и взял у него одну из папок. До гостиницы было недалеко. В свете фонаря пошёл редкий мокрый снег; на рукаве он таял быстрее, чем удавалось разглядеть отдельную снежинку.

Тень над Розовым коттеджем

Глава 1. Дом, который не освобождали

К приезду Уитмора с ворот Розового коттеджа сняли табличку «Комната сдаётся». Она лежала в передней краской вниз, и Рид, посторонившись с чемоданчиком, едва не поставил на неё ногу.

— Не туда, — сказала женщина. — Я только что вымыла.

Он поднял чемоданчик. На полу действительно блестела узкая мокрая полоса, остальной коврик оставался сухим. Хозяйка посмотрела на его ботинки, потом на инспектора.

— Миссис Брамвелл. Мне сказали, вы собирались завтра.

— Инспектор Уитмор. Мы говорили по телефону в январе. Теперь другой повод.

— Я понимаю. Я не думала, что вы приехали смотреть шкафы в такой день.

Она отступила, пропуская их, и закрыла дверь. Порыв ветра успел поднять край лежавшей таблички. Рид перевернул её, прочёл и положил к стене надписью наружу.

— Комната была свободная? — спросил он.

— Верхняя. Не его.

Хозяйка ответила сразу. Ростом она была невелика, стояла очень прямо и обеими руками придерживала перед собой сложенный платок. На сером платье не оказалось ни пятна, ни нитки; только у запястья один крючок застегнули мимо петли. Уитмор смотрел на лицо, стараясь не переводить взгляд к этой маленькой неполадке.

За открытой дверью слева кто-то закашлялся. Женщина повернулась туда, словно собиралась сделать замечание, но передумала.

— Дойл здесь. Он всю ночь просидел.

Констебль вышел из столовой. Фуражку держал под мышкой, воротник рубашки был расстёгнут. Он поздоровался и показал на комнату справа.

— Мистер Мортон там. Слейд сейчас придёт, обещал к половине двенадцатого. Вы сначала со мной или с домашними?

— С вами.

Миссис Брамвелл поджала губы. Предложила чай. Уитмор поблагодарил и сказал, что позже. Хозяйка медленно кивнула, словно он отклонил не чай, а нужную часть порядка. Попросила не оставлять переднюю дверь открытой: в комнате наверху ещё топили.

В столовой было холоднее. На круглом столе стояли три чашки и тарелка с крошками; четвёртую чашку поставили отдельно возле бумаги констебля. Под стулом лежал женский шарф. Рид поднял его, хотел спросить, чей, и положил на спинку. Дойл с облегчением сел.

— Умер вчера вечером. Немного после семи. Доктор был. Меня вызвали ещё до этого, потому что он не был уверен, что это обычный желудочный приступ. Слейд хотел, чтобы сохранили лекарства и всё, что осталось после еды.

— Откуда у вас сомнение насчёт лекарств? — спросил Уитмор.

— От доктора. Я сам ничего не определял. Видел человека, которому очень плохо. Потом человека, которому уже не помочь. Между этим успел только узнать, кто здесь был.

Он потёр лицо обеими ладонями и извинился: не привык так разговаривать при старших. Уитмор попросил продолжать. Бумаги констебля выглядели лучше него самого — листы подписаны, время у каждого предмета отмечено, фамилии людей выписаны отдельно.

Пятница, третье февраля. Уитмор направлялся в Хейзелби ещё по декабрьскому запросу, но не этим утром. Местное письмо застало его уже после того, как он выписал себе субботу для поездки. Розовый коттедж больше не был только адресом на листе Элеоноры.

Первый ответ пришёл из Хейзелби вскоре после Рождества. В двадцать четвёртом Брамвеллы здесь не жили: Эдвин служил в другом городе, домом заведовала родственница, Лидия Грэм. Она принимала временных жильцов. Умерла три года назад, бумаги забрала её племянница в Бристоль. В январе Дойл нашёл эту племянницу, послал новый запрос, сходил в коттедж и описал то, что ещё оставалось от прежней обстановки. Часть тетрадей не нашлась, часть хозяйка не хотела отдавать без подробного объяснения. Наконец договорились осмотреть вместе старый шкаф для белья — миссис Грэм иногда держала там переписку.

Теперь Дойл подвинул эту январскую папку к самому краю стола.

— Ваше дело я не бросал, инспектор. Просто вчера уже не до него.

— Вижу. Сейчас расскажите об Эдгаре Мортоне.

Жилец появился осенью, снимал переднюю комнату. Ему было пятьдесят восемь. Прежде работал с фотографиями, подкрашивал снимки, ездил с открытками по приморским лавкам. Последние годы, по его словам, зарабатывал понемногу. Задолженность за комнату началась почти сразу; хозяйка требовала освободить её, жилец отказывался. Показывал частное письмо покойного Эдвина Брамвелла и говорил, что может оставаться столько, сколько захочет.

— Вы это письмо видели?

— Видел снаружи. В руке у него было. Читать он мне не дал. Я приходил в январе по вашему запросу. Он решил, что по поводу выселения, сразу взялся за бумагу. Миссис Брамвелл велела ему не мешать.

— Вчера ссорились?

— Я ещё не собрал всё как следует. Сосед слышал голоса днём, но из своего сада не различил, кто говорил. В доме были хозяйка, племянница, приходящая женщина. Заходил мистер Ральф Брамвелл. Позже жених мисс Кин, мистер Уэллс. Вечером, когда я пришёл, все уже возле больного крутились.

Он перечислил их снова, теперь с тем, что успел записать о времени. Рид слушал, не стараясь немедленно разместить людей по минутам. У констебля ещё не было времени проверить половину ответов.

Дверь столовой открылась без стука. Вошла молодая женщина в тёмной юбке и синем шерстяном жакете. Волосы собраны на затылке; одну прядь она, вероятно, подрезала сама — слишком коротко и не с той стороны. Женщина увидела поднятый со стула шарф.

— Спасибо. Я весь дом обошла.

— Мисс Флора Кин? — спросил Дойл.

— Да. Вы же знаете.

Она сразу пожалела о резкости, но извиняться не стала. Взяла шарф, подержала и опять положила на стул.

— Я не собираюсь уходить. Только хотела найти. Тётя сказала, что вы здесь.

Инспектор представился. Флора посмотрела на его папку.

— Вы про женщину, которая здесь когда-то останавливалась? Или уже про Мортона?

— Сейчас про него.

— Он вам бы понравился. Чужим он всегда нравился.

Дойл поднял глаза. Флора продолжила, торопясь, пока её не остановили:

— Это не значит, будто я рада. Просто когда начнёте спрашивать, все скажут: такой любезный человек. Он умел. Даже когда денег занимал, можно было подумать, что одолжение делает он.

Уитмор спросил, как давно она его знала. С осени. До приезда в коттедж лично не встречались. Мортон говорил, что знал её дядю, иногда вспоминал покойную мать, но о ней говорили многие старые знакомые. Флора уже не помнила, кто действительно бывал в доме, а кто просто слышал имя Ганны.

— Тётя его тоже раньше знала?

— Не знаю. Она сказала, дядя с ним когда-то работал. Вы её спросите. Я так уже ошибалась: тётя говорит «мы», а потом выясняется, что это дядя и какой-то человек двадцать лет назад.

Она попыталась улыбнуться, но усталость оказалась заметнее. Уитмор спросил, была ли она дома вчера днём.

— В конторе работала. За лекарством ходила. Потом принесла и ушла обратно. Я напишу, когда. У нас книга прихода, и другие люди меня видели. Только не надо уже сейчас думать, будто я этим оправдываюсь. Констебль попросил вспомнить, я вспоминала всю ночь.

Рид предложил бумагу. Флора села, положила шарф на колени и спросила, нужен ли полный список её выходов или только вчера. Уитмор ответил: вчера, начиная с утра. Пусть пишет то, что сама помнит; документы проверят отдельно.

Хозяйка появилась с чайником, хотя им пока не требовался чай. Увидев племянницу за столом, остановилась.

— Флоре нужно отдохнуть. Она с ним до последнего сидела.

— Я полчаса назад лежала, тётя.

— Не спала.

— Если сяду сюда, тоже не засну. Хоть напишу.

Ада поставила чайник на подставку. На плечо племянницы положила ладонь. Флора продолжала смотреть в лист, затем аккуратно подвинулась вместе со стулом, и ладонь пришлось убрать.

— Она после вчерашнего не уехала, — сказала хозяйка инспектору. — Отменила всё.

— Я не уезжала, — поправила Флора. — Я собиралась вечером к Эндрю, а утром на работу. В город мы едем в воскресенье. Собирались ехать.

Уитмор спросил, кому принадлежит коттедж. Аде, после смерти мужа. Ральф Брамвелл помогает с денежными делами, но здесь не живёт. У Флоры наверху своя комната; Мортон занимал нижнюю справа. Питался иногда вместе с ними, иногда просил подать отдельно. Это его право, сказала хозяйка, хотя от словосочетания «его право» голос у неё стал суше.

— О письме вашего мужа поговорим позднее, — произнёс инспектор. — Сейчас я хотел бы посмотреть комнату.

Ада кивнула. Сразу взялась за дверь, но Дойл остановил её: лучше он сам. Женщина убрала руку. Прижала её к другой так сильно, что костяшки побелели.

В комнате Мортона пахло слабо протопленным камином, влажной шерстью и чем-то кислым, от чего Рид вспомнил больничный коридор. Окно приоткрыли сверху. Кровать была в глубине, за низкой ширмой. На столике возле неё лежали полотенце, пустой стакан и грелка; в ведре у умывальника ещё стояла вода. Кресло перед камином отодвинули, освобождая дорогу.

Эдгар Мортон лежал на спине под простынёй. Голова чуть повернулась к окну; волосы на виске прилипли. Уитмор посмотрел на лицо и подумал, что живым этот человек, вероятно, умел казаться моложе. Сейчас у губ собрались складки, которые никакой свет не убрал бы с фотографии.

Дойл показал, что успел закрыть и чего не трогал. Вещи на письменном столе оставались как были: коробка с красками, кисти, лупа, фотографии под стеклом. Отдельно лежал открытый конверт. Не выглядел ни вырванным из рук, ни старательно оставленным для полиции.

— Письмо, на которое он ссылался, где?

— Не нашёл. Я бумаги ночью не разбирал. Дверь держал закрытой, хозяйку пустил только взять ещё простыню, при мне.

Уитмор попросил составить полный перечень тех, кто входил после прихода констебля. Здесь ещё не знали, умер ли человек от болезни, от ошибки или от чьего-то действия, а комнаты начинали убирать по привычке раньше любого ответа. Коврик в передней уже вымыли.

На стуле у камина висел сюртук. Из внутреннего кармана выглядывал угол красной обложки. Рид записал положение, но не вытащил без инспектора. Уитмор сперва осмотрел открытое, потом вернулся к стулу. В кармане оказалась небольшая книжка с расходами и несколько листов, сложенных вдвое. Один начинался обращением к Эдвину.

Инспектор показал Дойлу. Констебль покачал головой:

— Не это. То было на толстой бумаге. И подпись Брамвелла внизу. Это, наверное, его собственное.

Листы описали. Уитмор не стал сейчас читать всё подряд над мёртвым человеком. Слейд уже пришёл — в передней послышался голос и тяжёлый стук сумки о стену.

— Опять туда поставили, — сказала хозяйка.

— Я помню, миссис Брамвелл. Сейчас уберу.

Врач вошёл, пожал руки полицейским и сразу спросил, удалось ли отправить сохранённое в город. Дойл ответил, что машина ждёт: хотел дождаться инспектора и закончить перечень вместе.

— У меня два флакона, — сказал констебль. — Не смешивал. Один вы мне дали, второй принесла миссис Данн. Оба описал отдельно.

Слейд кивнул.

— Тогда начнём с того, что мы действительно знаем.

Он открыл сумку, поискал очки и обнаружил их у себя на переносице. Не улыбнулся. Поправил и попросил закрыть за собой дверь.

Глава 2. Два коричневых флакона

Слейд положил на стол записную книжку, но пальто снимать не стал. Сказал, что оставил в приёмной человека с больным ухом: тот приехал издалека и теперь непременно дождётся, сколько бы времени ни понадобилось остальным.

— Поэтому я не буду долго рассказывать вам про свою занятость. Вчера в этом доме умер человек с острым тяжёлым расстройством. Я не удовлетворён объяснением, что он просто съел что-то испорченное.

— Почему? — спросил Уитмор.

Врач рассказал о болях, рвоте, быстро нараставшей слабости. Отвечая на вопросы, Мортон оставался в сознании, сердился и просил убрать из комнаты всех, кто мешает. О том, как помогали, Слейд говорил коротко. Когда дошёл до последних минут, замолчал и перевернул страницу, хотя на ней ещё оставалось место.

— Эти признаки бывают не от одного вещества и не от одного заболевания. Я не могу назвать яд, посмотрев на покойного. Но обстоятельства требуют исследования. Я это сказал констеблю вчера.

— Во сколько вас вызвали?

— За мной пришёл мистер Уэллс. Я приехал около двадцати минут шестого, время после отметил. Когда началось недомогание, пока спрашивайте у домашних. Больной отвечал отрывками. Говорил, что после обеда, потом — что уже за обедом было нехорошо.

Слейд раньше видел Мортона в январе. Тот жаловался на пищеварение, плохо спал, хотел, чтобы врач дал что-нибудь быстро действующее, но менять привычки не собирался. Особенно злился, когда Слейд спрашивал, что и когда он ест. Врач выписал микстуру. Мортон обещал соблюдать указания, а через минуту спросил, не поможет ли она заодно от боли в спине.

— Я отдельно сказал, что это не средство от всего, — добавил доктор. — Не знаю, услышал ли.

Рид спросил, мог ли он принять слишком много. Врач ответил, что эту возможность проверят, как и состав самого лекарства. Подменять проверку привычной фразой о неосторожном пациенте он не хотел.

— Он сообщил вам, сколько выпил?

— Сначала сказал, что как велено. Потом отмахнулся. Миссис Брамвелл уверяла, что принимал обычное лекарство. Племянница принесла новое из аптеки днём. Где стояли бутылки раньше, я не видел.

Дойл вынул из закрытого ящика два отдельных пакета. Уитмор сперва посмотрел записи констебля: кто передал, когда, в чьём присутствии упаковано. На первом значилось, что флакон получен от доктора вечером; на втором — от Бесс Данн позднее, уже после прибытия Дойла. Сосуды не мыли, остатки не переливали.

Коричневые бутылочки оказались похожими, с плоскими боками и коротким горлышком. На обеих аптечная этикетка с синей рамкой. На одной бумага лежала ровно, у другой отставал нижний угол и потемнел край. Надпись «Мистеру Э. Мортону» повторялась. Даты различались: двадцать шестое января и второе февраля.

Слейд указал на свежую этикетку.

— Эту дала мне миссис Брамвелл. Я спросил, что он пил, она принесла из ящика возле кровати. Я сохранил. Взял также стакан и ложку, которыми, по её словам, пользовался больной. Констеблю передал всё отдельно.

— А эту вы прежде не видели?

— Старую? Нет. Когда принесли, я уже занимался телом. Решил, что тоже нужно сохранить. Может быть, действительно допивал прежнюю. Миссис Данн говорила о старых бутылках, но я слушал не всё. Пусть сама повторит.

В свежем флаконе оставалась жидкость. Старый казался пустым, однако на дне и стенках держались следы. Рид наклонился, чтобы прочесть дату, и отступил. Дойл уже собирался снова закрыть пакет.

— Аптекарь здесь?

— Лавка у моста, — сказал констебль. — Нэш. Я вчера велел ему сохранить всё, что осталось от изготовления микстуры, и записи. Не говорил, будто он что-то напутал. Если больного спрашивают, что принимал, до аптеки всё равно дойдём.

Уитмор кивнул и дописал, что материалы нужно отправить без промедления. За дверью ждал водитель. Сержант вышел к нему, объяснил, кому передать и почему нельзя оставлять ящик у случайного дежурного. Вернулся с распиской о приёме пакетов. Слейд подписал собственный перечень и попросил сообщить о результате непосредственно ему.

На вопрос о еде он ответил, что известное нужно сохранить и записать, кто ел то же. Не объявлять каждую тарелку опасной и не пробовать на вкус остатки. Рид подумал, что запрет вроде бы очевиден, но наверняка произнесён не из любви к лишним словам.

Врач пошёл в переднюю. Миссис Брамвелл тут же спросила, когда можно унести тело. Слейд напомнил, что теперь потребуется исследование. Она слушала неподвижно, только платок в её руках свернулся в тугой жгут.

— Я не хочу, чтобы он ещё и после смерти занимал весь дом, — произнесла она. — Простите. Это отвратительно звучит. Но Флора не спала, Бесс боится зайти, а вы говорите — пока оставьте.

— Не оставим надолго, — сказал врач. — Сейчас согласуем перевозку. Только сначала нужно соблюсти порядок.

— Порядок у нас был до его приезда.

Она отвернулась к вешалке, сняла со свободного крючка шапку и положила на полочку. Никто не просил. Слейд, проходя, не стал снова просить её успокоиться. Дойл вышел вслед за ним, оставив дверь в комнату Мортона под наблюдением.

Бесс Данн жила неподалёку. За ней послали, и она пришла с верхней пуговицей пальто, оторванной вместе с ниткой. По дороге зацепила калитку, теперь держала пуговицу в кулаке, не желая потерять. Рид нашёл ей маленький конверт.

— Спасибо. Я потом сама пришью. Мне госпожа сказала, что вы хотите про вчера. Только я сразу скажу: бельё я не кипятила. Доктор велел отставить, я отставила.

Её проводили в столовую. Она села на тот стул, который первым попался, заметила, что рядом лежит хозяйкин платок, и передвинулась. Уитмор спросил, почему принесла констеблю старый флакон.

— Он спросил, что ещё осталось из-под лекарства. Я показала коробку. У нас пустая посуда туда. Я её вчера вечером ставила в кладовую, чтобы утром увезти. Бутылочка была сверху, не надо даже искать.

— Из комнаты Мортона вы её взяли?

— Не при мне её вынесли. Я днём в кухне работала, ходила к прачке. Флора принесла из аптеки пакет. Потом мистер Мортон стал жаловаться. Не сразу при мне — я вернулась, он уже звал. Дальше больше вёдра носила, чем рассматривала, что где.

— Кто мог положить флакон в коробку?

— Кто угодно из дома. Она под кухонным окном стоит. Я и хозяйка, Флора, сам он. Мистер Ральф тоже проходит, когда не хочет через переднюю. Я вам не стану выбирать, лишь бы ответить.

Она раскрыла кулак, вспомнила о пуговице и поправила на столе пустой конверт. Рид указал на него. Бесс наконец положила пуговицу внутрь и, кажется, освободилась для разговора.

К этому дому приходила четыре дня в неделю, обычно с утра. В четверг задержалась: готовили бельё, разбирали старую посуду и собирались пригласить человека посмотреть, не течёт ли желоб у садовой комнаты. Ада жаловалась на сырость, Мортон отвечал, что её покойный муж никогда бы не сдал ему такую комнату. Покойный муж в последние недели участвовал в каждом хозяйственном споре, хотя возразить ему никто уже не мог.

— Мистер Мортон ходил в кухню?

— Ещё как. Особенно если я что-нибудь пекла. Стоит, разговаривает, я через него к плите не проберусь. Себе платок купил — показывает. А у меня кастрюля убегает. Он думает, это работа у меня между разговорами, а не наоборот.

— Вам платил за отдельную работу?

— Иногда. Я рубашки ему сдавала вместе со своими, если просил. Он за это платил. Не каждый раз вовремя, зато не говорил, будто я должна и так, раз комнату убираю.

Она помолчала и добавила:

— Я его не ненавидела. Чтобы у вас не получилось, будто весь дом счастлив теперь. Человек мог быть неприятный, это ещё не всё о нём.

Уитмор попросил отдельно перечислить, что осталось с обеда. Бесс назвала блюда, кому что положили, кто отказался. Сама ела в кухне. Мортон получил ту же еду, что хозяйка, но хлеб и приправы держал у себя. По вечерам иногда пил принесённое из лавки; в четверг, насколько она знала, не покупал. Констебль в другой комнате уже описывал то, что нашёл.

— Бутылку вы точно не мыли?

Бесс покачала головой.

— Вчера не мыла. Там и так посуды с больным хватило. Пришла собирать, доктор говорит — не трогайте. Флора мне всё передала. Я сама к нему не лезла.

В ответе прозвучало что-то, за что Рид зацепился, но инспектор уже спросил о проходе из кухни в кладовую. Сержант записал слова дословно и оставил возле них свободное место.

После разговора Бесс попросила разрешения забрать корзину, оставленную в кухне. Миссис Брамвелл вышла показать, где она. Уитмор попросил пока ничего не выносить из сохранённой посуды. Бесс ответила, что в корзине её вязание, и открыла крышку прямо в передней: клубок, спицы, наполовину готовый рукав, бумажный пакет с печеньем.

Хозяйка увидела пакет.

— Не нужно есть в комнатах, Бесс. Будет крошиться.

— Я в этих комнатах и не ела.

— Я вообще говорю.

Бесс закрыла корзину. У неё дрогнули губы; Рид уже ожидал резкого ответа, но она лишь спросила, требуется ли прийти вечером. Ада сказала: если полиция не против. Получилось, будто решение о пустом доме снова принимали за неё.

Флора до сих пор сидела в столовой над листом. Записала почти страницу, затем исчертила оборот небольшими прямоугольниками. Рид увидел, как она торопливо перевернула бумагу.

— Я не порчу вашу запись, — сказала она. — Просто когда жду, руки сами.

На обороте были окна. Два больших, одно маленькое под самой крышей. В маленьком она успела нарисовать занавеску.

Уитмор прочёл её время. Контору, аптеку, возвращение домой и новый уход. Спросил, почему заносила лекарство сама, а не попросила аптекаря прислать.

— Шла мимо. Тётя сказала, раз всё равно в контору через мост, нужно забрать. Мистер Мортон заказал заранее. Ничего необычного.

— Кому отдали пакет?

— Тёте. На кухонном столе оставила, она рядом была. Сразу сказала, чтобы я вытерла снег с подола. Там было нечто вроде снега. С дождём. Потом я пошла переодевать чулки, пообедала и обратно.

— Его самого видели?

— Мельком. В дверях. Сказал, я зря бегала, ещё прежнее не кончилось.

Уитмор поднял глаза.

— Именно так сказал?

— «Зря спешили, у меня старое ещё есть». А потом тётя спросила про подол. Я уже на неё смотрела.

Рид поставил отметку рядом с ответом Бесс. Не сделал никакого вывода вслух. Два флакона уже уехали в разных пакетах. Теперь нужно было выяснить, что каждый из них делал в доме прежде, чем попал в эти пакеты.

Глава 3. На правах гостя

Ральф Брамвелл появился, когда из дома выносили закрытые ящики с сохранённой посудой. Пропустил одного полицейского, другому придержал калитку, потом сказал Дойлу, что не ожидал увидеть здесь весь приход на колёсах.

— Это не весь приход, — ответил констебль. — Двое из города. Я просил.

— Я образно, Сэмюэл.

— А они с ящиками. Дайте пройти.

Ральф уступил дорогу и, проходя в переднюю, вытер ноги так основательно, что хозяйка не смогла сделать ему замечание. Пальто повесил на свободный крючок. Увидел, что висит слишком близко к чужому, передвинул.

Высокий, с тяжёлой нижней челюстью и выгоревшими усами, он выглядел человеком, которого постоянно считают старше, чем он есть. Уитмор представился. Брамвелл пожал руку, сообщил, что они однажды встречались на разбирательстве о границе выгона. Инспектор не вспомнил, и Ральф заметно потерял к нему часть интереса.

— Я брат покойного хозяина. Ада моя невестка. Помогаю с домом. Насколько могу помочь, когда здесь происходит такое.

— Вчера вы приходили?

— Да. Днём по делам, вечером с Эндрю. Он за врачом ездил. Я хотел посмотреть, не нужен ли ещё кто. Всё, что нужно, оказалось уже занято людьми.

Рид попросил назвать, какие были дела днём. Брамвелл посмотрел в сторону столовой, где сидела Флора.

— Я не хотел бы обсуждать договорённости при ней.

— Я могу уйти, — сказала девушка.

— Не в том смысле, Флора.

— А в каком?

Он поджал губы. Инспектор предложил садовую комнату. Хозяйка сначала сказала, что там не топили, затем разрешила, если ненадолго. Ральф взял со стула портфель и пошёл следом. Флора осталась у окна, глядя на мокрый след, который один из ящиков оставил на ступеньке.

В садовой комнате стоял широкий стол. На половине лежали раскрашенные карточки: мост, мельница, цветочная клумба, надпись с названием гостиницы. На другой половине держали банки и пустые цветочные горшки. Ральф осторожно снял с края стула папку, поставил вертикально возле стола.

— Это Флоры работа. У неё хорошо выходит. Она думает, я не понимаю, но в конторе всегда беру её открытки, когда нужно послать клиенту что-нибудь приличное.

— Она работает у вас?

— В нашем агентстве. Не у меня дома. И получает обычную плату, если вы об этом.

Уитмор ещё не успел подумать об этом, но записал. Ральф сел, закинул одну ногу на другую и долго устраивал портфель на коленях. Внутри что-то мешало застёжке.

Он пришёл в четверг поговорить об освобождении передней комнаты. Ада хотела её вернуть. Флора собиралась замуж; до свадьбы думали кое-что переделать, чтобы супруги могли некоторое время жить здесь отдельно, не входя в кухню через весь дом. Самого Мортона уже попросили съехать. Он отказался и потребовал передать вопрос поверенному.

— Покойник был в своём праве, раз хотел, чтобы бумагу посмотрели, — сказал Ральф. — Я этого не отрицаю. Но видеть в нём обманутого жильца тоже не нужно. Он специально говорил так, чтобы Ада выглядела жестокой женщиной, которая выгоняет больного на улицу.

— Почему вы считали, что он должен освободить комнату?

— Потому что её снимал. Денег не платил, хозяйке мешал. Договориться не хотел. Письмо Эдвина — это письмо, а не разрешение захватить дом.

— Покажете?

Ральф отодвинул портфель.

— Оно у него. Я принёс копию переписки с поверенным, если требуется. Ада мне говорила, он держит своё письмо под замком.

В письменном столе Мортона действительно оказался небольшой закрытый ящик. Ключ нашёлся в сюртуке вместе с книжкой. Уитмор открыл в присутствии Дойла и хозяев, составивших перечень вещей, к которым прикасались. Внутри были деньги, паспорт, несколько писем и фотография молодой женщины в светлой блузке. Рид отметил всё отдельно, не давая Ральфу сразу взять верхний лист.

Женщина на фотографии сидела возле кустов, щурясь от солнца. Одной рукой держала на коленях шляпу, другой пыталась убрать волосы от лица. Снимок был не из тех, которые ставят перед камерой и терпеливо ждут. Ральф посмотрел, но промолчал.

Письмо Эдвина лежало под ним. На толстой бумаге, как запомнил Дойл. Датировано восемнадцатым годом. Автор подтверждал, что не отказывается от прежнего обещания: если Мортон вернётся в Англию и ему понадобится пристанище, передняя комната в коттедже будет к его услугам. О дальнейших условиях намеревался говорить лично. В конце упоминались общие знакомые и плохая дорога.

— Он показывал только первую часть, — сказал Ральф. — Очень удобно. «К вашим услугам». Дальше ему уже неинтересно.

Ада стояла возле кровати, за ширмой, не подходя к письменному столу. Уитмор спросил, узнаёт ли она письмо мужа. Узнавала. Знала, что оно существует, но видела не сразу после приезда Мортона. Тот вынул его, когда разговор о плате перестал устраивать обе стороны.

— Эдвин часто обещал людям помощь, — сказала она. — Ему не приходилось потом каждый день на неё смотреть. Он работал, уходил. Дома оставалась я.

— О каких дальнейших условиях он писал?

— Не знаю. Пожалуйста, не спрашивайте меня, что умерший человек хотел сказать другому умершему. Я не могу отвечать за обоих.

Ральф шумно выдохнул через нос. Уитмор посмотрел на него, и тот отвёл глаза. Письмо передали для съёмки и проверки, не объявляя по нему окончательного решения о правах на дом. Инспектор расследовал смерть; спор о комнате имел значение для отношений людей, но не делал его судьёй по каждому их обещанию.

Фотографию Ада узнала тоже.

— Ганна. Моя сестра. Мать Флоры.

— Знаете, почему снимок был у Мортона?

— Эдвин мог дать. Не помню. Он знал нашу семью давно.

Она сказала это спокойнее прежних ответов. Ральф поправил лежавший край простыни, хотя ничего под ним не открывалось. Потом спросил, закончили ли полицейские с ящиком. Уитмор ответил, что пока нет.

Ральфу пришлось вынести портфель обратно в садовую комнату. Там они продолжили разговор уже без хозяйки. Брамвелл рассказал, что раньше занимался с Эдвином разными земельными делами, после смерти брата помогал вдове. Дом был теснее, чем представлялось по названию «коттедж»: достаточно большой, чтобы оплачивать лишний ремонт, и недостаточно большой, чтобы жить рядом с человеком, которого не выносишь.

— Вы поссорились с ним в четверг?

— Спорили. Он позволял себе замечания о Флоре. Эндрю это не нравилось. Мне тоже.

— Какие замечания?

— Что её не следует так торопить со свадьбой. Что она ещё может выбрать. Представьте, при нас сидит посторонний человек, которому мы ищем комнату в другом месте, и рассуждает о выборе нашей девочки.

— Ей двадцать восемь, — сказал Рид.

Ральф посмотрел на него так, будто сержант исправил опечатку в чужой семейной Библии.

— Я знаю, сколько ей лет. Она всё равно наша. Мортон говорил это не ради её пользы. Хотел опять сделать неприятно Аде.

После разговора Ральф предложил отвезти племянницу к себе, пока в доме работают полицейские. Флора отказалась. Он начал объяснять, что дома у них спокойнее, и осёкся: на столе перед ней лежали бумаги, приготовленные для Уитмора, а шарф так и не был надет.

— Я могу хотя бы пообедать здесь? — спросил он у невестки.

Ада ответила, что найдётся. В голосе послышалось облегчение: наконец попросили о чём-то, что зависело от неё.

К трём Уитмор отправил первые записи в управление. Дойлу велел пойти поесть и найти смену, а самому лечь на час. Констебль возражал, пока инспектор не напомнил: завтра ему понадобится человек, помнящий не только то, что слышал в доме, но и то, что сам написал этой ночью. После этого Дойл согласился.

Флора принесла в столовую письма по январскому запросу. Они лежали у Ады вместе с домашними счетами. На верхнем конверте было имя Лидии Грэм, зачёркнутое прежним почтальоном, и новый адрес, по которому письмо ушло искать её родственников.

— Это вам не нужно отдавать обратно завтра, — сказала девушка. — Вы можете сейчас посмотреть. Только тётю предупредите, что я взяла. А то она решит, будто я у неё прячу.

Уитмор прочёл перечень, присланный из Бристоля. Эвелин Пайк нашла не журнал всех постояльцев, а несколько тетрадей расходов и отдельные квитанции. Полные имена встречались редко. То, что относилось к Хейзелби, она собиралась передать для осмотра через местного полицейского. О письмах из Блэквуда пока не знала. В копии одной страницы за ноябрь двадцать четвёртого значилось: «Верхняя, две женщины; бельё сменить перед отъездом». Ни Вейл, ни другой фамилии рядом не было.

Эту копию инспектор уже видел в январе. Положил обратно. Ещё раз проверить шкаф значило проверить последнее известное место, а не ждать, что бумага при повторном чтении назовёт кого-то сама.

— Я тогда здесь не жила, — сказала Флора. — Мне было двадцать. Дядю перевели ещё за два года до этого, мы уехали вместе. Потом вернулись. Вы меня всё равно спрашиваете, как будто я могу вспомнить чужих людей из чужой комнаты.

— Вы можете знать, что вернулось в дом вместе с вещами миссис Грэм.

Флора задумалась. Назвала два сундука, скатерти, маленькие весы, на которых Лидия пыталась взвешивать варенье. Весы стояли в кладовой. Про письма не знала. Предложила показать верхнюю комнату, когда уберут всё, что нужно полиции.

— Я свою дверь запру, — добавила она. — Это можно? Там мои рисунки и письма. Я не хочу, чтобы Ральф, пока ждёт обеда, принялся опять наводить порядок.

Уитмор ответил, что её комнату никто не просил оставлять открытой. Если понадобится осмотр, поговорят отдельно. Флора вынула ключ из кармана и впервые за всё время посмотрела на него без раздражения.

Когда она ушла, Рид перелистнул свою запись разговора с Бесс. Затем попросил хозяйку позвать её снова. Ада сказала, что женщина должна была зайти к вечеру; раньше придётся ждать. Сержант предложил сам дойти до её дома, и хозяйка нехотя показала дорогу.

Миссис Данн нашлась у себя, за маленьким столом возле окна. Пришивала пуговицу к пальто, положив рядом пустой полицейский конверт. Увидев Рида, спрятала конверт под коробку, словно он был не бумагой, а знаком слишком близкого знакомства с участком.

— Что я забыла?

— Вы сказали, что вчера не мыли флакон. А раньше?

Она оставила иголку в ткани.

— В среду. Что же я с ним буду каждый день? Собрала старые бутылки, ополоснула и сложила. Он пустой был.

— Из комнаты мистера Мортона?

— Да. Я как раз у него убирала. Он утром ушёл к фотографу на площади, просил не трогать стол. Флакон на тумбочке стоял. Я спросила, пустой ли, он сказал, забирайте, новый закажу. Принесла в кухню, на свет посмотрела. Пустой. Не так, чтобы там остаток плескался.

Рид попросил рассказать по порядку, куда положила потом. Бесс показала руками, словно коробка стояла сейчас под её собственным окном. Сначала в миску с остальными бутылками. Затем на полку стекать. Потом в деревянную коробку для возврата. Она ещё ходила к почте, когда вернулась, посуда уже высохла. Хозяйка попросила не оставлять миску на столе.

— Это точно была среда?

— Я по средам в другом доме полы мою после обеда. У Брамвелл прихожу раньше. Ничего необычного не было. Если бы вы не стали спрашивать, я бы и думать про это не начала.

— Миссис Брамвелл видела флакон?

— Видела всю посуду. Я сказала, мистер Мортон опять недоволен, что новое не принесли, а он старое уже кончил. Она ответила, Нэш лучше знает, когда будет готово. Я помню, потому что не поняла, чего ей сердиться на аптекаря, который сам ничего не обещал.

Сержант записал. Бесс спросила, из-за этого ли теперь говорят об отравлении. Он ответил, что пока проверяют, что принимал больной. Она потянулась к иголке, но работать не продолжила.

— А вчера сказал, ещё старое есть, — произнесла она. — Флора передала, когда из аптеки вернулась. Я подумала, опять сам забыл, что мне отдал.

Рид спросил, чем отличалась старая бутылочка от других. Бесс вспомнила отставший край бумажки. Новую в четверг принесла Флора в бумаге; её Бесс видела снаружи. На том, что обе переданные полиции бутылки были именно двумя известными ей, она согласилась бы настаивать только после повторного осмотра. Но пустой флакон из комнаты она забирала — это помнила без фотографий.

Вернувшись, сержант застал Уитмора у ворот. Из дома только что уехали с телом. Ада стояла в передней, не выходя, Ральф помогал закрыть дверь. Флоры не было видно.

Рид рассказал о среде. Инспектор выслушал и спросил, где сейчас коробка для посуды.

— В кладовой. Дойл закрыл и описал. Старую бутылку уже отдал отдельно.

— В остальном содержимом есть что-нибудь ещё с той же этикеткой?

— Нужно посмотреть.

Они вернулись в дом. Бесс не сказала, кто поставил старый флакон к больному, и лаборатория ещё ничего им не сообщила. Но Мортон в четверг говорил об остатке там, где накануне уже ничего не осталось. Уитмор попросил ключ от кладовой. На этот раз Ада дала его сразу, вместе со всей связкой.

Глава 4. Контора у моста

У аптекаря пахло мылом и мокрой шерстью. В углу стояла собака с перевязанной лапой. На прилавок её не пускали, но хозяйка уже трижды пыталась поднять передние ноги повыше, показывая, что именно выписал ветеринар.

Альберт Нэш терпеливо повторил, что собака здесь ни в чём не виновата, однако на прилавке лежат свёртки для людей. Женщина обиделась за собаку. Рид придержал дверь, пока обе выходили; животное остановилось у самого порога и не хотело переступать через мокрую решётку.

— Такие всегда знают, где больнее будет, — сказал Нэш. — А хозяйка считает, что упрямится.

Он взглянул на удостоверение Уитмора и снял фартук. Под ним оказался ещё один, тоньше, на котором виднелось маленькое пятно. Аптекарь посмотрел на него, вздохнул и оставил как было.

— Мне Дойл вчера велел ничего не выливать и не выбрасывать. Я сохранил. Пройдёмте назад, здесь будут входить, а я не хочу через каждые две минуты прерываться на чью-нибудь зубную боль.

В задней комнате было тесно. Нэш освободил два табурета, сняв с одного коробку, с другого собственный обед в бумаге. На стене висел календарь с рекламой средства от простуды. Старый январский лист не оторвали; Нэш заметил взгляд инспектора и поспешно сделал это. Бумага хрустнула у самых лиц.

— Третье февраля, — произнёс он. — Я знаю. Просто не до календаря.

Рид достал копии сведений с двух этикеток, не раскладывая перед аптекарем все показания. Нэш прочёл имя, даты и объяснил, что микстуру приготовили по назначению Слейда. Прежнюю порцию выдавал в конце января. В четверг сделали свежую, забрала мисс Кин.

— Та же смесь?

— По тому же назначению. Запись здесь. И вот что доктор написал.

Уитмор сравнил листы. Нэш показывал, где отмечена выдача, кто работал за прилавком и где хранятся вещества, которыми пользовались. Некоторые сосуды оставались начатыми; другие были из уже открытого запаса. Всё это после звонка констебля он отставил и подписал. Обещать отдельный контрольный образец точно той порции, которую отпустили двадцать шестого, не мог: такого образца у него не было.

— Вы думаете, я отдал ему яд? — спросил он наконец.

— Я хочу проверить лекарство и его происхождение.

— Но вопрос-то всё равно об этом.

— В том числе.

Нэш сел на край свободной ступеньки у шкафа. Табуреты уже заняли полицейские. Он посмотрел на свои руки и спрятал одну под фартук.

— Я сам буду думать об этом, пока не узнаю. Могу сколько угодно уверять вас, что всё делал как положено. Но если человек умер и пил моё лекарство, я буду думать. Только запишите: то, что я испугался, не значит, будто вспомнил ошибку.

Уитмор предложил ему рассказать, что помнит о выдаче. Мисс Кин пришла перед обедом. В лавке находилась ещё одна покупательница; помощник ушёл заносить заказ на почту. Нэш подал свёрток, девушка уточнила, надо ли сразу отдавать больному. Он ответил, что следует выполнять назначение врача, а не уговаривать человека пить просто потому, что бутылка новая. Ей показалось смешно. Сказала, это как раз не придётся: мистер Мортон любит заканчивать старое, даже когда ему уже принесли другое.

— Её слова вы помните точно?

— Смысл. Мы не произносили речь. Она торопилась. Я спросил, не поставить ли на общий счёт дома, она сказала, мистер Мортон просил на его собственный. У них там всё считается до того, как договорятся, кто считает.

— Он платил вам?

— За первую порцию заплатил. За вторую пока нет. Но это не то же самое, что не платить вообще.

Нэш говорил с обычной мелкой обидой торговца, который должен защищать даже неприятного покупателя, если о том судят по чужим долгам. Рид записал имя помощника и фамилию женщины, присутствовавшей при выдаче. Аптекарь попросил не говорить ей заранее, что нужно подтверждать его слова: она будет стараться помочь и напутает больше.

— Пустые бутылки вы принимаете? — спросил сержант.

— Приносят. Я их не ставлю прямо с улицы обратно на полку с готовым. Вы про коробку у Брамвеллов? Бесс заносит разом, когда накопится. Иногда вместе с чужими, из другого дома.

— По пустой бутылке узнаете, что было внутри?

— По этикетке узнаю, что здесь выдавали. Что с ней делали потом, не узнаю. Хоть чернила держите, хоть цветок. Я прошу снимать старые бумажки, но люди ведь никогда не слышат ту половину просьбы, от которой им лишняя работа.

Нэш показал место для возвращаемой посуды. Рид посмотрел, не нашлось ли там ещё флакона с именем Мортона. Таких не было. Это не означало, что их не приносили раньше; аптекарь сам напомнил об этом, прежде чем инспектор успел спросить.

О ядовитых веществах Уитмор заговорил отдельно. В лавке они были, как и средства для хозяйства, с которыми приходилось обращаться осторожно. Нэш согласился показать записи об отпущенном и сохранить нужные страницы. Называть виновного по тому, что кто-нибудь когда-нибудь купил средство от вредителей, инспектор не собирался. Сначала требовалось узнать, что именно ищут в данном случае.

На улице уже зажгли фонари. За мостом вода двигалась тёмными широкими складками; на опоре, где летом останавливались мальчики, висела оборванная верёвка. Рид поглядел вниз и почувствовал, что с утра съел только дорожный бутерброд. Нэш пытался предложить им свой обед. Сержант отказался, увидев, как мало там осталось, и теперь пожалел о собственной вежливости.

Контора Брамвелла находилась напротив, на втором этаже над лавкой железных изделий. Ральф сам дал ключ от входа, но внутри ещё работала секретарша. Она поднялась при виде полицейских, поправила край лежавшей на столе бумаги и осталась стоять.

— Эмма Тейт. Мистер Брамвелл велел показать книгу, если придёте. Только я не понимаю, зачем вам наши земельные дела.

— Сейчас время работы мисс Кин, — сказал Рид.

Эмма села. На столе у неё стоял остывший чай с тонкой плёнкой. Она отодвинула чашку, достала книгу и развернула так, чтобы сержант мог читать.

Флора в четверг приходила утром, выходила к аптекарю и домой на обед, затем вернулась. Эмма помнила второй приход, потому что коллега переодела чулки и пожаловалась на мокрый снег. Сидели рядом, разбирали списки платежей. Позже Флора ушла раньше обычного: из коттеджа прислали, что жильцу плохо. Кто именно прислал, Эмма не знала, в переднюю вышла сама Флора.

— Я могла бы сказать вам точные часы по книге, — добавила она. — Но это мы пишем, не сторож с секундомером. Иногда после, если сразу не успели. Я не буду делать вид, будто смотрела на стрелку, когда она сняла шляпу.

Рид выписал то, что стояло в книге, отдельно отметил объяснение. Спросил и о среде. Работали обычный день, Флора не отсутствовала всё утро. На обед обе остались в конторе: шёл

дождь, Эмма принесла лишний хлеб. В котором часу Флора пришла с самого начала, свидетелей найдут у остальных столов.

Пока сержант писал, Уитмор рассматривал план помещения, который Флора набросала на свободном листе. Секретарша узнала рисунок.

— Она всё время окна рисует. У неё в новом доме обязательно должны быть два рядом. Не узкие, как в коттедже.

— В новом доме?

Эмма покраснела.

— Я не должна за неё говорить. Это не имеет отношения к лекарству.

— Мистер Брамвелл сказал, что собираются переустраивать коттедж для новобрачных.

— Мистер Брамвелл много чего собирается. Флора пока ни на что не соглашалась. Они с Эндрю смотрели другое жильё. Даже если первые месяцы придётся остаться у тёти, это не значит, что она собирается всю жизнь смотреть, кому не понравилась переставленная чашка.

Уитмор вернул рисунок. Не стал обещать секретарше, что семейство ни о чём не догадается. Только пояснил, что её предположения не запишут как слова Флоры. Эмма заметно расслабилась. Попросила не забыть: отсутствие коллеги сегодня разрешил сам Ральф; из её заработка вычитать не нужно.

Когда спустились, у лестницы стоял мужчина в потёртом кожаном пальто. На ботинках налипла солома. Он спросил, не инспектор ли перед ним, и представился Эндрю Уэллсом.

— Из дома направили сюда. Я хотел узнать, когда можно поговорить с Флорой без тёти. Мне всё время говорят, она отдыхает, а потом выясняется, что сидит у стола и отвечает вам.

Уитмор сказал, что сейчас никто не мешает ей выйти, если сама хочет. Уэллс потёр нос и посмотрел через мост.

— Хотеть тоже приходится с кем-то согласовывать. Простите. Я злюсь на других, а говорю вам.

Они остановились под козырьком лавки. Уэллс приехал из соседней деревни, где смотрел больную лошадь, спешил в коттедж. На вопросы ответил охотно до тех пор, пока не спросили о Мортоне. Тогда замолчал.

— Я с ним поссорился. Это вам уже сказали.

— Мы хотели бы услышать, что было сказано вам.

— Спросил, знаю ли я, какую девушку собираюсь брать в жёны. Вот такими словами, будто товар покупаю. Я ответил, что знаю её достаточно. Он сказал, что достаточно никто не знает, и рассмеялся. Потом Ада вошла и велела нам обоим прекратить. Обоим. Я к нему вообще первым не обращался.

— Он говорил о чём-то определённом?

— Нет. Если говорил, я не понял. Решил, что намекает на деньги. Или на то, что Флора работает у Ральфа и не хочет это бросать. Он любил сказать половину и смотреть, как человек сам другую придумает.

Уэллс признал, что предложение пожить в коттедже сперва показалось удобным. Начинал собственную практику, экономия пригодилась бы. Потом Флора сказала, что придётся экономить не только деньги, и объяснила, чего именно боится. Он не сразу согласился.

— Я думал, преувеличивает. Миссис Брамвелл со мной всегда очень любезна. Флора сказала: конечно, ты ведь пока приезжаешь на обед и уезжаешь. А потом мне нашлось место, где можно было снять две комнаты. Я и предложил посмотреть.

Рид спросил, знал ли об этом Мортон. Уэллс не знал. Сам не рассказывал. Флора могла. Дальше у неё нужно спрашивать отдельно, потому что жениху тоже не докладывают каждый разговор.

Он сказал это с досадой на себя, и Уитмор не стал продолжать за него. Договорились о подробной записи показаний утром. Уэллс пошёл через мост; несколько раз оглянулся, словно надеялся, что Флора выйдет ему навстречу без нового приглашения.

В гостинице «Серая цапля» полицейским дали две комнаты наверху. Хозяйка, миссис Уик, велела предупредить, если потребуется поздний ужин, и безо всяких вопросов принесла Риду хлеб, сыр и яблоко. Он собирался сказать, что они не просили, но голод оказался убедительнее.

Уитмор позвонил в управление, подтвердил отправку материалов, попросил сохранить все сопроводительные записи. Результатов ещё не было. Затем уточнил, на каком этапе бумаги миссис Грэм. Из Бристоля обещали передать очередную пачку через своих местных служащих, перечень уже готовили. Инспектор попросил отправить копию перечня сразу, не ожидая, пока найдут последнюю тетрадь.

Когда он вернулся от телефона, Рид разложил рядом записи Флоры, Бесс и Нэша. На одном листе стояло: «старое ещё есть», на другом — «забрала пустой в среду». Между ними лежал чистый угол бумаги.

— Если Бесс перепутала неделю, всё опять станет простым, — сказал сержант.

— Спросим у тех, где она мыла полы. И проверим остальные бутылки.

— Мне не кажется, что она придумала. Она не старалась придать этому значение.

Уитмор взял карандаш, но ничего не написал. Он тоже поверил женщине — ещё до того, как успел проверить. Отодвинул блюдце с яблочной кожурой, прочёл ответ заново.

— Завтра начнём с коробки, — сказал он. — Где она стояла и кто её трогал после уборки.

Рид сложил листы, оставив три источника рядом. Снизу ещё лежал рисунок окон, который Флора случайно сделала на обороте своих показаний. Сержант не стал его отрывать.

Глава 5. То, что осталось в бутылке

К утру вода в кувшине стала такой холодной, что Рид выругался, едва коснувшись её подбородком. Из соседней комнаты донёсся кашель инспектора. Сержант подумал, что мог бы выругаться потише, и подставил под струю вторую щёку.

Внизу миссис Уик распоряжалась завтраком. Маленький мальчик в слишком длинном фартуке нёс тарелки, придерживая их животом. При виде полицейских свернул к другому столу и едва не рассыпал ложки.

— Они не за тобой, — сказала хозяйка. — И вчера были не за тобой. Принеси ещё хлеба.

Мальчик посмотрел на Рида с обидой: тот услышал лишнее.

Уитмор нашёл на своём месте конверт из местного участка. Дойл передал сообщение от городской лаборатории: материалы получены, сосуды доставлены целыми. Остальных сведений не было. В конверте лежал и короткий перечень из Бристоля. Счета за уголь, две бельевые тетради, письма жильцов, коробка со старыми открытками. Эвелин Пайк обещала проверить коробку лично: пока не могла сказать, относится ли всё её содержимое к Лидии Грэм.

Инспектор сложил лист. Восемь лет назад он бы назвал это отсутствие ответа. Теперь фамилия человека, который согласился посмотреть коробку ещё раз, казалась ему некоторым продвижением.

В коттедже Бесс уже растопила плиту. Пришла в субботу вместо пропущенной пятничной работы и сразу объяснила Дойлу, что вторую половину дня обещала другому дому. Констебль выспался, побрился, принёс чистые листы; всё это Бесс одобрила одним взглядом и спросила, долго ли ещё коробка будет занимать кладовую.

— Пока не перепишем, что в ней, — сказал Рид.

— Тогда не пишите каждую банку до обеда. Там две одинаковые, из-под повидла. Я сама отдала, у меня крышки пропали.

Дойл расстелил на столе бумагу. Коробку перенесли из кладовой вдвоём, сохраняя положение вещей. Пустое место наверху, откуда констебль вынул бутылку Мортона, теперь занимала свёрнутая бумажная прокладка. Дойл показал её в записи: положил сам, чтобы стекло не завалилось в освободившийся промежуток.

Всего оставалось одиннадцать сосудов. Две банки Бесс; зелёная бутылка с остатком этикетки от соуса; несколько пустых аптечных флаконов; широкогорлая банка, в которой принесли мазь для рук Ады. Рид записывал названия так, как называла их Бесс, а Дойл — надписи, которые ещё можно было разобрать. С двумя сосудами хозяйка не была знакома: их оставила прачка, рассчитывая, что всё вместе отнесут Нэшу.

На одной коричневой бутылочке сохранилась половина фамилии. Уитмор придвинул её к свету. Дойл разобрал знакомую фамилию женщины с соседней улицы, не Мортона. У горлышка виднелся маленький скол.

— Не от этой ли вы помните отставшую бумагу? — спросил он.

Бесс забрала очки с кухонной полки, протёрла край фартуком и посмотрела.

— У этой бумага вовсе отмокла, с другой стороны. А у его один угол висел. Я собиралась содрать, потом руки заняла. Он ещё бурчал, что в аптеке бумагу клеят лучше лекарства.

— Когда бурчал?

— Не в среду. Раньше. Когда я пыль вытирала, бутылка к тряпке пристала.

Из городского описания достали снимок изъятого флакона. Сам сосуд оставался в лаборатории; Бесс это объяснили прежде, чем показать фотографию. Она узнала надпись, но нижний край не различила и попросила не торопить её с ответом.

— Вы говорите, что он этот. Похоже. А вот тут, где палец у меня, я ничего не вижу.

Дойл повернул лист. Бесс посмотрела ещё раз, вернула его.

— Я помню тот, который мыла. Снимок мне лучше помнить не поможет.

Рид приписал её слова к вчерашним. У него мелькнуло раздражение на плохой свет, на фотографию, на собственную надежду получить уверенное опознание за пять минут. Бесс тем временем забрала свои очки и потребовала, чтобы широкую банку не выбросили: хозяйка собиралась её оставить.

Ни второй этикетки с именем Мортона, ни спрятанного под стеклом пакета в коробке не оказалось. Зато нашлось объяснение грязной полосе на её дне: протекла соусная бутылка. Бесс показала и коричневую дорожку на полке. Она возилась с посудой в среду, счищая липкое с наружной стороны стекла; поэтому пустой аптечный флакон ополоснула вместе с остальными.

— Вы сняли пробку перед тем, как взять его из комнаты?

— Он сам снял. Посмотрел внутрь, наклонил над ложкой. Сказал: всё, можно забирать.

— В ложку что-нибудь вылилось?

— Не видела, чтобы вылилось. Он ею постучал о блюдце. Я взяла у него из руки.

Теперь воспоминание стало подробнее, чем накануне. Уитмор попросил рассказать всё от начала, не подсказывая, где именно Мортон стоял. Бесс нахмурилась, но рассказала: у письменного стола, собирался выходить, искал бумажник. Ложку оставил на блюдце; она забрала и её. Его слова о новом лекарстве помнила, потому что велела заказать сразу, пока помнит, иначе опять пошлют кого-нибудь к закрытию.

В дверях появилась Ада. Она слышала последние фразы.

— Бесс, вы ведь не следили за каждым его глотком.

— За глотками нет. А пустую посуду я убирать умею.

— Я не это имела в виду.

Хозяйка несла свежую скатерть. Положила на стул, увидела банки на бумаге и переместила свёрток на подоконник. Уитмор спросил, помнит ли она сообщение Бесс о закончившемся лекарстве.

— Да. Разговоров об этом было достаточно. Он требовал то одно, то другое. Я сказала, что мистер Нэш знает о заказе.

— Вы сами видели пустой флакон в среду?

— В коробке, кажется. Не могу вам сказать, сколько там оставалось. Бесс ставит всё горлышком вниз, иначе не просохнет.

— В четверг Мортон говорил Флоре, что старое у него ещё есть.

Ада взглянула на Бесс.

— Значит, нашёл. Или считал, что найдёт. У него вещи могли лежать в трёх местах. Я перестала спорить с ним о порядке ещё в ноябре.

Инспектор спросил о лекарствах, которые держали в доме для себя. Ада принесла небольшую жестянку, открыла при нём: бинты, пластырь, закрытые пакеты, несколько бутылочек с разными надписями. Рассказала, что употребляла сама, что осталось от мужа. Уитмор попросил пока не избавляться ни от чего. Ада заметно выпрямилась.

— Я вчера ничего не выбрасывала.

— И сегодня не нужно.

— Мне хотелось бы знать, сколько это продлится. Бесс приходит по дням. Я не могу держать кухню в таком виде до весны.

Рид уже убирал стекло обратно в коробку. Хотел сказать, что она преувеличивает, но взглянул на Бесс: та тоже ждала, когда освободится стол. Он придвинул коробку к Дойлу и попросил вынести её. Оставшиеся вещи можно было хранить отдельно, работа Бесс не становилась уликой целиком.

Для бумаг Мортона им отдали столовую. Дойл раскрыл перечень, сделанный при осмотре сюртука, и положил рядом красную книжку. На первых страницах шли расходы: поезд, обед, печать открыток, две ночи в гостинице. Дальше — фамилии лавочников и суммы. Уитмор

искал долг, который мог объяснить возвращение в Хейзелби, но расходов хватало разве что на неустроенную жизнь. Книга начиналась прошлым летом. Ближе к концу Мортон записал плату Нэшу и покупку угля; отдельно, с нажимом, стояло: «Брамвеллам за комнату — нет».

Рид прочёл через плечо.

— Ведёт счёт даже тому, чего не платит.

— Возможно, чтобы помнить, с чем спорит.

Внутри обложки лежал адрес конторы поверенного в соседнем городе. Фамилия — **Джеймс Листер**. Даты не было. Уитмор велел Дойлу выяснить, бывал ли у него Мортон в последнее время, не сообщая по телефону догадок о содержании разговора.

Сложенный лист из того же кармана оказался старой черновой копией. Дата вверху — ноябрь 1918 года. Обращение к Эдвину, затем несколько вычеркнутых строк. Автор не просил у него денег. Принимал обещанную комнату, если вернётся, и соглашался не приезжать без предупреждения. В середине написал: «С Ганной я поступил дурно. Но из этого не следует, что ты можешь говорить за неё до конца моих дней».

Ниже было ещё: «Девочка не останется маленькой. Когда придёт время, я отвечу сам, и ты мне этого не запретишь».

Рид перестал переворачивать книжку. Уитмор посмотрел на подпись в конце черновика, затем на другие письма, написанные Мортоном. Наклон, крупная петля буквы, то же нетерпеливое сокращение последних слов. Пока этого хватало, чтобы разбирать лист как его бумагу, не как уже удостоверенное свидетельство.

— Эдвин ему ответил про переднюю комнату, — сказал Рид. — И про условия при встрече.

Инспектор положил копию рядом с письмом Эдвина. Совпали месяц и год. Черновик не был ответом на найденное письмо: по смыслу Эдвин уже знал просьбу о пристанище, а теперь предлагал договориться лично. Между двумя людьми существовал разговор, от которого остались эти обрывки.

Рид перечитал строчку о девочке.

— Флора была ребёнком в восемнадцатом. И Ганна — её мать.

Уитмор кивнул. Он уже подумал о том же и успел представить, как Ада услышит вопрос. Это было неприятное опережение: он начинал готовиться к её ответу прежде, чем спросил о самом Мортоне.

Другие листы из сюртука оказались ценами на открытки и двумя старыми адресами заказчиков. В открытом конверте с письменного стола сохранился счёт за печать. Конверт был надорван небрежно, одна цифра из суммы перенесена в красную книжку. Спрятанного письма или угрозы в нём не нашлось.

Из ящика, который открывали вчера, Дойл достал связку корреспонденции. Большая часть касалась заказов и долгов; письма держались под одной бечёвкой без сортировки. Самое тонкое было вложено в сложенный рекламный лист. Бумага надорвалась на сгибе, чернила побурели. Подпись — «Ганна».

Инспектор прочёл его молча. Женщина спрашивала, получил ли Эдгар прежнее письмо. Сообщала, что Флора стала узнавать шаги Ады на лестнице, а при незнакомых прячется за юбку. Дальше говорила о собственной усталости, о деньгах на жильё, которых снова не прислали. «Не пиши мне, что надо набраться терпения. Я не могу рассчитаться терпением». Дата стояла в конце: март 1905 года.

Рид прочитал после него. Внизу Ганна просила ответить прямо: намерен ли он приехать хотя бы ненадолго. Не обещать снова, если не приедет.

В письме не было слова «дочь». Это отсутствие не уменьшало того, что оба полицейских поняли из него; но Уитмор видел, как легко было бы теперь истолковать всякую домашнюю ссору в пользу готового ответа. Он велел снять копии обоих листов и отдельно спросить о

почерке Ганны. Им предстояло говорить с Флорой. Пять минут назад вопрос казался вопросом о прошлом; теперь у него было лицо молодой женщины, которая рисовала окна на обороте показаний.

Дойл вернулся от телефона. Листер принимал до полудня; подтвердить что-либо без разговора с инспектором отказался, но обещал сохранить всё, что касалось Мортона. Рид посмотрел на часы. Можно было поехать сразу, однако сначала следовало закончить с кухней: Бесс уже дважды появлялась в передней, надевая пальто и снова снимая.

Уитмор отвёл её в сторону и спросил, знала ли она Ганну Кин.

— Я тут четыре года работаю. Ганна давно умерла. Мне только Флора про неё говорила.

— А про своего отца?

Бесс удивилась.

— Что с ним? Он тоже умер, кажется. Я у девушки не выпытывала.

— Мортон упоминал его при вас?

Она помедлила.

— Про отца — нет. Он про мать говорил. Один раз Флора платье подшивала в садовой комнате. Он сказал, что у неё пальцы такие же, как у Ганны. Она спросила, хорошо ли он её знал. Ответил: лучше всех, кого ты можешь здесь спросить. После этого миссис Брамвелл позвала его в переднюю. Больше я не слышала.

— Давно это было?

— После Нового года. Как раз рукав у меня был начат. Точнее не скажу.

Ада спускалась сверху. Бесс застегнула пальто и больше не прибавила ничего. Хозяйка спросила, не забыли ли о бельевом шкафе: раз собирались смотреть в субботу, нужно посмотреть сегодня, она освободила верхнюю комнату.

Уитмор сказал, что придёт после обеда. Спросил, где Флора.

— Пошла к Эндрю. Я не стала удерживать.

— В котором часу вернётся?

— Она не сказала. Вероятно, ещё не привыкла предупреждать, если выходит с утра.

Ада стояла у перил; деревянный шарик под её ладонью блестел от многолетнего прикосновения. Внизу Дойл собирал бумаги Мортона в папку. Хозяйка следила за этим, чуть подавшись вперёд.

— Всё это придётся читать кому-то ещё?

— Часть — да.

Она убрала ладонь.

— У мёртвых тоже остаётся личная жизнь, инспектор.

Уитмор не ответил сразу. Из кухни вышла Бесс, подняла со стула свою корзину и попрощалась с хозяйкой. Только когда за ней закрылась дверь, он спросил:

— Вы знали, что Мортон сохранил письмо вашей сестры?

Ада взглянула на папку, потом на него.

— Он сохранял всё, что могло ему пригодиться.

Это прозвучало устало, почти буднично. Она взяла скатерть с подоконника и стала разворачивать её на освобождённом столе. Сначала прикрыла середину, потом натянула край на ту сторону, где только что лежали чужие письма.

Глава 6. Ганна на фотографии

Уэллс снимал для приёма переднюю часть дома возле рынка. На двери висела табличка, а под ней — лист с часами, исправленными от руки. Пока Уитмор читал, изнутри кто-то повернул ключ и крикнул, чтобы подождали: собака сорвалась с привязи.

В щель высунулся узкий рыжий нос. Рид придержал дверь коленом. Из глубины коридора донёсся смех Флоры, затем раздражённый голос пожилой женщины:

— Он при мне никогда так себя не ведёт.

Пёс опять толкнул дверь. Рид опустился на корточки, подождал, пока хозяйка прицепит поводок, и лишь тогда вошёл. Флора держала разорванную бумажную упаковку. Эндрю собирал с пола что-то рассыпавшееся и выглядел несчастнее больного животного.

— Я тебе говорила не класть на край, — сказала Флора.

При виде инспектора она перестала улыбаться. Скомкала бумагу, попробовала расправить её обратно.

— Ещё нужно что-нибудь подписать?

— Сейчас нет. Можно поговорить с вами отдельно?

Она посмотрела на Эндрю. Тот выпрямился, задев головой открытую дверцу, сердито потёр затылок. Флора чуть было снова не рассмеялась. Уитмор пожалел, что пришёл именно в эту минуту.

Для разговора нашёлся маленький кабинет за приёмной. Там стояли два стула и большой стол с резаной клеёнкой. На подоконнике сохла пара перчаток. Флора взяла одну, чтобы сесть, потом положила обе на стопку газет. Инспектор остался у двери, давая ей выбрать место самой.

— Мы прочли письма мистера Мортона. Одно написано вашей матерью.

— Моей матерью?

— Да. А вы знали, как он с ней познакомился?

Флора покачала головой. Сказала, что жилец рассказывал о приморском городе, где работал молодым, и однажды упомянул Ганну. Тётя объяснила потом: знакомый прежних лет, знал всю семью. Флора больше не спросила. Она сердилась на Мортона за то, как он разговаривал с Эндрю, и не хотела ещё одной беседы, в которой он задаёт вопросы, а отвечает сам на что-то другое.

Уитмор положил перед ней фотографию, вынутую из отдельного конверта. Спросил, видела ли она этот снимок прежде.

— Нет. У меня есть другой. Там она сидит очень прямо, рука на спинке стула. Тётя велит беречь от света.

Здесь Ганна смеялась, убирая волосы со лба. Лицо было чуть смазано движением; ретушёр не стал его поправлять. Флора коснулась ногтем тёмного пятнышка на траве, словно хотела понять, не появилось ли оно на бумаге позже.

— Она была моложе меня, правда?

— Вероятно. Даты на снимке нет.

— Я всё время представляю её старше. В доме всегда говорят: твоя покойная мать этого бы не одобрила. А мне двадцать восемь.

Она оглянулась на дверь и подвинула фотографию к себе.

Инспектор спросил, что ей рассказывали об отце. Флора подняла глаза, сразу насторожившись.

— Вам это зачем?

Он не успел ответить.

— Я знаю, что в моей записи о рождении нет его имени. Знаю давно, мистер Уитмор. Тётя не хотела показывать, потом бумага понадобилась. Мне неприятно, когда начинают издалека, как будто я разобьюсь прямо на стуле.

— Мы нашли основания думать, что вашим отцом мог быть Мортон.

Флора продолжала смотреть на него. Потом опустила взгляд на фотографию; губы разомкнулись, но ни одного слова не получилось.

В соседней комнате женщина всё ещё жаловалась Эндрю, что пёс ведёт себя дурно только здесь. За стеной заскреблись когти. Инспектор подумал, что следовало найти другое место, хотя теперь никакое место не показалось бы подходящим.

— Он вам это написал?

— Прямого признания в прочитанных письмах нет. Есть письмо вашей матери к нему. Она пишет о вас и просит прислать деньги, спрашивает о его приезде. В его старом черновике к Эдвину говорится о Ганне и о девочке, которой он намеревался когда-нибудь ответить сам. Мы ещё проверяем остальные сведения.

Флора сжала край стула.

— Я думала, мой отец умер.

Она сказала это почти с удивлением. Затем уточнила: умер далеко отсюда, ещё когда она была маленькой. Фамилии ей не называли; Ада говорила, что отец уехал прежде рождения дочери, никогда не вернулся и давно не может ничего для неё сделать. Когда Флора в пятнадцать лет спросила, умер ли он, тётя ответила утвердительно.

— Именно так ответила? — спросил Уитмор.

— Да. Я помню, потому что потом было стыдно. Я хотела знать, не пришлёт ли он когда-нибудь денег. У девочки из школы отец вернулся с подарками. Мне казалось, если мой ещё жив, то может и мне что-нибудь привезти. Я не о нём думала, я хотела новую шляпу.

Она отпустила стул и стала тереть ладонь другой ладонью.

— Потом перестала думать даже о шляпе. Только злилась, когда меня жалели. Наверное, вам это не нужно.

Уитмор спросил, остались ли письма матери. Флора ответила: несколько у тёти; у неё самой две записки, переданные позже. В одной Ганна благодарила Аду за присланное бельё, в другой просила приехать. Последнюю Флоре дали уже взрослой. Всё надеялась, что сумеет что-то вспомнить, если будет её перечитывать.

Инспектор показал копию мартовского письма, оставив оригинал в папке. Флора узнала похожие завитки, но не взялась удостоверять чужой почерк. Попросила прочесть полностью. Уитмор подождал.

Она дважды вернулась к началу, потом задержалась на строках о деньгах.

— Он не приехал?

— Пока не знаем.

— Если приехал, тётя бы мне сказала. Она всегда говорила, кто помогал и кто нет.

Ещё через минуту Флора спросила, можно ли ей оставить копию. Уитмор разрешил. Она сложила лист вдвое, но фотографию не тронула.

— А это?

— После того как закончим с описанием, постараемся вернуть вам, если не возникнет других требований к вещам Мортона.

— Я могу подождать.

Она сказала слишком быстро. Инспектор хотел объяснить, что сделают ещё один снимок, однако Флора уже встала.

— Тётя знает, что вы сюда пришли?

— Знает, что мы собирались поговорить с вами. О наших находках я её спросил, но ответов ещё не получил.

— Я сама спрошу.

Уитмор предупредил: разговор коснётся и расследования, им ещё понадобятся отдельные показания обеих. Флора выслушала, не перебивая, и повторила, что пойдёт сама. Она не просила разрешения.

Он оставил ей время привести себя в порядок и вышел в приёмную. Эндрю проводил клиентку, повесил на гвоздь ремешок и, увидев лицо инспектора, вытер руки о полотенце ещё раз.

— Что случилось?

— Она сама решит, что вам рассказать. Мне пока нужно уточнить ваше посещение коттеджа в четверг.

Уэллс поморщился. Ему казалось, что они меняют тему нарочно. Всё же ответил: приехал ненадолго перед дневными вызовами, хотел сказать Флоре о двух комнатах. Думал застать её до возвращения в контору, но пришёл раньше обеда. Флоры ещё не было.

Рид достал книжку.

— Вошли через переднюю?

— Через заднюю. Я там обычно оставляю грязные ботинки. Миссис Брамвелл была в кухне. Сказала, Флора придёт позже.

— Кто ещё был?

— Мортон в своей комнате. Я слышал, как он звал. Не стал заходить: после нашего разговора мне не хотелось опять с ним ссориться.

Эндрю вышел, никого больше не увидев. Ральфа в тот раз не было. Бесс могла уйти к прачке или работать наверху; сказать не мог. Часы у хозяйки не смотрел, своих в тот день не носил — отдал чинить ремешок.

— Долго вы пробыли в кухне?

— Две-три минуты. Во всяком случае, мало. Она наливала что-то из коричневой бутылочки, я не хотел мешать. Взяла ложку, ушла к нему. Я сказал вслед, что зайду вечером.

Уитмор попросил описать бутылочку.

— Аптечная. С синей бумагой. Я решил, лекарство. Почему?

— Вы видели надпись или дату?

— Нет. Она держала её к себе. Нижний угол бумаги отклеился, миссис Брамвелл ногтем его пригладила. Это я помню, у меня самого на столе этикетки отходят от сырости. А что написано, не читал.

— Жидкость вылила в ложку при вас?

— Да. Она стояла по другую сторону стола, я у двери. Не знаю, полную или нет, я на неё не смотрел всё время. Мортон позвал опять. Она сказала, что несёт, и ушла.

— Вернулась с той же ложкой?

— Я ушёл раньше.

Рид записал ответ без добавления. Уэллс глядел то на него, то на инспектора и наконец спросил, не считают ли они, что он должен был зайти следом. Уитмор сказал, что сейчас выясняют порядок событий. Этого оказалось мало: ветеринар принялся объяснять, почему не хотелось попадаться Мортону.

Его прервала Флора. Она вышла с застёгнутым пальто, держа в руке перчатки. Подошла к Эндрю, что-то сказала ему тихо. Он сперва не понял; наклонился ближе, затем отступил на полшага.

— Ты уверена?

— Нет. Я поэтому и иду домой.

Он хотел пойти с ней. Флора отказалась, но попросила прийти позже. Эндрю, уже взявшийся за пальто, опустил руки.

Полицейские задержались. Уэллс показал свою запись четверговых вызовов: сначала рынок, потом ферма за восточной дорогой. До коттеджа заехал между ними. Записи делал вечером; точное время не проставлял. Рид переписал имя фермера и мальчика, который в тот день привёл телёнка. Бесс собирались отпустить вовремя; сержант решил сперва застать её по дороге, а уже потом идти на рынок.

Когда Уитмор вошёл в Розовый коттедж, верхняя дверь была закрыта. За ней негромко разговаривали женщины. Дойл остановил его жестом: Флора просила несколько минут, после чего позовёт.

Инспектор остался внизу. В столовой пахло крахмалом. На новой скатерти стояла одна чашка, возле неё — тарелка, накрытая другой тарелкой. Дойл спросил, нужно ли пригласить Ральфа. Уитмор пока отказался.

Сверху донёсся голос Ады, чуть громче прежнего:

— Я была там. Тебя ещё не было, когда он уехал. Я всё это видела.

Затем голос Флоры, почти неразличимый. Уитмор отступил от лестницы. Не хотел записывать случайно услышанные слова, как будто сам проводил допрос, но забыть их уже не мог.

Флора позвала через несколько минут. Они сидели в её комнате; Ада на стуле возле двери, племянница на кровати. На покрывале лежала синяя коробка. В ней письма, несколько лент, старый медальон, маленькая белая перчатка, явно детская. Уитмор увидел всё это одним взглядом и остался у порога, пока его не пригласили сесть.

— Тётя говорит, что он мой отец, — сказала Флора. — Вы можете её спросить при мне.

Ада смотрела на коробку.

— Нечего было начинать с незнакомыми людьми. Ты могла бы просто спросить меня.

— Я спросила тебя, умер ли он. Давно. Ты сказала, умер.

— В ту пору я сама не знала, что с ним. Он исчез. Для Ганны его не было, когда она нуждалась в помощи.

— А осенью ты знала.

Ада подняла голову.

— Осенью он явился с письмом Эдвина. Я велела ему уехать. Он не уехал. Ты бы хотела, чтобы я рассказала тебе об этом человеке прежде, чем поняла, зачем он пришёл?

Флора отвернулась к окну. Уитмор попросил Аду назвать то, что она знала о Ганне и Мортоне. Та сперва отвечала отрывисто, будто каждое слово полагалось извлекать отдельным вопросом; потом стала говорить свободнее.

Ганна познакомилась с ним у моря. Он тогда работал в фотографической мастерской, собирался уезжать, обещал вернуться. Не вернулся. Сестра ждала письма неделями, а когда помощь всё-таки приходила, оказывалась меньше обещанной. Ада принимала её к себе, затем та опять снимала жильё неподалёку: не хотела стеснять семейных. Флора родилась в 1904 году. В записи Ганна не назвала отца, потому что он не собирался признать ребёнка так, чтобы это чего-нибудь от него потребовало.

— Она вам это сказала? — спросил инспектор.

— Да. Не однажды. И писала. Письма сохранились.

Ада взяла верхний конверт из коробки, но Флора забрала его у неё.

— Это моё. Здесь другие.

Женщина убрала руку. Сказала, что принесёт нужные письма из своей комнаты. Вернулась с небольшой пачкой, стянутой тесёмкой. Уитмор просмотрел даты, попросил разрешения взять для копирования те, где Ганна называла Мортона. Флора настояла, чтобы ей тоже дали прочесть.

В одном сестра просила Аду не писать ему снова о свадьбе: после последнего письма он вообще перестал отвечать. В другом, уже после рождения ребёнка, сообщала, что назвала девочку Флорой, как собиралась, и не станет менять имя из-за его внезапного недовольства.

Почерк совпадал с тем, что инспектор видел утром. Адресат сохранил конверты, почтовые даты ещё можно было разобрать.

Уитмор спросил, знал ли Эдвин. Ада кивнула. Помогал с жильём, позднее забрал девочку в дом после смерти Ганны. В восемнадцатом Мортон прислал ему просьбу о комнате: после войны собирался вернуться, ссылался на старую близость. Эдвин не любил его, но считал, что тот всё-таки должен получить возможность когда-нибудь поговорить с дочерью. Ада не хотела этой встречи.

— Мы спорили. Он отослал письмо без меня. Я узнала уже потом.

— Вы переписывались с Мортоном после этого?

— Не я. Муж, может быть. Я не знаю всего, что он писал.

— А когда Мортон приехал, вы условились не говорить Флоре?

Ада посмотрела на племянницу.

— Я попросила его не говорить сразу. Он согласился. Потом начал угрожать, что расскажет по-своему. При людях, за столом, как угодно. Он не умел сделать ничего по-человечески.

Флора долго молчала. Потом спросила, говорил ли он так в среду или четверг.

— Он говорил это всё время.

— Тётя, я спросила про среду.

— В среду тоже. Что именно ты хочешь услышать?

Девушка встала с кровати, положила коробку на стол. Уитмор заметил, что она перестала тереть ладони.

— Я хочу услышать то, что ты отвечаешь. Не то, что я должна хотеть.

Ада дёрнулась, будто собиралась подняться, но осталась сидеть. Внизу кто-то позвонил в дверь; Дойл открыл. Из передней донёсся бас Ральфа, и хозяйка привычно повернула голову к лестнице.

Флора закрыла свою коробку. Уитмор попросил о коротких отдельных разговорах позднее и сказал, что пока заберёт только письма с согласия владелицы. Ада кивнула, попросила расписку. Он составил её тут же.

В дверях Флора коснулась его рукава.

— Я не знала, — сказала она. — Даже когда он сидел напротив и я думала, как бы скорее убрать со стола. Теперь мне кажется, должна была догадаться. А тогда просто хотела выйти из комнаты.

Уитмор посмотрел на её руки, на краску возле ногтя. Ни одного слова, которое стоило бы сказать, он не нашёл сразу.

— Вы могли выйти, — ответил наконец.

Она убрала руку. Когда он спустился, Ральф уже ждал в столовой. Снял перчатки, положил рядом с собой и спросил, что полиция наговорила девушке. Уитмор велел Дойлу пригласить его в садовую комнату: этот разговор теперь тоже нельзя было откладывать.

Глава 7. День возвращаемой посуды

Бесс Рид догнал возле булочной. Она уже успела купить батон, а теперь стояла, не выходя из дверей, и пересчитывала сдачу. Продавец держал за прилавком маленькую записную книжку. Оба делали вид, что второй не имеет к их подсчётам отношения.

— В среду? — переспросила Бесс. — У миссис Картер. Я вам вчера говорила. Вы бы лучше к ней сходили, она любит рассказывать.

Рид сказал, что сходит. Попросил сперва уточнить, когда вымытую посуду сложили в коробку и выносили ли её из дома до четверга.

— В среду я ушла, коробка осталась под окном. В четверг вечером сама перенесла в кладовую. Стали бегать за водой, два раза ногой зацепили. До аптеки не донесли, потому что я на пятницу оставляла.

— А обычно относите по пятницам?

— Если наберётся. И если мне по пути. Нэш не помрёт без трёх бутылок до следующей недели.

Бесс опять глянула на монеты. Рид замолчал, дав ей закончить. Продавец наконец откашлялся и сообщил, что в прошлый раз не хватило двух пенсов. Бесс перестала считать, открыла сумку и положила деньги отдельно на прилавок.

На улице она шла так быстро, что сержанту пришлось прибавить шаг.

— Не нужно было за мной входить. Теперь вся очередь решит, что я ему не платила.

— Я не знал.

— Никто ничего не знает, а потом рассказывают. У нас такой посёлок.

Она остановилась возле изгороди, поправила батон в корзине. Рид спросил, могла ли пропустить ещё один флакон в комнате Мортона. Бесс ответила сердито: могла пропустить что угодно в его ящиках, она их не обыскивала. Но на столике стояла одна коричневая бутылка, и её Мортон отдал пустой. Сержант попросил назвать всё, что он оставил на виду.

Бесс перечислила чашку, блюдце, ложку, банку с приправой, собственный хлеб. Воды в кувшине было мало; она принесла свежей. Мортон собирался на площадь, потому что фотограф обещал показать отпечатки. Спросить у фотографа можно: фамилия на вывеске, другой мастерской в Хейзелби нет.

— После того как вы помыли флакон, он заходил в кухню?

— Не при мне. Я его за дверью слышала, когда он пальто надевал. Потом ушёл. А я как раз стекло ополаскивала.

Слова немного сузили утреннюю среду, но Рид видел впереди целый день, вечер и следующее утро. Он мог расставить людей по часам и всё же не уследить за маленькой бутылкой. Бесс сказала, что больше ждать не может, и он отпустил её.

Миссис Картер жила над бакалейной лавкой, которую теперь держал её сын. Дверь открыла в фартуке, с мукой на локте; сержант опасался попасть во второй хозяйственный спор за утро. Однако женщина, услышав о среде, сама пригласила его наверх.

— Бесс полы мыла. Я велела коврик поднять, а там от сырости пятно. Во вторник я как раз сказала сыну, что пахнет, он ответил: тебе кажется. В среду пришлось мебель двигать.

Она показала пятно, потом сына, занятого в лавке. Тот подтвердил, что переносил шкафчик после обеда. Бесс пришла, когда они уже поели; кончила при свете лампы. По дороге забрала для хозяйки свёрток внизу, сын записал его в расход. Рид переписал строку, затем спросил сына, оставался ли тот в лавке всё время. Оказалось, после обеда отлучался к поставщику.

Дальше он дошёл до фотографа. Мортон действительно приносил несколько старых видов, хотел договориться об открытках. В среду заходил за пробными отпечатками, нашёл их

неготовыми и ругался. Фотограф запомнил день благодаря заказу на школьный снимок: детей снимали утром, после обеда доставали лишние стулья из соседнего зала. До обеда ли ушёл Мортон, уверенно не сказал. Повторял, что никаких лекарств ему не давал, хотя Рид об этом ещё не спрашивал.

В аптеке стояла очередь из двух человек. Нэш попросил сержанта подождать у бокового прилавка. Его помощник, худощавый молодой человек по имени Тобиас Финч, выносил из подсобки свёртки. При виде книжки Рида положил один на весы, потом торопливо переложил подальше от них.

Разговаривали за прилавком, после ухода покупателей. Финч помнил Флору: вернулся с почты, она стояла у двери, держа пакет. У неё с подола капало. Нэш попросил принести бумагу, чтобы не промочила упаковку. Молодой человек обернул пакет вторым листом и помог перевязать. Дата на аптечной этикетке ему не запомнилась; флакон был новый, вынесенный хозяином из рабочей комнаты.

— Она его разворачивала?

— Зачем? Было и так видно, что бутылка. Я только поверх обернул. Мисс Кин сказала спасибо и пошла домой.

Нэш назвал другую покупательницу, миссис Селби, которая в тот день пришла за кремом для рук. Она жила неподалёку, приём полицейского не затянулся. Подтвердила разговор о старом лекарстве: Флора сказала аптекарю, что Мортон всегда сперва доканчивает прежнее. Миссис Селби это понравилось; её покойный муж начинал всякую новую вещь, бросая старую, а пустые банки потом приходилось хранить годами.

Рид вежливо выслушал и историю банок. Возвращаясь через мост, увидел на втором этаже Эмму Тейт. Она открывала окно, упиравшееся в подоконник. Сержант поднялся помочь, заодно попросил уточнить четверг ещё раз. Эмма ответила, что уже показала всю книгу, но окно ему уступила.

— До аптеки Флора никуда не уходила?

— Утром — нет. Вместе пришли, вместе сидели. Она мне помогла с перепиской, иначе бы я ещё дома осталась в субботу.

— А мистера Уэллса видели?

— Видела. Флора ему рукой махнула с лестницы. Он шёл от коттеджа. Я как раз думала, сейчас она с ним уйдёт и будет бежать обратно без обеда. Но он её не подождал. Мимо окна прошёл, а она повернула в аптеку.

Эмма показала вниз. Через мост и кусок улицы отсюда было видно хорошо; вход в аптеку скрывал козырёк, саму покупку она не наблюдала. Сержант ещё раз спросил о порядке. Уэллс прошёл прежде, чем Флора свернула к Нэшу. Вместе они через мост не шли.

— Сама вам сказала, куда идёт?

— Ещё утром. Тётя напомнила ей про лекарство, когда Флора выходила из дома. Она злилась: опять должна помнить за всех. А потом сказала, что Нэш по дороге, нечего сердиться. У неё так бывает — сама с собой поспорит и на меня посмотрит, как будто я проиграла.

Эмма улыбнулась. Затем спросила, правда ли Мортон был Флоре родственником. Рид ответил, что сейчас это выясняют с семьёй, и улыбка исчезла.

— Я ей ничего плохого не желала. Когда говорила вам про комнаты.

— Я понял.

— Вы ей не передадите? Что я не хотела лезть.

Рид обещал передать при случае. На лестнице понял, что не знает, представится ли такой случай и сумеет ли повторить без неловкости. В книжке между двумя аптечными фамилиями осталось: «Эмма — сказать Флоре».

В коттедже Ральф занимал кресло у стола с красками. Уитмор сидел напротив; дверь была открыта, Дойл записывал. Сержант отдал инспектору лист с проверкой Бесс, остальные пока оставил при себе.

— Я не мог знать, что она начнёт расспрашивать именно сегодня, — говорил Ральф. — Мне хотелось сначала поговорить с Адой.

— Вы знали, кем Мортон был ей?

— С некоторого времени. Ещё Эдвин говорил о нём. Не подробности. Что человек поступил плохо, что девочку взяли к себе. Я не думал, что он вернётся через столько лет.

Ральф признал, что настаивал на отъезде Мортона. Долг за комнату делал разговор проще: можно было говорить о деньгах, не объясняясь о Ганне. В четверг после обеда опять приезжал, предлагал оплатить билет и ещё немного на первое время. Мортон отказался, потребовал, чтобы оставили его в покое, сказал, что поговорит с Флорой, когда сочтёт нужным.

— Вы предлагали деньги за молчание? — спросил Уитмор.

— Я предлагал ему уехать. Какая разница, как он это называл?

— Для вас, кажется, была.

Ральф вытащил платок, вытер стёкла очков. Дойл спросил, где происходил разговор. В комнате Мортона. Брамвелл прошёл через переднюю, встретил Аду, потом заходил к ней на кухню. Сколько оставался, не помнил. Уходил раздражённый, вернулся к вечеру, когда стало известно о болезни.

— Вы что-нибудь давали жильцу? Еду, питьё, лекарство?

— Я не врач. Ничего не давал. В кармане у меня был кошелёк, и тот я обратно принёс.

Уитмор попросил вспомнить всё купленное для коттеджа за последние дни. Не только продукты. Ральф назвал счёт за уголь, мелкие вещи из железной лавки, средство против крыс. На последнем Дойл поднял голову.

— Когда?

— Во вторник. Ада говорила, они под сараем. Я всё равно шёл к Нэшу за своим заказом, купил и ей. Разве она не показала?

Средство нашлось в запираемом шкафчике возле задней двери. Ада достала ключ со связки, которой прежде открывала кладовую, и отперла при полицейских. В шкафу хранили несколько хозяйственных принадлежностей; они были отделены от кухонной посуды. Упаковка Нэша с предупреждающей надписью стояла в дальнем углу. Её описали, завернули отдельно.

Ада сказала, что Ральф принёс во вторник, она убрала, применять ещё не успела. Ключи держала у себя, но днём связка могла лежать на кухонной полке. Ральф пользовался ею, когда смотрел запор задней двери. Флора знала, где ключ, Бесс тоже. Мортон однажды сам брал инструменты, хотя хозяйке это не понравилось.

— Я не могу сидеть возле каждого шкафа, — сказала Ада. — Вы всё время спрашиваете, кто мог открыть. В доме четыре человека ходят через кухню, и ещё приходят.

Ральф возразил, что инструмент лежал в другом отделении. Ада ответила, что ключ тот же. Рид записал обе фразы. Сержанту хотелось открыть шкаф и посмотреть на внутренние перегородки, но хозяйка уже отдала ключ Дойлу, и он подождал, пока констебль закончит с упаковкой.

Внутри оказалось тесно. Для содержимого дальнего угла не требовалось вынимать инструмент. На полке сохранилась пыль с полосами от передвинутых вещей. Определить, какие из них двигали во вторник, а какие месяц назад, Рид не мог.

Уитмор попросил Ральфа написать отдельно о покупке и всех посещениях кухни в среду и четверг. Тот покосился на Аду и согласился. Флора спустилась во время этих объяснений. Увидела упакованную вещь, остановилась на нижней ступени.

— Это из-за того, что вы думаете про лекарство?

— Мы проверяем, что было в доме, — ответил инспектор.

— Эндрю у себя тоже такое держит. У него работа.

Рид понял, что она успела подумать о женихе раньше, чем они назвали хоть одно вещество. Флора заметила его взгляд.

— Я не говорю, что он брал. Просто вы и его спрашивали.

Уитмор попросил её подойти в садовую комнату, когда закончат с Ральфом. На этот раз она не стала ждать приглашения тёти и прошла туда сразу.

Отдельно Флора подтвердила, что видела Эндрю возле моста, когда вышла из конторы за свежим лекарством. Поздоровались на ходу. Он спросил, будет ли она дома вечером; ответила, что будет, если не задержится у Эммы. Тогда Эндрю ещё не сказал про комнаты — хотел прийти с адресом, записанным на бумаге.

— Он заходил к вам прежде, чем встретил вас?

— Да, сказал: тебя не застал. Я думала, тётя предложит ему пообедать, а он убежал. Потом мы уже о другом заговорили.

Рид развернул свою запись со слов Уэллса. Бутылочка в руках Ады, ложка, Мортон за дверью. К тому времени свежий пакет ещё ждал в аптеке. Между походом Эндрю в дом и возвращением Флоры оставался путь через мост, покупка, разговор с Нэшем. Не требовалось решать, у кого часы шли вернее.

Уитмор прочёл лист, поднял глаза на сержанта. Рид отодвинул карандаш: хотел, чтобы инспектор дочитал дословное описание прежде, чем они начнут обсуждать его.

За дверью Ральф доказывал Дойлу, что держал ключи только ради замка. Флора прислушалась, поднялась со стула.

— Я пойду к себе. Если ещё понадоблюсь, позовите. Только вы, пожалуйста, сами.

Уитмор проводил её до передней, затем вернулся. Спросил Рида, когда тот успел поесть. Сержант не успел, и его внезапно рассердила собственная пустая желудочная боль: с утра везде видели хлеб, банки, чужие обеды, а сесть на десять минут не получилось.

На кухне Бесс оставила накрытый поднос. Ада разрешила взять, сама отказалась от чая. Рид ел стоя, пока Дойл звонил в участок и Нэшу. Аптекарь подтвердил вторничную продажу Брамвеллу и состав средства: оно содержало мышьяк. Саму упаковку ещё предстояло исследовать. Нэш согласился передать свои записи вместе с оставшимся товаром той же партии.

Около четырёх позвонили из города. Дойл позвал инспектора к телефону. Рид видел, как тот отодвинул тарелку, прижал трубку к уху и попросил повторить сведения отдельно по каждому предмету.

Первые исследования показали мышьяк в остатках из старого флакона, помеченного двадцать шестым января. В проверенной части свежего лекарства его не обнаружили. Работа продолжалась, окончательные бумаги ещё не были подписаны. По материалам вскрытия ответа пока не давали.

Уитмор записал фамилию говорившего и время звонка. Уточнил, пришлют ли сведения письменно, попросил не расходовать без остатка сохранённые образцы. Потом несколько секунд молча держал трубку, хотя собеседник уже простился.

Ада появилась в дверях с пустым подносом.

— Что-нибудь узнали?

Инспектор положил трубку.

— В старой бутылке обнаружили мышьяк. Причину смерти ещё проверяют. Мне нужно снова спросить вас о четверге.

Она посмотрела на поднос в своих руках, словно не понимала, зачем принесла его. Поставила на стол. Впервые за всё время угол остался выступать над краем, и Ада не поправила.

Глава 8. Чужое право

Ада села у телефона, не дожидаясь, пока ей предложат стул. Попросила закрыть дверь: Флора наверху, ей не нужно слышать ещё и это. Уитмор прикрыл, но не запер. Дойл занял место за столом. Рид оставался возле окна, держа в руке запись Уэллса.

— Он сам попросил, — сказала Ада.

Инспектор подождал.

— Я давала ему лекарство до обеда. Если вы об этом хотите спросить. Он сказал, что тянет в желудке, велел принести ложку. Прежде так бывало. Доктор уже его смотрел, назначение было. Я ничего другого ему не давала.

— Из какого флакона?

— Из старого. Новый Флора ещё не принесла.

Рид положил лист на подоконник. Ада заметила.

— Эндрю рассказал? Он как раз приходил. Я не делала ничего тайного.

Она спросила, нашли ли мышьяк в лекарстве с самого начала или его могли внести позже. Уитмор повторил, что установлен состав оставшегося во флаконе, а не день, когда всё случилось. Отдельной сохранённой порции двадцать шестого января у аптекаря нет.

— Значит, вы не знаете, — сказала она.

— Поэтому спрашиваем вас.

— Он дал мне бутылку из своей комнаты. Я взяла ложку на кухне. Принесла обратно. Он выпил, а я пошла готовить к обеду. Вот и всё.

— Бутылку тоже ему вернули?

— Да. На столик.

— Там оставалось лекарство?

Ада помедлила.

— Немного. Не могла измерить взглядом. Что-нибудь на дне.

— Бесс говорит, что вымыла этот флакон накануне. И сообщила вам, что он пуст.

— Я вам уже сказала, что помню её слова. Но в четверг бутылка была у него. Не могла же я запретить ему иметь своё лекарство только потому, что Бесс убрала посуду.

Она произнесла имя помощницы с подчёркнутой ясностью. Уитмор спросил, откуда, по её мнению, взялась жидкость. Ада ответила, что не знает. Он мог оставить что-то в стакане, мог держать запас, мог отослать Бесс не ту бутылку. В конце концов, больной сам сказал, что это его лекарство.

— Эти слова вы помните?

— Сказал: дайте ещё моего старого. Не раз просил. Не только тогда.

Дойл записал. За дверью скрипнула половица, и Ада остановилась, прислушалась. Никто не вошёл.

Инспектор спросил, куда делся старый флакон после начала болезни. Она отвела глаза к окну.

— Я отнесла в кухню. Поставила к пустой посуде. Он сказал, что там уже нечего брать. Доктор ещё не приехал, мы убирали вокруг кровати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.